Игорь Николаев

ГОРОД ТЬМЫ И ДОЖДЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Киберпанк, СССР, попаданец. Поскольку публикация сорвалась - книга выложена полностью.

- Николаев Игорь
  -
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23

Николаев Игорь

Город Тьмы и Дождя

Мегаполисы, залитые холодным неоновым светом, жестоки и безразличны к людям. Здесь правит закон сильного, правило абсолютной ответственности. Ты можешь взять все, до чего дотянешься, но будь готов к ответу.

В этой жизни есть место приключениям, славе и конечно же большим деньгам. Однако в киберпанке за все надо платить. А цена, в конечном итоге, всегда оказывается слишком высока...

Игорь Николаев

при деятельной поддержке и консультациях
Миши Макферсона
Михаила Лапикова
Луизы Франсуазы
Михаила Рагимова
Всеволода Мартыненко
Александра Бирюкова
Александра Поволоцкого

Город тьмы и дождя

Стоимость, или ценность, человека, как и всех других вещей, есть его цена, то есть она составляет столько, сколько может быть получено за пользование его силой... И как в отношении других вещей, так и в отношении людей определяет цену не продавец, а покупатель. Пусть люди (как это большинство и делает) ценят самих себя как угодно высоко, их истинная цена не выше той, в которую их оценивают другие.

Томас Гоббс 'Левиафан, или Материя...'

Поколения, привыкшие к честному образу жизни, должны вымереть в течение последующих 20 лет, а затем произойдет

величайшая катастрофа в истории в виде широко распространяемой технической монокультуры, основы которой сейчас упорно внедряются во всех странах, и даже в Китае, Индонезии и Африке.

Из письма И.А.Ефремова Э.К.Олсону, 1969 год

Пролог

Палец на спусковом крючке держат одни идиоты. Глинский - мой первый стрелковый наставник - часто повторял эти простые, но мудрые слова. Иногда 'идиоты' заменялись на 'самоубийц', что, впрочем, одно и то же. Указательный палец должен располагаться вдоль ствола и перемещаться на спуск только непосредственно перед выстрелом.

Забавно было слышать такую сентенцию в эпоху стрелковых прошивок, огневых модулей, управляемых пуль и прочей технохрени этого шизанутого мира... Хотя надо признать, древние оружейные мудрости и навыки времен 'Горячей Войны' в свое время спасли мне жизнь. Вопрос лишь в том - к добру ли было это спасение? Ну да, после того я высоко поднялся. Зато теперь хорошо так упал. Пожалуй, слишком хорошо, в прямом смысле слова. Я лежу и потихоньку умираю. Руки и ноги неподъемны, как будто на них подвешены утяжелители-гандикапы. В определенной мере так и есть, только не подвешены, а скорее прицеплены к костям.

И совсем рядом стоит человек, который намерен меня убить. Просто и безыскусно застрелить. Тот, кто сейчас держит в руках револьвер, не занимался у моего первого наставника. Да и вообще вряд ли где-то профессионально тренировался, поэтому держит пушку - опять же по Глинскому - 'как мудак'. С пальцем на спуске. И это печально, потому что лишний раз подчеркивает - у него есть оружие, а у меня - нет. Все по Киплингу одним словом, как там в оригинале...

'На каждый вопрос есть чёткий ответ: У нас есть 'максим', у них его нет'

Или это был не Киплинг?..

Человек с револьвером молчит. Все уже сказано, осталось лишь действие. Он действует, то есть заряжает M-Unica/Mk.9. Его револьвер сделан в специальной комплектации, на заказ, поэтому никаких сменных кассет, только старый добрый откидывающийся барабан. Не столько оружие, сколько стильный аксессуар. Перезарядка идет медленно, очень медленно - с точки зрения

опытного стрелка. Потому что владелец револьвера не привык быстро и профессионально обращаться с оружием. Все мои чувства сейчас обострены, а его чертов шпалер невероятно шумен. Так что каждый щелчок и лязг бьет, как кувалдой по затылку. То есть сначала бьет по аудиосенсорам в ушной раковине, а затем уже отдается в черепе со всеми микросхемами, что вживлены в кость.

А плохой стрелок, который твердо намерен меня убить, заряжает по одному одиннадцатимиллиметровые патроны. У девятой модели ствол соосен с нижней каморой, а не верхней, как у нормального ливольверта. А еще он автоматический, поэтому более склонен к разного рода осечкам и неисправностям. Можно помечтать, что именно в этот раз случится осечка. А еще лучше - пистоль взорвется прямо в руках у стрелка. Было бы славно...

Щелк. Щелк... Все пять патронов на месте. Барабан встает на место. Господи, ну почему именно слух?.. Вся электроника отключилась, а слуховые датчики работают на всю катушку. И кажется, будто вибрирует каждый кристалл, платиновая платформа и золотая нить в моей несчастной башке. Зрение, как же мне сейчас пригодилось бы мое прежнее отменное зрение от Зенита с параллельной обработкой видеосигнала процессором от Цейса... И еще был бы кстати дареный пистолет Глинского... Ну или хотя бы десятимиллиметровый Стечкин.

- Это печально, если посмотреть на вещи объективно, - сообщает револьверщик с пижонским автоматическим револьвером. - При других обстоятельствах все могло сложиться иначе.

Он говорит не для меня, а скорее самому себе. У него хорошо поставленный голос и размеренные интонации профессионального политика. То есть менеджера, так вернее. Кому сейчас нужны политики?.. Три верхних перекрытия дома пробиты упавшим транспортом. Вокруг нас разор и полная Хиросима под руку со Сталинградом. Сырой битый кирпич у меня под задницей, да к тому же штукатурка продолжает осыпаться с верхних этажей через пробоины в уровнях. А козел вещает, будто на презентации. Впрочем, хороший бы презентейшен получился, ей богу.

'Позвольте обратить ваше внимание на арбитра, что валяется на этом живописном сочетании кирпичного крошева и бетона. Не правда ли, его кровь смотрится весьма выигрышно в свете единственного фонаря с автономной батареей?.. Он получил семь пуль из изделия наших американских конкурентов, но до сих пор условно функционален. Это лишний раз подтверждает, что советская оружейная мысль опережает любые конкурирующие

разработки.'

Теперь как будто шестеренка проворачивается в громадном часовом механизме - взводится курок. Самое время воскликнуть что-нибудь наподобие 'Вот это поворот!'.

Час назад сама мысль о таком развитии событий была немыслимой. Пятнадцать минут назад я бы даже не стал стреляться с моим убийцей, а просто отобрал бы 'Юнику' и засунул ему в зад. Мушку он наверняка не спилил.

А сейчас я, надо думать, сдохну. Ну или в обозримом будущем... Обозримом, оборзимом... игра слов, однако. Так же забавно как 'заражение' и 'заряжание' револьвера. Кассеты с обезболивающим отработаны полностью, так что в моих жилах веселящей химии сейчас как бы не больше, чем собственно крови. Это провоцирует занимательный эффект - отключение страха, эффект отстраненности и юмористическое восприятие действительности. Теоретически боевая эйфория компенсируется последующим периодом черной депрессии и меланхолии, но до той поры я, похоже, не доживу.

Мне весело и смешно. Что может быть забавнее ожидания неминуемой смерти? Как там было у Станислава Лема... 'Death is very permanent!', вроде так. Забыл, какая книга.

Мысли путаются, в голове все плывет и расползается. Кажется, отпускает, действие эликсиров заканчивается. Я ведь не военный, я арбитр. У нас своя специфика - арбитр за редкими исключениями либо может рассчитывать на быструю эвакуацию, любо вообще ее не дождется. Поэтому наши стимуляторы и 'кнуты' очень сильны, но короткодействующие. Боевик взрывается короткой вспышкой яростного действия, игнорируя боль и любые повреждения. А потом восстанавливается для новых подвигов совместными усилиями медицины, а также передовой инженерии ('советское - значит отличное!'). Или не восстанавливается и списывается с баланса.

Как легко меня сейчас убить... Или, если придерживаться трестового жаргона, перевести в разряд списанного, отработанного материала. Одной, может двумя пулями из гнусного пистоля, который оскорбляет саму природу огнестрельного оружия. И если минуту назад это казалось забавным, то теперь мне страшно. Очень страшно, так же и четыре года назад. Только тогда я лежал не на строительном мусоре, под тусклым светом единственного плафона, а на разделочном столе уличной гопоты. Но меня точно также собирались убить.

Круг замкнулся. С чего начал, к тому и пришел.

Мне уже не весело, а очень плохо - откат после боевой химии

умножает боль от ран, глушит мозги и все органы чувств, давит, словно прессом. Я пытаюсь молиться, потому что кроме божественного вмешательства меня уже ничто не спасет.

Господи, помоги, забери меня отсюда. Я хочу обратно, к 'ведроидным' планшетам, 'многополярному миру' и ю-тубу.

Я хочу домой...

Часть первая
Чужак

Глава 1

Можно сказать, все началось с того, что Сашган (вообще то Александр, но об этом давно забыли) взял в банке очередной кредит и купил себе, наконец, машину - европейский гибрид. После чего без лишних рефлексий решил махнуть 'куда-нибудь', просто так. Прокатиться с ветерком, почувствовать себя хозяином жизни, ровней которому только ветер и небо. Разумеется, Вика-Виктория, нынешняя пассия Сашгана, разделила с ним тяготы пути. Это было очень разумно с ее стороны, особенно с учетом того, как сама Вэ-Вэ заняла свое нынешнее место 'первой любимой жены султана'. Инга - вторая (или даже третья?) лучшая подруга Вики-Виктории - увязалась следом. И в свою очередь потянула своего нынешнего друга Алексея Постникова. Алексей же, в свою очередь, долго не раздумывал, поскольку в последнее время начал подозревать, что понятие 'друг' у них с Ингой толкуется по-разному, хотя и с общим корнем - то ли 'бойфренд', то ли 'френдзона'.

Вот так, долго ли, коротко ли, четверо москвичей - уже не слишком юных, но далеко не старых; не богатых, но в целом и не бедствующих; отягощенных разными жизненными заботами, но не сейчас, а в неопределенном будущем - занялись автомобильным туризмом. Путь их лежал к славному городу Туле, точнее, если быть точным, скорее в абстрактном направлении 'на Тулу'. Поскольку, как сообщил Сашган, где-то там у него жили какие-то сельско-загородные родственники, у которых можно зависнуть на неопределенное время. И вообще, почему бы благородным донам и доньям не прокатиться в славный город бесполезных самоваров и сугубо утилитарных пряников?

Дорога была свободной, можно сказать - почти пустой. Солнце уже явно клонилось к закату, но не настолько, чтобы можно было провести четкую грань между 'днем' и 'вечером'.

Сашган вел машину залихватски и с понтами - откинувшись на сиденье едва ли не в пол-оборота, одной рукой, причем рулил он даже не ладонью, а скорее запястьем. Ему вообще была свойственна некая эпатажность, стремление выделиться 'из толпы'. Уже второй год инженер-программист старательно косплеил то ли Джобса, то ли Гейтса (которого высокомерно называл не иначе как Бальдуром Гейтсом), что при квадратных габаритах и специфической картофелеобразной физиономии

программера смотрелось довольно странновато. Он не вылезал из долгов, но при этом каким-то чудом всегда оказывался при деньгах и в хороших отношениях со всеми кредиторами (имя которым было - легион).

Поскольку, как уже говорилось выше, дорога-'четырехрядка' была почти пустой, Сашган не только рулил, но проповедовал самый что ни на есть махровый социал-дарвинизм.

- Бизнес всегда по природе своей сильнее наемных сотрудников, и это очень правильно, очень разумно! Серая масса и должна работать на износ, - вещал он, занимаясь одновременно тремя вещами - поправляя очки в тонкой металлической оправе, продолжая пафосную речь и выходя на обгон. Из-за специфического 'хвата' машина управлялась чуть дергано, поэтому Алексей невольно сжал челюсти и втянул голову в плечи. Требовать от джобсо-гейтсообразного водятла более аккуратной езды было бессмысленно, оставалось только утешаться парафразом вождя всех времен и народов - 'у меня нет для вас других водителей'.

- Должна! - для пущей выразительности Сашган повторил глубокую мысль. - Если человек не озаботился изначально вложиться в свое образование и будущее, то пусть мучается. Его страдания порадуют нас!

- Большинство с тобой не согласится, - вяло и без энтузиазма отбрехивался Постников.

- Да пошло оно, это большинство, - с чувством отозвался Сашган. - Я же говорю, серая толпа, возобновляемый ресурс дешевых нищебродов. А ценный работник, за которого бизнесмены едва ли не дерутся, будет работать совсем на других условиях.

- Мир хижинам, война дворцам, - опрометчиво пошутил Алексей. - Смерть буржуям-монополистам.

- Чушь! - фыркнул Сашган. - Правильно Гекко в 'Уолл-Стрит' говорил - 'Жадность это хорошо!'. И сегрегация, когда 'дворцы' отделяются от 'трущоб' - тоже хорошо. А если кто-то настолько крут, что смог стать всемирным монополистом - зачем ему мешать и искусственно уравнивать возможности? Любой барьер - это противоестественно, а соответственно неэффективно.

- Не факт, - буркнул Алексей с переднего пассажирского места. Только вчера он получил расчет за очередной объект, весьма доходный, но нервный и утомительный - работать пришлось на пятидесятиметровой высоте с очень сложным рельефом, постоянно страхуясь 'за анкера'. Поэтому сейчас, даже несмотря на близость Инги, Алексею хотелось закрыть глаза и подремать под ровный шум двигателя. Но Сашган не собирался

прекращать проповедь, а заткнуть фонтан его косноязычного красноречия было бы подвигом выше человеческих сил.

- Вот! - возопил Сашган, потрясая свободной пятерней, будто овевая себя веером. - И ты отравлен этой гнилой идеей социальной справедливости! А я работаю, отстегиваю налоги, я не хочу оплачивать роскошную жизнь бездельников!

Вика-Виктория - ее с детства звали именно так - пискнула что-то неразборчивое, отнесенное ветром, что просачивался через приоткрытое окно. Похоже, одобряла мировоззрение любовника. Алексей прикрыл глаза, пытаясь абстрагироваться от всего происходящего в салоне. Спорить не хотелось, говорить тоже не хотелось. Хотелось почувствовать себя котом - то есть наслаждаться безмятежностью и беззаботностью. Однако побыть бездумным и дремлющим котэ ему сегодня не светило.

- Олексий! - пафосно вымолвил Сашган. - Ну вот скажи, в чем я не прав?

- Во всем, - обрезал Алексей, делая последнюю, жалкую попытку поставить дымовую завесу и выйти из диспута, как эсминец под атакой линкора.

- Милый, ты же из промальпа, - неожиданно вступила в разговор Инга, сидевшая прямо за спиной не то бойфренда, не то 'просто друга' (именно это Алексей собирался однозначно выяснить в славном городе Туле).

Хочешь не хочешь, а пришлось расстаться с надеждами на дрему. Алексей потер лицо, будто пытался стереть паутину подкрадывающегося сна и согласился:

- Да, промышленный альпинизм.

Он наполовину развернулся, чтобы не говорить с девушкой через плечо. Инга была чудо как хороша вообще и особенно мила сейчас - миниатюрная, с прозрачно-голубыми глазами и легкими светлыми волосами, которые легко поглаживал легкий сквозняк. Прямо ожившая героиня аниме - дистиллированный кавай и полная мимимишность. Солнечный зайчик отразился от лобового стекла и прыгнул на ее розоватую щеку, уколол в глаз, заставив чуть сморщиться в трогательной и милой гримаске.

Инга качнула головой, будто прогоняя непрошенного солнечного гостя, улыбнулась - мягко, без тени кокетства, то есть с кокетством настолько неявным и искусным, что Алексей едва не прикусил губу в очередной попытке угадать - так все-таки получится или нет?.. Видимо ему предлагалось самому продолжить логическую линейку: нечастая и востребованная профессия - хорошая оплата - справедливость путаных и многосложных тезисов Сашгана. Только вот зачем?..

Пока Алексей думал, куда лучше вывести разговор, водитель

воспринял паузу как согласие со своей речью.

- Вот, я же говорил, - проникновенно сказал он. - То есть...

Мотор, который раньше почти неслышно гудел под капотом, резко 'чихнул', засбоил, стуча чем-то металлическим и громким. 'Как сердце курильщика' - всплыло в памяти Алексея, наверное, из какой-то давно прочитанной и забытой книги.

- Что за хрень... - растерянно пробормотал Сашган, сразу забыв, что он крутой водила, который может рулить тачилой одним запястьем. Теперь он схватился за руль обеими руками, пытаясь удержать гибрид на полосе - машину ощутимо 'вело' и дергало. Вика-Виктория снова пискнула, на этот раз с нешуточным испугом. Алексей среагировал быстро и неосознанно, повинуясь рефлексу работника высоты - первым делом защелкнул замок ремня безопасности.

Сашган почти выровнял бег автомобиля и тут ожил радиоприемник или что там было установлено на приборной панели машины - Алексей автомобилистом не был и не разбирался во всех этих комплектациях. Салон наполнил странный звук, похожий одновременно на лязг траков и рокот бульдозера. А затем голос, принадлежащий скорее орку, нежели человеку, проорал так, что даже полуопущенные стекла завибрировали со звоном:

- КВАС!!! Он крут, как танк 'Иосиф Сталин'! Хлебни, йе-е-е-е-е-е-е!

- Что это? - спросила сзади Инга, с неожиданным спокойствием. Скорее всего она просто не успела испугаться по-настоящему и все еще не поняла - что-то не так. Что-то очень сильно не так...

А радио меж тем захлебывалось в грозном хрипе, где с трудом угадывалось:

- ... ядрен как ржавый трак ... трест пиво-воды! ... только настоящий гост!..

- Совсем варгейминги долбанулись, - пробормотал Сашган, наконец выровнявший автомобиль.

- Тормози, - бросил Алексей водителю. Но тот лишь прибавил газу, словно хотел компенсировать мгновения растерянности.

- Квас - как танк! Только квас! КВАААААААС!!! - взревели с новой силой динамики. Толстая огненно-красная искра сорвалась с приборной доски, впилась в зеркало заднего обзора, мгновенно расплавив его. Крошечные капли раскаленной пластмассы и стекла хлестнули по салону, жаля, словно брызги раскаленного масла со сковородки. Девушки на заднем сидении синхронно взвизгнули, Сашган рефлекторно вскинул руки, защищая лицо.

- Тормози! - закричал в голос промышленный альпинист.

И тут во всем мире выключили свет.

* * *

Выдержки из доклада [xxx.xxx.xxx] исполнителя 'Сигма'.

'... Учитывая важность миссии, мой инструктаж был дополнен неофициальным устным наставлением. До меня были доведены некоторые сопутствующие данные, касающиеся общей цели и последствий операции. Куратор сообщил, что запланированное объединение ресурсов 'Масс Н-Тех' и юго-восточного направления 'Союзпочты' представляет угрозу деловой активности 'Правителя' в тульской КГТ . Наши действия должны были как нанести неприемлемый ущерб исследовательской станции 'Н-Теха', так и продемонстрировать уязвимость 'Почты' на этом агломеративном направлении. При запланированном развитии акция не только сорвала бы враждебные действия конкурента, но и подготовила бы почву для прямых переговоров 'Правителя' и юго-востока 'Почты'. Поэтому, по словам куратора, наша ударная группа дополнительно усиливалась секцией снайперской поддержки, информационным обеспечением и тремя армейскими автоматиками типа 'Сенокосец'. Из перечисленного я могу засвидетельствовать передачу автоматиков. Действия снайперов я не видел. Касательно связи и шифрования могу только отметить, что связь работала без сбоев. Кем обеспечивалось И.Ш.О. мне не известно. Практическую подготовку 'Сенокосцев' к использованию проводила группа технического обеспечения, своими силами. Учитывая специфику предполагаемых действий, все автоматики были сконфигурированы в варианте 'самоходный подрывник' с дополнительными сканерами и инженерными боеприпасами.

...

На стадии штурма-2 наша секция поддержки и флангового контроля наблюдала неожиданное появление некоего объекта, который можно условно определить, как 'автомобиль'. Очевидно, механизм был скрыт под термооптическим камуфляжем, потому что до момента визуального контакта никак себя не проявлял во всех регистрируемых диапазонах наблюдения. Механизм и его экипаж не осуществляли враждебных действий, что я отнес за счет шока или неисправности от электромагнитного воздействия и работающих устройств объекта. Учитывая, что охрана объекта к тому времени перестроилась и открыла сильный заградительный огонь, я оставил л/с на местах и направил к машине автоматика (штатный номер 2) для более точной оценки угрозы ...'

* * *

- У-у-у... Бля... - глухо промычал Сашган, пытаясь разделить лицо и подушку безопасности. Поскольку программер ездил, как и положено реальному посону - пристегиваясь исключительно в виду поста ГИБДД, то столкновение получилось впечатляющим, и разделение шло туго. Нос незадачливого водятла больше всего походил на сизую сливу, истекающую мутно-красным соком. От очков осталась одна мятая оправа - линзы раскрошились вдребезги и только чудом не оставили хозяина без глаз.

Алексей тяжко вздохнул - грудь будто огнем опалили. Боль была такая. что казалось - ремень безопасности вошел в тело и остановился где-то в районе позвоночника. Пелена перед глазами понемногу рассеивалась. Постников моргнул и наконец осознал, что паутина перед глазами - не обман зрения, а лобовое стекло, пошедшее густой сетью трещин. За стеклом угадывался мятый и вздыбленный капот, а за ним в свою очередь было что-то еще, серое и цилиндрическое. Постников кое-как восстановил дыхание, пошарил левой рукой у замка ремня безопасности. Кнопка западала и открываться не спешила. Похоже заклинило.

- Су-у-ука-а-а... - хрипло протянул Сашган в пространство салона, воняющее паленой пластмассой, кровью и еще чем-то химическим. Похоже замечание было риторическим и выражало общее мироощущение программера.

- Куда ты нас завез?! - истерически взвизгнула Вика-Виктория откуда-то сзади и снизу. Алексей не мог повернуть голову, чтобы оглянуться - шею будто свинцом залили - но мог бы поклясться, что темноволосую диву сбросило на пол. Инга молчала, и Постников задергался, пытаясь отстегнуться.

Сашган тихо подвывал, ощупывая лицо, ушибленное подушкой и порезанное битыми очками. Вэ-Вэ стенала, нечленораздельно взвизгивая и клеймя. Алексей рвал ремень, мучаясь тремя вопросами - почему в салоне запахло бензином, что с Ингой и откуда на пустой дороге оказался...

Надолб?

Кусок лобового стекла наконец не выдержал, осыпался внутрь машины хрустким градом. И сквозь пробоину стало видно, что гибрид влетел в настоящий бетонный надолб высотой метра полтора, серый, с торчащими прутьями арматуры. Железки были ржавые и ребристые.

- Дорога, дорога же была... - заныл Сашган, откидывая голову назад, пытаясь остановить кровь.

- Башку опусти, - с трудом выговорил Алексей, язык едва ворочался в пересохшем рту. Постников хотел добавить, что кровь

должна стекать наружу, а не в носоглотку и желудок, но программер уже подавился и зафыркал, разбрызгивая темно красные капли, как из пульверизатора.

Замок поддался неожиданно легко, тихо щелкнул, отпуская ремень. Алексей дернул ручку двери, не надеясь на удачу - судя по состоянию капота корпус хорошо повело и стоило ждать нового клина. Но опять все получилось, и Постников буквально вывалился наружу. Серый бетон ударил в грудь, вызвав новый приступ острой режущей боли.

Бетон...

Алексей застрял в неудобной позе - ноги еще в салоне, лицо на земле. И отчетливо видел - асфальтовая дорога исчезла, как и не было никогда. Правую щеку холодил ноздреватый, сильно источенный временем бетон с обильно вкрапленными камешками.

- Алеша... помоги...

Кто это сказал, Постников не понял - то ли Вэ-Вэ, то ли Инга. Но завозился, пытаясь подняться на ноги.

- Вылезайте, - прохрипел он. И повторил, стараясь, чтобы вышло погромче. - Вылезайте!

Постникову становилось не по себе, все больше и больше. И это было отнюдь не естественное и объяснимое ощущение человека, который только что попал в серьезную аварию. Алексей чувствовал себя, как на высоте сотни метров, без дополнительной фиксации, когда порыв ветра легко может дернуть верхолаза на пару метров в сторону, заставив болтаться, как жука на ниточке. Разум пока что отказывался воспринимать все происходящее сколь-нибудь адекватно. Но инстинкт вопил в голос, что здесь все очень, очень неправильно.

Дороги не было. Совсем не было. Вместо нее обнаружился ... пейзаж. Назвать это как-то по-иному Алексей не смог бы, слишком резко и разительно все переменилось. Гудящая голова воспринимала мир обрывочно, фрагментами. Серая площадка, похожая на маленький плац. Точнее большой плац, перегороженный какой-то хренью вроде того надолба, который разнес капот машины. Вышки, как маленькие крепостные башни, с глухими сферами без окон на верхушках. Хотя нет, на сферах обнаружились вертикальные прорези, только очень узкие. Прямо какие-то гиперболоиды инженера Гарина... Несколько квадратных коробок двухэтажных зданий. Без окон, но с густым лесом антенн на покатых крышах.

Где дорога? Где асфальт? Где, наконец, лесок по обочинам?.. Ничего.

И еще что-то хрустело, звонко щелкало, довольно быстро и

ритмично, будто кто-то давил воздушно-пузырчатую пленку для упаковки хрупких предметов.

Стоять вертикально оказалось тяжело, но посильно. Особенно если дышать мелко и неглубоко. Алексей начал поворачиваться всем корпусом, чтобы наконец помочь Инге. Зацепил взглядом ближайшее строение. Там наконец-то появилось какое-то подобие жизни - пара человек в странных длинных куртках и глухих шлемах. Шлемы походили на реквизит фантастических фильмов середины двадцатого века, кажется, даже с короткими тонкими антеннами на макушках. Кинематографические персонажи перемещались быстрым шагом, то и дело приседая, а через каждые два-три шага и перекатываясь через плечо. В руках у них были штуки... нет, винтовки или автоматы. Короткие, отдаленно похожие на всем известный и привычный калаш. Но очень отдаленно похожие. Выглядело это довольно забавно, потому что противников видно не было. Так что странная пара и в самом деле походила на актеров не очень крупнобюджетного боевика, отрабатывающих движения перед камерой.

Хруст защитной пленки усилился, а в голове у Алексея прояснилось. И тут верхолаз понял, что это не воздушные пузырьки. Это выстрелы. Недалеко стреляли, много и часто. Со стороны в небе плеснуло зеленым - необычно яркая сигнальная ракета полыхнула в небе, как северное сияние. Загудело, словно в фильмах про морские катастрофы с лающим сигналом тревоги.

- Бежать надо... - прошептал Алексей, машинально поглаживая грудь, которая все никак не унималась и болела. Прошептал и устыдился, что потратил столько времени на пустые наблюдения, в то время как друзья застряли в машине. И в этот момент на тот самый надолб забралось нечто.

У штуковины было шесть или восемь длинных суставчатых лап, но при этом она совершенно не походила на паука. Скорее на маленький - не больше обычного ведра - цилиндрообразный макет лунной станции с картин космонавта Леонова. Макет был размалеван разводами серой и черной краски. Определенно не живое создание, а странный механизм. Паукообразное создание замерло на вершине бетонной преграды, тихо пощелкивая чем-то внутри корпуса. А затем, спустя буквально полсекунды, выбросило вперед пучок тончайших красных лучей. Память Алексей услужливо подбросила подходящее сравнение, опять же из кинофантастики - так обычно изображают лазерное сканирование. Лучи пробежались по корпусу машины, стремительно, но при этом не пропуская ни одного сантиметра. Отдельный пучок метнулся в сторону Алексея, больно уколол в глаза, заставив верхолаза зашипеть от новой боли и отшатнуться

в сторону.

И механизм прыгнул. Взбрыкнул тонкими спицами 'лапок', которые то ли оказались длиннее, чем казалось изначально, то ли раздвинулись, как телескопические антенны. Метнулся прямо с серой глыбы на покореженный капот автомобиля.

И это движение тоже что-то напомнило Алексею, но осознать, что именно, он так и не успел.

* * *

Выдержки из доклада [xxx.xxx.xxx] исполнителя 'Сигма'.

'Установив прямой контакт с новой потенциальной угрозой 'Сенокосец' вышел из-под контроля (предположительно перешел в автономный режим действий), прервал трансляцию метрических показателей и через 3.5 секунды самоликвидировался. Причины мне не известны. Склонен предположить программный сбой/ аппаратную ошибку ...'

Комментарии к докладу [xxx.xxx.xxx] старшего сотрудника подотдела программирования Б.П.0021.

'... И передайте своим меднолобым дефам, что иногда надо думать, а уже потом стрелять. Пусть не козыряют обрывом телеметрии и не строят конспироложества. Там все фуфло на просвет видно. Эти дегры как только приняли Сенокосов, первым делом обрубили машинам всю поведенческую эвристику. Ее же ручками настраивать надо, под конкретную задачу, это же сложно! Поэтому оставили только базовые боевые алгоритмы. Но автоматик - животная сложная и чувствительная, она мыслей не читает, что в базе прописано, то и делает. Внезапное появление на поле боя новых субъектов прыгун определил, как воздушное десантирование под прикрытием термооптики. Соответственно перешел на автономку без предупреждений и уведомлений. Иного без доп-инструкций и быть не могло, потому что встречный десант при агентурном прорыве - это угроза первого уровня, тут каждый милисек важен, пока не взломали и не перехватили управление. Дальше сенокос произвел быстрое сканирование 'внезапной' машины и получил результат - не чипирована, конфигурации в базе данных не обнаружено. Сканирование экипажа - опять же не чипированы, лиц в базе нет. Все, подтвержден статус приоритетной угрозы. В таких случаях по базовой установке автоматик обязан причинить наибольший

возможный вред противнику за минимальное время. Он и нанес тем, что было в наличии - взял и самоликвиднул всех опасных субъектов собственным фугасом. Мораль - не давайте в кривые руки прямой /вычеркнуто как несущественное в контексте вопроса/'

Особое мнение к делу [xxx.xxx.xxx] старшего медика реанимационной группы, не цензурировано.

'Два холодных, от черепов одни фрагменты остались. Третий, который в стороне оказался, дышал еще, глаз вылущен, кисть оторвана, грудная клетка мало не в крошево. Обработали по минимуму, с возможностью прогрессии. Кардиоводитель простой, ребра посадили на скобы. По руке тоже просто - временный протез на акуме без прошивки в кость. С глазом пришлось подумать. Если цеплять якорь на глазной нерв - это уже другая ведомость и хорошие рублики. А если подключать через посредника, то гляделки все равно что нет. Обошлись ч/б и адаптером плюс пометка в медкарте насчет пилюль и мигрени. Если что, просто накатим поверх эрзаца нормальный 'Зенит', будет как новый.

Что касается происхождения, то понятия не имею, кто это такие. Для подвальников - слишком хорошая форма, никаких следов недоедания, особенно детского. Для клоников или пустотелых - дряблые и вялые, любая уличная гопа мизинцем переломит. Для яков или китайских одноразиков - слишком старые и опять же дряблые. Организмы пустые, ни грамма хрома. Может быть, какие-то буржуи из сектантов. В общем сами решайте.'

Глава 2

Скука и страх - скверные спутники сами по себе. А когда они идут рука об руку, ступая неслышными шагами, скрываясь за плечом - невидимые и вездесущие - то очень быстро появляется желание самому залезть в петлю. Или засунуть туда кого-нибудь.

Да в общем все, что угодно, лишь бы как-то разнообразить тоскливое бытие, наполненное страхом и неизвестностью. Или наоборот - неизвестностью и страхом.

Алексей закрыл глаза. Снова открыл, совершенно точно зная, что увидит все то же, что минуту назад, вчера и еще месяца два до того, а то и дольше. То есть большую белую комнату, более всего похожую на медицинскую палату - не элитную, но и не бюджетную, скорее нечто среднее. Квадрат со стенами длиной примерно метров шесть с небольшим. Ламп нет, вместо них светящийся потолок. Окон нет, зато в одной из стен мерцает неярким матовым светом прямоугольный экран с чуть закругленными углами. На нем нет ни кнопок, ни сенсоров, показывает только пейзажи - минутные ролики живой природы, чередуемые без всякой системы. То африканский вельд, то заснеженные вершины и ультрамариновое небо высокогорья, а в следующий момент - широченная река с грозным водопадом.

Казалось бы - ничего необычного, если бы не сам 'девайс'. Он очень широкий - метра полтора от края до края, но по вертикали узкий - от силы сантиметров пятьдесят. Не похоже ни на телевизор, ни на компьютерный монитор. И цветовая гамма очень странная. Поначалу Алексей долго не мог понять, что одновременно и удивляет, и кажется очень знакомым в бесконечной череде движущихся изображений. Затем вспомнил - примерно так выглядела картинка старого советского 'Рубина', кажется модели 714. Первого телевизора, который он, маленький Леша, увидел в далеких восьмидесятых... Точнее так она, наверное, могла бы выглядеть в старом фильме, отреставрированном с помощью современных компьютерных редакторов. Изображение было очень четким, но в то же время казалось специфически 'гладким', с 'замыленными' цветами. Смотрелось это, как уже было сказано выше, странно, если не сказать - диковато.

Поначалу Алекс целыми днями не отрывался от стеклянного 'окна в природу', хотя это было неприятно и даже больно - учитывая метаморфозы его зрения. Постников надеялся увидеть

хоть какой-то маяк, наводку, намек - где он находится. Или даже 'когда'. Но безуспешно - ролики показывали только нейтральные пейзажи. Ни людей, ни техники, ни строений. Вообще ничего.

Мебели в палате почти не было, если только не считать таковой сложную трехмерную конструкцию на шарнирах и телескопических приводах. По предназначению это определено была кровать, более смахивающая на ортопедический станок. Но дизайн неприятно напоминал то механическое чудище, что рвануло автомобиль. Алексей не мог бы указать, какие именно детали или узлы кровати напоминали прыгающую мину с лазерными сканерами. Скорее это была некая аура технического мышления. Совокупность мелких деталей, указывающих на некую общую инженерную школу разных творцов разных приспособлений.

Время от времени - примерно раз в два-три дня - 'кроватеобразная' конструкция меняла конфигурацию. Не сказать, чтобы значительно, но вполне ощутимо. Менялся наклон плоскостей, панели разделялись, предлагая размещать ноги по отдельности и спать строго на спине. И так далее. Иногда лежать (а равно сидеть) становилось удобнее. Чаще - наоборот. Нельзя сказать, чтобы это сильно мешало - теперь Постников засыпал почти мгновенно и спал без сновидений. Но все равно раздражало. Принципа изменений станка пациент или, точнее, жертва, понять не смог. Оставалось лишь надеяться, что это своего рода терапия. Единственная, которую предлагало неизвестное учреждение.

Хотя нет. Еще Алексу давали таблетки. С потолка опускалась штанга, обвитая прозрачным шлангом в пластиковой кольчатой оплетке. Заканчивалось жутковатое устройство колбой, которая выдавала три таблетки - одинаково безликие, в синеватой глазури, без линий разлома. И почему-то шестиугольные. Приняв пилюли, их можно было запить прямо из шланга. Больше воды не полагалось, до следующего приема медикаментов. Поскольку в палате не было ни часов, ни какой-либо возможности отметить время, Алексей не знал, с какой периодичностью раздаются таблетки. Но для удобства решил, что пусть это будут сутки.

Еды пациенту не полагалось. Санитарно-гигиенических процедур - тоже. В камере не было даже унитаза. Алексей предполагал, что его сон искусственный, вызванный каким-нибудь газом или теми же таблетками. И когда пациент засыпает, его кормят и освобождают от, так сказать, результатов кормления. А также стригут, бреют и моют, потому что лицо на ощупь оставалось гладким, а короткая стрижка вроде бы не удлинялась.

Для проверки Постников погладил физиономию. Пару мгновений удивлялся, почему щека чувствует прикосновение, а рука - нет. Потом сообразил, что забылся и пользовался правой кистью. Той самой, которая теперь при каждом движении едва слышно поскрипывала системой тонких приводов, похожих на стальную паутину.

- Алиса в стране чудес, - прошептал Постников, рассматривая руку на свету, как будто первый раз увидев новое 'приобретение'. Сделал он это напрасно. Точнее - слишком быстро глянул на светящийся потолок. Оптика, заменившая выбитый глаз, среагировала с опозданием, перестраиваясь на более яркое освещение. В фильмах обычно показывают поле зрения человека как обычный экран. Но поскольку на самом деле это не так, то ощущения Постникова оказались куда 'интереснее' и глубже, чем просто искажение 'картинки'. В черепе кольнуло - глубоко за переносицей и лбом. Не очень больно, однако крайне неприятно. Мир вокруг померк и расплылся, затем обрел более четкие грани и снова 'замылился'. Так ищет фокусировку мощный и качественный фотоаппарат на автонаводке. При этом по краям поле зрения Алексея подернулось крошечными квадратиками, пляшущими в сложном танце, будто снежинки в лучах фар быстро несущегося автомобиля. Похоже, глазной протез не справлялся с оценкой уровня освещенности, подстраиваясь то под основной источник, то под периферию.

Постников снова зажмурился. Провел кончиками пальцев руки - левой - по правому веку, чувствуя твердость сферы, заменившей потерянный глаз. Затем снова открыл глаза, стараясь не смотреть на светящуюся панель потолка. На этот раз все получилось куда лучше. Только ощущение тяжести где-то за правым виском не покидало, но к нему пациент уже привык.

- Полная Алиса... - повторил узник, которому таким резким и комплексным образом напомнили об увечьях. А от странных, невиданных протезов мысли пациента прыгнули к воспоминаниям о самых ярких и существенных событиях его недобровольного заключения.

Беседы...

Он предпочитал называть их именно так - беседы. Хотя по форме это были скорее допросы. И даже без приставки 'скорее' - просто допросы, безукоризненно вежливые, даже не особо изматывающие. Но все равно - представляющие собой открытое дознание, от которого, как от предложения известного литературного персонажа, нельзя отказаться. Один раз Алексей попробовал. Как сказал бы один из напарников в прошлой жизни - 'пошел в отказ'. Кажется, даже адвоката потребовал...

Нет, с ним ничего не сделали. Даже не угрожали. Просто беседы прекратились. На какой срок - Постников не мог предположить даже теоретически, потому что вместе с допросами прекратилась выдача пилюль, которыми пациент измерял время. Он держался сколько мог. Потом сдался. Потом умолял хоть кого-нибудь прийти и спросить, о чем угодно, только бы снова появились чудесные таблетки и прекратилась ужасающая, неостановимая головная боль.

Алексей не разбирался в медицине, вернее разбирался в ней строго на уровне первичной помощи - при его работе это было обязательным условием. Он предполагал, что мигрень как-то связана с глазным протезом, но, разумеется, не мог ни подтвердить догадку, ни тем более справиться с недугом. Оставалось лишь строго следовать указанием безликих палачей и надеяться, что лекарства не отменят.

Выглядело это всегда одинаково - голос из ниоткуда, точнее отовсюду сразу. Наверное, из системы скрытых динамиков. Голоса бывали разные - мужские и женские. Никогда - детские или просто юные, впрочем, оно и понятно. Неизменно вежливые и доброжелательные. Речь очень правильная, но постоянно 'напрягающая'. Постников пару дней не мог понять - чем именно, затем сообразил. Слишком правильная и словно стерилизованная, ни одного жаргонизма. Так, будто фразы составлялись по академическому учебнику.

'Беседы' всегда затрагивали две темы - историю и кибернетику, главным образом - середины XX века. Из Постникова методично, день за днем, извлекали все познания в этих двух сферах. А поскольку познания оказались весьма скудными, то спустя условную неделю или чуть больше диалог стал похож на хождение по кругу. Одни и те же вопросы в разной формулировке. Одни и те же ответы. И снова, и снова.

Более всего Алексею запомнился сеанс, в процессе которого ему на разные голоса во всевозможном контексте повторяли примерно десяток фамилий, преимущественно русских. Фамилии ничего не говорили Постникову, в чем он честно раз за разом признавался. Но похоже ему не особо верили.

Алексей все более подозревал, что основная работа с его сознанием ведется отнюдь не посредством допросов. Если он спит настолько крепко, что совершенно не помнит разнообразных телесных процедур, то кто знает, что еще делают с ним 'ночью'? Временами он просыпался очень тяжело, словно после суровой пьянки, только без похмелья. А иногда Постников пробуждался в помраченном состоянии, будто плыл по волнам искаженного восприятия. Он никогда не принимал нейролептиков, но

подумал, что выглядело бы, пожалуй, именно так. Так что пациент утверждался в мысли, что беседы - лишь часть ритуала, некий обязательный номер программы изучения. А основную часть он не видит и не помнит.

Знать бы еще, что вытащили из его черепа неведомые и невидимые экспериментаторы...

И какие будут последствия.

Разумеется, узник часто и подолгу размышлял - что ждет его дальше. Где он находится и чем все это закончится? Здравый смысл повторял, что вводной информации недостаточно для сколь-нибудь весомых выводов. Но страх и неизвестность заставляли раз за разом прокручивать в уме возможные варианты, от секретных военных лабораторий до похищения инопланетянами. В конце концов, почему бы не существовать пришельцам с иных миров? А если таковые существуют, то почему бы им не похищать людей?..

Тихий щелчок за спиной прогремел на всю палату, словно выстрел. Алексей отвык от любых посторонних звуков, кроме тех, что производил сам или кровать. Узник попытался спрыгнуть с ортопедического станка, но кровать как раз начала в очередной раз менять конфигурацию. Постников ударился коленом о никелированный поручень, вдобавок промахнулся ручным протезом мимо стойки. Пациент с трудом сохранил равновесие и завис на одной ноге у кровати, балансируя и пытаясь удержаться. Вдобавок чертов окуляр не перенес резкого движения и завис почти на целую секунду, обрабатывая и обновляя изображение. Так что Алексей еще и буквально ослеп - мозг не сумел быстро разобраться в двух версиях одного вида.

- Добрый день, - очень вежливо сказало мутное, расплывчатое пятно перед глазами Постникова.

* * *

Алексей в целом чуждался современного искусства, но запомнил броское, выразительное слово 'сюрреализм'. Именно он, то есть сюрреализм, сейчас и происходил.

В белой палате без окон, на монструозной ортопедической конструкции сидел человек в белом халате с завязками на спине. А напротив восседал пришелец - хмурый дядька лет сорока или даже больше, весь какой-то серо-коричневый. Серый - по цвету лица, на котором отчетливо выражалось недовольство судьбой и, похоже, хронический недосып. Коричневый - по цвету костюма, сшитого так себе - даже на невзыскательный вкус Алексея. К

костюму прилагался черный галстук, настолько узкий, что мог бы сойти за ленту или даже толстый шнурок. Под задом у пришельца поскрипывал складной стульчик из очень тонких металлических спиц - мужик в коричневом костюме принес его с собой в виде пучка спиц и разложил буквально одним движением, Постников так и не понял - как именно. Конструкция выглядела игрушечной, но свободно удерживала килограммов семьдесят, а то и все восемьдесят нежданного визитера.

Помимо стула мужик держал тощую картонную папку - серую, с чуть расплывшимися и пустыми графами на обложке. Вместо застежки или на худой конец завязочек папка закрывалась более хитрым способом - путем обматывания вокруг пуговицеобразной шляпки шнурка, похожего на обрывок шпагатика. Постников сразу вспомнил, где уже видел что-то подобное. Точнее в каком фильме.

- Меня не запугать гестаповской липой, - автоматически пробормотал он в полголоса и замер, поняв, что сказал это вслух.

- Простите, что? - вежливо полюбопытствовал человек в плохо сидящем коричневом костюме.

- Я в матрице? - глупо спросил Алексей, пытаясь собрать разбегающиеся по углам сознания мысли. Он целыми днями напролет планировал, что скажет, когда наконец-то увидит настоящего живого человека. Как поведет разговор в зависимости от того, кто окажется перед ним. О чем попросит, что посулит. И все же, когда вожделенный миг наступил, Алекс почувствовал себя полностью выбитым из колеи и растерялся. Больно уж не вязались высокотехнологичные штуки вокруг - и казенный, скучный человек, одетый словно на развале блошиного рынка. Да еще с этой убогой древней папкой.

- Нет, вы не в Комитете по информатизации агломерата Москва-Ленинград, - очень серьезно и совсем непонятно ответил коричневый человек.

- Простите, фильм... вспомнил... - окончательно сконфузился Постников.

Коричневый еще с полминуты внимательно озирал пациента. Затем не спеша размотал шнурок на папке. Алексей с облегчением выдохнул, надеясь, что собеседник этого не заметит.

- А где я? - Алексей решил продвигаться вперед малыми шагами.

- В 'Правителе', - отозвался коричневый с исчерпывающей прямотой. Так, словно одно лишь это слово могло все пояснить и снять любые вопросы.

- А у какого правителя? - осведомился узник.

Рука бюрократа замерла над картонным листом. Человек в

костюме склонил голову, будто прислушиваясь к чему-то. А Постников понял, что опять сказал что-то не то.

- Извините, пожалуйста, - Алексей решил не тянуть больше с мутными непонятками словесных игр и пошел ва-банк. - Где я нахожусь? Что это за место? Куда я попал? Вы ведь допра... беседовали со мной много раз, вы прекрасно знаете, кто я и откуда!

Алексей сорвался на крик и понял, что теряет выдержку окончательно. Он умолк, вытирая выступивший на лбу пот. Не рассчитал с усилием, и правая рука больно ударила по лицу.

- Где я, - выдохнул Постников. - Или ... когда?

- Я же сказал, в 'Правителе'.

- А что это? Или кто?

Коричневый вновь склонил голову и уставился куда-то сквозь Постникова. Пауза затягивалась. Алексею показалось, что собеседник внимательно к чему-то прислушивается, хотя у него не было никаких признаков гарнитуры, даже наушника.

Перерыв закончился так же неожиданно, как и начался. Бюрократ кивнул в третий раз и вновь уставился на пациента внимательными бесцветными глазами. Странный это был взгляд, какой-то ... фотографический. Лицо осталось то же, но мимика, мельчайшая игра эмоций, странным образом изменились. Словно серо-коричневого дядьку подменили, вернее тело оставили то же, а вот душу убрали и вложили совершенно иную.

- Простите, - собеседник шевельнул свободной от папки рукой в почти извиняющемся жесте. На лице костюмного человека отчетливо выразилось легкое чувство вины. Так, словно предстоящее задание шло вразрез с профессиональной гордостью исполнителя.

- Межведомственная несогласованность, - печально вздохнул бюрократ. - Надеюсь, вы понимаете, как это бывает ... Но проблема, кажется, устранена. Итак, попробую кратко описать суть происшедшего.

Он говорил медленно, с расстановкой. Так, словно повторял за невидимым суфлером каждое слово.

- Вам не повезло. Так бывает, к сожалению. Вы и ваши друзья стали жертвой случайности.

- Друзья... - только теперь Постников осознал, что не спрашивал о своих спутниках по злосчастной поездке. Более того, он почти не думал о них ранее, поглощенный собственными страхами и ожиданиями.

- Если не вдаваться в подробности, которые сейчас излишни и бесполезны, то можно сказать, что на вас подействовал эксперимент. Сложный и многокомпонентный эксперимент,

который вышел из-под контроля. В силу ... враждебных действий недоброжелателей.

Постников покачал головой, стараясь избавиться от ощущения надвигающегося безумия. Протезы даже не завтрашнего, а послезавтрашнего дня. Телеэкран и стул, которых он никогда не видел. И тоскливый дядька с папкой едва ли не сталинских времен, в плохо сидящем костюме, похожий на чудовищную марионетку, говорящую своим голосом, но чужими словами.

- Вы единственный, кто остался в живых, - проговорила живая кукла и замерла, очевидно ожидая какой-то реакции.

- Где я?.. - глухо вымолвил Алексей.

- Наверное правильнее всего было бы сказать - в иной реальности. Это если оперировать привычной вам терминологией, - любезно разъяснил серо-коричневый, все также пристально глядя на Постникова. - Или, если быть совсем точным - в иной версии исторического потока. Это если пользоваться предельно упрощенной терминологией. В 'иной' - с вашей точки зрения, конечно. Для нас все, разумеется, наоборот.

- Да вы издеваетесь! Какой сейчас год?! - воззвал пациент.

- Тринадцатый, - сообщил бюрократ и быстро уточнил. - Две тысячи тринадцатый.

- Какая страна?

- То есть? Поясните, что вы имеете в виду.

- В какой я стране? Сейчас, прямо сейчас.

- В Союзе Советских Социалистических республик, - похоже, визитёр даже несколько удивился такому вопросу.

- Тринадцатый... Союз... - растерянно повторил Постников

- Именно так. Вы не похищены инопланетниками...

Это 'инопланетниками' резануло слух Алексея. Сказано было формально грамотно, но ...

- Не содержитесь в военной лаборатории для проведения безжалостных экспериментов...

Безжалостных. Снова вполне адекватное слово, но обычный человек так не сказал бы. Эксперименты бывают 'бесчеловечными', этому мему уже сколько лет.

- Вы просто оказались в иной реальности. Навсегда. Такая вот экзистенция, то есть превратности бытия...

Глава 3

- Что же теперь со мной будет...

Постников задал вопрос в пустоту, просто, чтобы как-то заполнить ужасающую тишину, молчание неизбежности и предопределенности. Он поверил сказанному сразу и бесповоротно, как бы удивительно, невообразимо, сказочно ни звучал приговор. Слишком многое говорило в пользу того, что все происходящее вокруг - не розыгрыш, не шутка и не извращенный эксперимент.

Это взаправду.

Он - 'где-то'.

И пути обратно, скорее всего, действительно нет. Или есть, но сейчас и в обозримом будущем обратная дорога прочно заперта.

- Что со мной будет?.. - повторил Алексей, и на сей раз коричневый собеседник с готовностью откликнулся. Так, словно ждал этого момента с самого начала разговора. И вообще он стал каким-то ... прежним, немного неловким и деловито-суетливым. Как будто оригинальную душу вернули в прежнее тело.

- Это сложный и весьма формализованный вопрос, - сообщил бюрократ в скверном костюме, одновременно с ловкостью фокусника извлекая из папки какие-то бумаги. Листов десять, не меньше, покрыты убористыми черными строчками, обычный формат 'А-4'. Алексей механически отметил, что, хотя бумага казалась вполне традиционной, буквы были меньше привычного шрифта, похожие на печать пишущей машинки. Как будто здесь по-прежнему пользовались матричными принтерами, совершенствуя их год за годом. Или даже десятилетие за десятилетием.

- Формализованный, - повторил Алекс, тупо глядя на листы. Собственный глаз болел и слезился, словно слишком долго смотрел на яркий свет. Искусственный же четко фиксировал все происходящее.

- Именно так, - с готовностью подхватил бюрократ, тасуя бумаги с ловкостью фокусника или записного шулера, выстраивая их в правильной последовательности, ведомой лишь ему самому. - Признаться, ваш статус доставил нам некоторые... хлопоты. Но нам удалось их разрешить наилучшим образом, ко всеобщему удовлетворению!

Похоже, человек в коричневом костюме наконец нащупал привычную почву и теперь чувствовал себя вполне уверенно. Он

вдохновенно вещал, а Постников боролся с ощущением, что принял какой-то особый наркотик, полностью изменяющий сознание, но не искажающей ощущения. Все происходящее вокруг было ... неправильно. Не страшно, не настораживающе, не угрожающе... Неправильно - вот самое верное определение.

- 'Вам' - это кому? - уточнил Алексей, пытаясь хоть как-то нащупать почву здравого смысла.

- Кадровому отделу нашего ведомства, - вполне откровенно пояснил бюрократ, взирая на пациента белой палаты с видом нетерпеливым и даже чуть скучающим. Так смотрят на работу, которая близится к завершению, имеет вполне однозначный финал и потому успела самую малость наскучить. - А теперь позвольте показать вам трудовой договор...

'Что за бред', - мелькнуло в голове у Постникова. - 'Они хотят взять меня на работу?.. А как же лаборатории, исследования и все остальное, что, казалось бы, должно стать обязательным спутником пришельца из иного мира?'

'Идиот, а ты где находишься?' - шепнуло подсознание. - 'В той самой лаборатории, подопытным кроликом, которого даже кормят каким-то хитрым способом'.

- ... Надо сказать, что ваш оклад конечно будет невелик, по крайней мере первый год работы, - говорил меж тем бюрократ. - Кроме того вы нажмете дополнительный протокол об ограничении перемещений...

'Нажмете?'

- ... Но это будет компенсировано особыми бонусами и льготами. В числе прочего вам гарантируется проживание в министерском общежитии, доставка к месту работы ведомственным транспортом. И талоны на питание в столовой ОРС.

- А что такое О-Эр-Эс?

- Отдел рабочего снабжения, - не смущаясь пояснил бюрократ. - Очень удобно, и за счет профсоюза, заметьте. Никаких вычетов из жалования!

- Подождите... - Алексей помассировал виски, пытаясь упорядочить суматошные мысли. - Давайте еще раз, я что-то запутался...

Бюрократ уставился на пациента с легкой смесью ожидания и тоскливой обреченности в усталом взгляде. Дескать, ну что тебе еще непонятно, чего не хватает, бестолочь неблагодарная? Такой взгляд бывает у продавцов, когда уже к финалу трудного рабочего дня является особо требовательный, но состоятельный клиент.

- Вы хотите взять меня на работу? - вопросил Постников. - Просто вот взять и нанять?

- Не просто так, - почти оскорбился коричневый. - С договором, составленным по всем правилам, в соответствии с КЗоТом, с учётом последних рекомендаций ВЦСПС!

- И сколько мне будут платить? - Постников пытался найти хоть какой-то репер, привязку к реальности, чтобы уже от нее попытаться выстроить понимание нового странного мира и его не менее странных правил со всеми прочими обычаями.

- Шестьдесят рублей, - бюрократ чуть потупился, словно признавая некоторую ... малость означенной суммы, но сразу же повторно уточнил, на случай если непонятливый клиент забыл. - Однако не забудьте про общежитие и пищевые талоны. Поверьте, это очень выгодно.

- А медицинская страховка?

- Что?.. - бюрократ уставился на Постникова. Или коричневый человек был талантливым актером, или он первый раз в жизни услышал про 'медицинскую страховку'.

- Ясно, - Алексей обнаружил, что на протяжении всей беседы он неподвижно сидел в своем ортопедическом сооружении - именно 'в', а не 'на' - по причине новой конфигурации жуткого девайса. Одна нога затекла, вторую свело терпимой, но болезненной судорогой. Постников не без усилия встал, опираясь на блестящий поручень 'кровати' и сделал несколько осторожных шагов.

- Нажмите, пожалуйста, и - добро пожаловать в новую жизнь, - попросил бюрократ, наверняка процитировал какой-то шаблон или традиционный оборот.

- Нажать?

- Ну да. Приложите палец, вот сюда, в нижний правый угол каждого листа, там, где серый прямоугольничек, - терпеливо разъяснил кадровик и после короткой паузы добавил. - На бумаге останутся отпечатки папиллярных линий и частицы э-э-э ... потожирового вещества с ДНК. Это зафиксирует ваше персональное, не опосредованное знакомство с условиями договора, а также добровольное принятие оных.

- И подписывать не надо?

- Но зачем? - искренне и неподдельно удивился коричневый.

- Вдруг какие-нибудь злодеи заставят меня приложить руку насильно? Договор получится ничтожным.

Кадровик добросовестно задумался. Похоже такая мысль ему в голову не приходила.

- Нет, ну возможно, конечно, - признал он, наконец. - Насильно, разумеется, не получится, в случае отказа экспертиза определит повышенное содержание характерных радикалов, разве что во время сна... Но вы же сейчас вполне бодрствуете, верно

ведь? А если просто ставить роспись, то обычный хром, даже простой кламмер с приводом на плечо позволит ее идеально подделать. Нет, подпись - это ненадежно и неудобно.

Алексей решил отложить на потом вопрос, что есть 'хром' и 'кламмер'. Пока же он отметил, что, похоже, обычные росписи здесь не в ходу.

- А шестьдесят рублей, это много или мало?

- Простите?..

Сдержанные тоска и печаль на лице бюрократа умножались, грозя прорвать и так дырявую маску вежливого, бесстрастного профессионализма.

- Вы сказали, что я буду получать шестьдесят рублей. Это много или мало? Сколько получает... - Постников на мгновение задумался. - Уборщица? Да, уборщица. И что мне придется делать за этот полтос с мелочью?

- Полтос?.. - бюрократ моргнул, пытаясь сообразить, что имеет в виду строптивый и несознательный клиент. - Хмм... Строго говоря, вам предлагается работа оператора автоматизированных складских комплексов.

- Я что, стану грузчиком? - озарение пришло к Алексею стремительно, как удар молнии.

- Нет, что вы! Не грузчиком, а оператором. Вы будете сидеть в удобном автоматизированном рабочем месте, - последние три слова кадровик произнес с некоторым трудом, будто вспоминал расшифровку привычной аббревиатуры. - И управлять на расстоянии распределением грузов по транспортерам. Работа несложная, но требующая постоянного внимания.

- Вы знаете, что я специалист по промышленному ... верхолазанию? - Постников решил, что кадровик вполне может не знать, что такое 'альпинизм' и потому заменил слово более звучным и понятным.

- Нет, но это ведь не имеет значения? - голос бюрократа стал почти умоляющим. Очевидно больше всего человеку в коричневом костюме хотелось, чтобы непонятный диспут наконец закончился. - Ведь у вас нет никакого сертификата или ярлыка госта? И, насколько я понимаю... вам негде его взять? Ни одна сколь-нибудь почтенная агломерация вас на службу не возьмет, даже самый малый трест или комиссия. Поверьте, вы получили сказочно щедрое предложение, пожалуйста, не отворачивайтесь от него.

Похоже в голове у кадровика что-то перемкнуло, и он обрел вдохновение вкупе с толикой красноречия. Или проговаривал заученные речевки.

- Наша организация совершенно добровольно принимает на

себя некоторые обязательства, движимая исключительно соображениями морального порядка. С тем, чтобы помочь вам приспособиться к новому ми... новым условиям. И я бы сказал, что такого рода предложения, скажем так... - коричневый доверительно понизил голос, будто сообщая деликатную тайну. - Весьма одноразовы... Ловите момент.

- Мы в ответе за тех, кого приручили, - хмуро процитировал Алексей и кадровик совершенно неожиданно улыбнулся, едва заметно кивнув. Первый раз за весь разговор Постников увидел не маску уставшего работника, но живого человека. Точнее его тень, промелькнувшую на мгновение и снова спрятавшуюся за личиной тоскливого чиновника.

Что ж, похоже здесь не только есть СССР, но и читают Экзюпери. По крайней мере читают люди в возрасте - на вид кадровому служаке было лет сорок-пятьдесят.

- Так сколько получает уборщица? - Постников рискнул добавить в голос напора и легкой агрессивности. Бюрократ нахмурился с ощутимым недовольством, но все же ответил, после краткого раздумья:

- Примерно семьдесят-восемьдесят рублей. Но без льгот и талонов.

- Охренеть, - только и смог выговорить Алексей. И, похоже, его снова не поняли.

Пациент нервно заходил по палате, провожаемый взглядом собеседника. В душе его клокотала ярость и неожиданно острое чувство профессиональной обиды. Да, однорукий и одноглазый. Но - грузчик! С окладом меньше уборщицы! Черт возьми, пришельцу из иной реальности могли бы намерить и побольше...

Алексей подошел к длинному узкому экрану, на котором беззвучный ветер дергал и рвал ветви каких-то пальм. Похоже, ролик изображал тропический остров и надвигающуюся бурю. Океан волновался и набегал на песчаный берег мелкими злыми волнами.

- А если я откажусь? - отрывисто спросил Постников, не оборачиваясь.

Бюрократ долго молчал. Алексей не поворачивался, ожидая ответ. Наконец в спину пациенту донеслось очень негромкое и непривычно человечное:

- Я бы на вашем месте не стал. Поверьте ... работы здесь ... гораздо меньше, чем тех, кто готов за нее взяться.

- Здесь? - уточнил Алексей, все также уставившись в экран. Похоже, его искусственный глаз отлично воспринимал одномерное изображение. Постников прикрыл здоровый и с удивлением обнаружил, что видит едва ли не лучше, чем до

приснопамятной катастрофы. Цвет, динамика кадра - все буквально открылось заново.

- Да, здесь, - решительно отозвался кадровик.

Может быть, они поняли друг друга, а может быть каждый имел в виду что-то свое... Этого никому не дано было узнать. Алексей постучал по гладкому стеклу экрана металлическим пальцем. Звук получился глухим и одновременно звонким. Словно рождался и сразу умирал, завязнув в тяжелом воздухе, пропитанном тревогой.

- Я отказываюсь, - сказал Алексей.

* * *

Частное мнение по делу 'Гость' [xxx.xxx.xxx] за авторством [цифроном - 72.89.74], копии по протоколу и списку 45ЕК-77.

'К сожалению, мне приходится отвлекаться от куда более существенных дел и тратить драгоценное время на несущественные и малополезные консультации. Поэтому я прошу зафиксировать сказанное (точнее написанное) и более не обращаться ко мне по вопросу пришельца.

Итак, пятый отдел по операционным усилителям и логическим звеньям хронически забывает, что при оценке какой-либо проблемы имеет смысл оперировать только одним критерием, коим является практическая выгода. Краткосрочная, среднесрочная, долгосрочная выгода/ресурсный баланс организации - и более ничего. Вопросы морали и нравственности остаются во внешнем мире, за порогом оплаченной агломератом лаборатории вместе с нищенскими ассигнованиями государства, самодеятельными экспериментами 'чистой науки' и прочей любительщиной. Только строгий практицизм руководит нашими действиями и решениями. И означенный практицизм ясно, предельно однозначно подсказывает нам, что пятый отдел надо как минимум сократить, чтобы они не пытались ставить тождество между понятиями 'пользователь' и 'специалист'.

Я объективно заявляю и могу обосновать в любой форме, что все не-технические познания 'гостя' сформированы и адаптированы совершенно иной социально-экономико-культурной моделью организации планетарного сообщества, которая не имела и не будет иметь аналогов у нас. А его квалификация в технических вопросах равняется нолю. Пришелец не знает, как устроены его так называемые 'гаджеты' и не понимает принципа их работы даже на уровне самых общих представлений. Он может лишь совершать определенные

директивные действия, каждый раз выбирая из фиксированного списка возможностей, заранее зная точный результат. Этот алгоритм в состоянии повторить самый скудоумный граф или лабораторная обезьяна-клоник, а после некоторой дрессировки - я надеюсь, хотя не могу дать полную гарантию - даже среднестатистический работник пятого отдела.

Поэтому несмотря на то, что 'гаджеты' находятся в плачевном состоянии и необратимо повреждены электромагнитным импульсом, их прежний владелец не имеет и не будет иметь никакой практической ценности для 'Правителя'. Далее вы можете поступить тремя способами.

Первый - запереть 'гостя' в боксе длительного содержания. Учитывая вышесказанное, это равнозначно пожизненному заключению, что весьма затратно и нерационально.

Второй - приспособить его к какой-либо несложной деятельности в закрытой зоне под тщательным присмотром. Пусть отрабатывает расходы на содержание, хотя учитывая стоимость цереброскопирования ему понадобится как минимум две жизни для полного погашения всех долгов.

Третий - уничтожить и утилизировать, как рядовой лабораторный материал, исчерпавший свою ценность.

Мне безразлично, какой выбор вы примете, впрочем, простая логика диктует последовательность 'предложить п.2, при отказе или непонимании перейти к п.3'. Этим письмом я считаю вопрос для себя закрытым и возвращаюсь к работе над ЭВМ пришельца.'

Глава 4

Постников ходил по палате и пытался унять дрожь в руках, поминутно одергивая не по размеру свободную пижаму. Он нервничал и с каждой минутой - все сильнее. Раз за разом пациент прокручивал в голове недавний разговор с коричневым бюрократом.

'Почему я отказался?'

Если разложить мотивацию Постникова по пунктам, то все получалось логично и вполне адекватно. Не стоит хвататься за первое же предложение, в особенности если ты не знаешь всех обстоятельств. Нельзя принимать какие-либо обязательства без ясного понимания перспектив и возможностей. И совершенно недопустимо подписывать какие-либо документы, составленные по непонятным нормам. В особенности если вместо нормальной росписи здесь достаточно приложить к бумаге палец - сразу вспоминались индейцы, сходным образом продававшие бледнолицым браза целые штаты и полустрова.

Лучший способ не быть обманутым - не брать в руки карты. Не играй с шулерами по их правилам. А то, что непонятный 'Правитель' отнюдь не считал Постникова другом - было очевидно при одном взгляде на палату-камеру. Ценным имуществом и подопытным - наверняка, но не более того. Соответственно вряд ли предложение работы учитывало выгоду самого работника и было лучшим из возможных.

Поэтому Алексей считал, что все сделал правильно - отклонил странное и малопонятное предложение, рассчитывая прояснить ситуацию, узнать больше о местных обычаях, а потом уже принимать окончательные решения с последствиями. Все было правильно и оставляло возможность для торговли и переговоров.

Только вот результат нравился Постникову все меньше и меньше.

Услышав ответ пациента с кратким разъяснением - почему вербуемый работник поступает именно так, а не иначе - кадровик впал в форменный ступор. Алексей не считал себя знатоком психологии, но мог бы поклясться, что у бюрократа случился форменный 'разрыв шаблона', не первый, но самый мощный за недолгий разговор. Похоже, трудовые отношения в этом загадочном мире строились на каких-то иных принципах, и в особых случаях не предусматривали отказа. Надо полагать,

сейчас имел место как раз такой момент, когда от Постникова ожидалось немедленное согласие и более ничего. Кадровик с минуту или чуть большое взирал на Алексея, шевеля нижней челюстью, с видом вытащенной из воды рыбы. В глазах коричневого дядьки отчетливо читалось недоумение, переходящее в разочарование. Наверное, так мог бы смотреть святой, раздавший святыни псам, и метнувший весь наличный жемчуг свиньям. А затем кадровик закрыл папку, старательно завязал веревочку, скреплявшую листы обложки. Собрал 'стул' в зонтикообразную конструкцию, причем Постников опять не успел понять, как именно произошло преобразование. И ... ушел. Просто ушел, молча, лишь бросая на собеседника косые взгляды. Словно хотел на всю жизнь запомнить удивительного человека, поправшего какие-то очень важные принципы и условности.

Дверь за ним беззвучно закрылась, не оставив видимых швов, исчезнув в монолитной стене. Еще через минуту померк и застыл слепым пятном телеэкран, впервые за все время заключения Алексея. Выяснилось, что в нерабочем состоянии местный 'телевизор' угольно-черный, без бликов, словно поглощающий весь свет. На фоне белых стен это выглядело довольно страшновато - длинный черный прямоугольник, похожий на разрыв между мирами, портал в мрачную бесконечность.

Сколько времени минуло после окончания разговора - Постников не знал. Казалось, бессчетные часы он вышагивал по чуть пружинящему полу, стараясь угадать будущее. При этом узник впадал то в мрачный пессимизм, то в нездорово-жизнерадостный оптимизм. Впрочем, с последним было сложнее. Отвергнутая альтернатива, разумеется, в полном соответствии с наукой психологией, теперь казалась более выгодной, нежели сделанный выбор. Впереди ждала полная неизвестность - то ли пауза перед окончательным решением, то ли напряженность, искусно нагнетаемая невидимыми кукловодами.

'Может быть признать ошибки и попробовать все отыграть назад?'

Постников добросовестно обдумал эту мысль. Камера, то есть палата, наверняка просматривалась и прослушивалась. И если пасть на колени, повиниться и начать вымаливать прощение, то быть может удастся все исправить?.. С каждой минутой идея казалась все более привлекательной, слова сами собой складывались в гладкие, просительные фразы, готовые сорваться с уст. Голову начало ощутимо покалывать, в темени понемногу, 'на мягких лапах' разливалось ощущение горячей тяжести - предвестник головной боли. Пилюль не было...

Алексей сбился с шага, сел прямо на пол и обхватил затылок,

чувствуя тепло живой руки и твердую прохладу протеза. Остатки самоуважения буквально вопияли, что коли уж принял решение, линию надо гнуть до конца. Но страх перед неизвестностью... он разъедал душу, словно кислота. Сомнения - не сделал ли пациент поневоле самую большую ошибку в жизни - выматывали, как работа 'самопалом', на самодельной обвязке.

В тот момент, когда Постников уже был готов заорать в голос, просто, чтобы выкричать обуревавшие его чувства - что-то щелкнуло, и стена раздалась в стороны, открываясь двумя подвижными панелями. На этот раз Алексей отчетливо видел темный коридор в проеме, подсвеченном тусклыми красноватыми лампочками. И две мрачные фигуры, замершие на условном пороге - незримой черте, отделявшей палату от внешнего мира.

- Собирайся, дефективный, - неприветливо вымолвила одна из фигур, делая резкое движение рукой. Рядом с Постниковым упал ворох одежды, похожей на мятый и перекрученный комбинезон из грубой, очень сильно застиранной ткани.

- Пижаму скинуть, это надеть, - приказал второй пришелец, другим голосом, но тем же тоном - скучающе требовательным, с явственной ноткой угрозы.

- Отдохнул, и будет.

Кто из них сказал третью фразу, Алексей не понял, в ушах зашумело. А здоровая рука сама собой легла на живот - внутренности свело судорогой, будто желудок протягивали через пресс.

- Давай быстрее, нам тебя еще везти и везти, - строго поторопил первый. И, словно иллюстрируя его приказ, светящийся потолок палаты начал тихо меркнуть. Не слишком быстро, но достаточно ощутимо.

Алексей сжал в кулак левую руку, пытаясь унять дрожь в пальцах, и протянул правую, железную, к брошенному тряпью.

За минувшее время Постников успел возненавидеть свою медицинскую камеру. Теперь же он ничего так не желал, как вернуться туда и задержаться как можно дольше. Тепло, спокойно, можно любоваться на всевозможные виды живой природы... Увы, похоже, возвращение не предусматривалось. Дышалось тяжело, стоптанные ботинки без шнурков, прилагавшиеся к одежде, стягивали ноги, будто Алексея подковали. Хотя, возможно, он просто отвык от обуви. Сама одежда представляла собой старый комбинезон с обилием хлястиков и петель - вероятно когда-то к нему крепилось много разной всячины. Теперь же весь 'обвес' сняли, к тому же чья-то кривая рука разрезала комбез пополам, превратив его в

мешковатые штаны и плотную куртку, скрепленные между собой тремя большими пуговицами. Путаясь в тряпье, Алексей снова ощутил себя персонажем и жертвой затянувшегося наркотического трипа, в котором смешались путешествие между мирами и кондовая бюрократия, высокотехнологичные протезы и рванье, годное разве что разнорабочему.

Его вели долго, какими-то техническими переходами, тоннелями и коридорами. Пару раз пересаживались в транспорт, схожий с открытыми электровагонетками, которые с грохотом и лязгом катились по утопленным в бетонный пол рельсам. На протяжении всего пути сопровождающие, точнее конвоиры, молчали, изредка подталкивая узника вперед. Похожие, как близнецы, они были одеты в униформу болотно-зеленого цвета, без всяких нашивок 'security', столь любимых охраной на памяти Постникова. Только на правом нагрудном кармане слабо светился отраженным цветом значок-кокарда, похожий одновременно и на французский 'флер-де-ли', и на корону. Маленькие кепки с очень короткими козырьками торчали почти на макушках одинаково бритых голов, а за правым ухом у каждого 'близнеца' серела металлическая нашлепка, похожая на гвоздь, вбитый в череп по самую шляпку.

'Правитель' - вспомнилось Алексею при очередном косом взгляде на значки конвоиров.

- Шагай, - сумрачно приказал один из них, тот, что был чуть повыше, в очередной раз толкая Постникова.

Алексей глянул, нет ли у спутников часов, чтобы хоть как-то привязаться во времени. Но часов у них не обнаружилось, были только широкие сегментированные браслеты, похожие на миниатюрные танковые гусеницы вокруг левого запястья. Время от времени браслеты вспыхивали слабым отсветом, синим или - реже - зеленым. Постников отметил, что это происходило при пересечении незаметных на первый взгляд желтых отметок на стенах в виде косых штрихованных полос. Видимо, срабатывала какая-то система опознавания.

Троица пересела в маленький поезд из пяти вагончиков, куда более удобных, чем вагонетки - здесь была крыша и несколько сидений. В поезде им впервые встретился настоящий живой человек, и Постников жадно уставился на него, ловя малейшие детали. Однако пожилой мужичок, присевший на самом краешке цельнометаллического стула, ничем особым не выделялся. Классический мастер-коммунальщик в годах, скорее всего электрик, судя по снаряжению в потертой и расстегнутой сумке. Мужичок с некоторой нервозностью смотрел на болотно-зеленых конвоиров и напрочь игнорировал Постникова, как предмет

интерьера. Он вышел на первой же остановке, с видимым усилием подхватив сумку.

На второй остановке Алексей попытался сбежать, рассудив, что дальше его явно не ждет ничего хорошего. Это был скорее акт безысходности, потому что узник трезво понимал - далеко равно не скрыться, особенно если угадал с браслетами и системой пропуска. Но он не мог просто ждать, тем более, что ситуация все больше напоминала транспортировку жертвенной скотинки. Подгадав момент, он толкнул правого охранника и попытался выскочить из едва тронувшегося вагончика, рассчитывая выгадать несколько мгновений форы.

Только теперь, в момент безнадежной попытки, Алексей понял, как сильно ослаб на местных 'харчах'. В палате это не ощущалось, сейчас же буквально от двух резких движений под ребром кольнуло, а дыхание перехватило. Впрочем, он все равно успел бы не выскочить, так хотя бы свалиться наружу - если бы не молниеносная реакция сразу обоих конвоиров. Они как будто и в самом деле были единым целом, настолько быстро и слаженно перехватили неудачливого беглеца. Постникова даже не побили особо, только один раз приложили в спину, чуть выше почек, и оставили корчиться от боли на металлическом ребристом полу. До следующей, последней остановки. А дальше его уже не столько конвоировали, сколько тащили в ускоренном темпе, не заботясь о том, в состоянии ли узник поддерживать необходимый темп.

Дорога закончилась так же резко и неожиданно, как началась. Сопровождаемый резким и очень болезненным пинком Постников кубарем пролетел через очередной проем в широкой железной раме, покрытой облезлой краской. Узник мешком повалился на холодную твердую поверхность, содрав о бетон клочок кожи со скулы. 'Близнецы' остались по ту сторону желтой рамы, а это значило, что куда бы они ни вели его, это место именно здесь.

- Вали, дефа, - все так же мрачно сказал один из 'братьев'.

Алексей, сжался в комок, подтянул ноги к груди и закрыл голову руками в тоскливой обреченности. Сил не оставалось даже на то, чтобы попробовать возмутиться или вымолить пощаду.

Весь мир сузился до нескольких ощущений. Холод серого бетона, боль ссадины, противная мелкая дрожь в обессиленных руках. И чувство бессмысленной, отвратительной апатии. Это было хуже всего, особенно после всех надежд и эмоций - раздвоение сознания, как будто в голове у Алексея поселилось сразу два человека. Один вопил от ужаса, требуя сделать хоть что-то, бороться за жизнь, пытаться сбежать. Второй же склонился перед неизбежным, наслаждаясь болезненной, извращенной

мыслью - 'наконец-то все закончится'.

Что-то глухо шмякнулось рядом с Постниковым.

- Шагай отсюда, пока автоматик не проснулся, - напутствовал 'близнец', непонятно, который из двух.

Дверь закрылась, лязгнув, как нож гильотины, только не упала сверху, а выдвинулась из бокового паза. Щелкнули невидимые запоры, и путешествие по индустриальным катакомбам закончилось.

Постников немного полежал, вообще ни о чем не думая. Рука и ноги не то, чтобы не слушались - он их вообще не чувствовал. Лицо дернулось в мелком тике, а затем Алексей неожиданно разрыдался, выплескивая напряжение и страх. Он лежал на холодном бетоне и плакал, радуясь тому, что просто жив - здесь и сейчас.

Первой более-менее осознанной мыслью оказалось понимание того, что конвоир скорее всего не приказывал кому-то 'валить дефа', а посоветовал - 'вали, дефа'. И этот загадочный 'дефа' есть скорее всего сокращение от 'дефективного', так его, Алексея, обозвали чуть раньше. То есть, можно сказать, он уже знает два местных ругательства.

Кое-как человек поднялся на четвереньки, руки уже пришли в норму, ноги все еще дрожали, как студень. Рядом, почти незаметный на фоне пола, лежал мятый серый конверт. Видимо это его бросили вдогонку, шмякнув о бетон. Постников машинально подобрал конверт и сунул в один из карманов 'куртки'. Затем огляделся.

Его выкинули в ... гараж, наверное. Да, больше всего это походило на обычный подземный гараж, довольно большой, размеченный полосами синего, желтого и красного цвета. Шлагбаумы, высокий потолок, поддерживаемый колоннами прямоугольного сечения. Помещение было почти пусто, лишь в дальнем углу стояли в ряд пять или шесть легковых машин. Из-за слабого освещения Постников не мог рассмотреть деталей, но силуэты сразу бросались в глаза - стреловидные, хищно-скоростные, однако без привычных округлых, обтекаемых форм. Низкие, приземистые корпуса будто собрали из многих призм с явно очерченными углами.

Алексей окончательно поднялся на ноги и шагнул в сторону от закрытой двери. Куда идти дальше?.. Скорее всего, следовало подняться по пандусу вверх, туда, где за поворотом выезда угадывался солнечный свет.

'Пойдем, Олеша, нам здесь не рады', - подумал Постников и нервно усмехнулся.

Один шаг, другой... На третьем буквально в ухо ударил

резкий механический звук, но в первое мгновение бывший узник этого не понял, потому что одновременно со звуком в глаз ему будто воткнули раскаленную иглу - от зрачка до затылка. Причем болью отозвался именно протез. С рычанием Алексей упал на колени, обхватив голову руками. Перед глазами все двоилось и шло рябью, на этом мутном фоне пробежали неожиданно четкие зеленые буквы, сплошной чередой. Совсем как в фильмах про роботов с их печатными директивами.

'лцз.отозв.бесп-ржм/ лцз.отозв.бесп-ржм/ лцз.отозв.бесп-ржм/ лцз.отозв.бесп-ржм/...'

Буквы исчезли так же внезапно, как и появились, и после еще одного приступа боли, впрочем, более слабого, Алексей обнаружил, что видит все окружающее в дикой, сюрреалистической смеси цветного и серого. Похоже, камера в глазном протезе переключилась на черно-белый режим, и теперь мозг старался как-то адаптироваться к сигналам зрительных нервов.

А затем механический звук повторился.

- Вы покинули зону действия временного вирт-пропуска. Ваш временный пропуск аннулирован и отозван. Пожалуйста, покиньте охраняемую территорию в течение минуты. Вы покинули зону действия временного вирт-пропуска...

Искусственный голос повторял одни и те же фразы по кругу. Он не особо походил на записи, привычные Постникову, но Алексей не смог бы в точности указать - в чем же отличия. Иной тембр, совокупность звучания... создавалось впечатление, что это не записанная речь, обработанная цифровым образом. Так действительно мог бы говорить робот, обрети он возможность эволюции голосового аппарата.

Из глубокой тени выступила конструкция - назвать по-иному это самодвижущееся сооружение Постников никак не смог бы. Тумба высотой примерно по грудь человеку шагала на четырех 'ногах', чуть раскачиваясь при каждом движении. На бело-красном корпусе выступал ряд блоков прямоугольной формы, похожих на сигаретные пачки с миниатюрными радиаторными решетками, Сооружение могло показаться несуразным и собранным из деталей с компьютерной свалки, если бы не маленькая башенка на вершине, вращающаяся независимо от корпуса. Это сооружение посверкивало квадрокуляром оптических линз, справа от которых выступал раструб очень неприятного и совсем не мусорного вида. Самоходный агрегат двигался не быстро, но весьма целеустремленно, с постоянной скоростью.

'Пока автоматик не проснулся...' - так, кажется, сопроводил Алексея конвоир. Надо думать, эта штука и есть загадочный 'автоматик'. Который, как видно, проснулся или скорее перешел в какой-то новый режим.

- Тридцать секунд, - глухо пророкотал четырехногий, звук шел откуда-то из-за 'спины' самохода, видимо динамики были выведены в условно безопасную для возможного обстрела зону.

Красный луч вырвался из-под квадрокуляра и пробежал по лицу человека напротив робота. Постников сразу вспомнил, что бывает после такой засветки и побежал. Ноги заплетались, сердце колотилось с такой силой, словно хотело вырваться из грудной клетки. Дыхание срывалось, Алексей хватал воздух широко открытым ртом, но с каждым шагом все больше слабел и замедлялся. А проклятый механизм неустанно преследовал, долбил в бетонный пол широкими трехпалыми 'стопами' и мерно бубнил:

- Двадцать секунд... девятнадцать секунд... восемнадцать...

- О, господи... - простонал Алексей, снова падая на четвереньки. Он пополз дальше, сбивая колени, скребя протезом по полу - дальше, по наклонному подъему, к свету.

- Вы покинули охраняемую зону. Благодарим за точное следование инструкции, - сообщил сзади металлический голос. - Непременно возвращайтесь, 'Правитель' всегда рад гостям, партнерам и клиентам. Для входа на территорию закажите пропуск в бюро пропусков.

Постников выбрался наружу, пролез под низким шлагбаумом в красную косую штриховку. Бессвязные ругательства срывались с его мокрых губ, сердце все никак не успокаивалось, в ушах гремело. А затем Алексей понял, что шумит отнюдь не в ушах...

И Город обрушился на него, словно изголодавшийся хищник.

Глава 5

- Как ты мог это допустить? Как ты вообще это допустил?

Кричавший в голос резко махнул рукой и, подчиняясь жесту, скрытая в стенах автоматика одновременно затенила здоровенное - во всю стену - окно и зажгла скрытые в потолке светопанели.

- Это был мой козырь! - бушевал владелец громадного кабинета. - Гвоздь всего моего отчета! А теперь его нет!!! И ты говоришь мне, что это бюрократическая ошибка?!

- Именно так, - с ироничным спокойствием ответил его собеседник, и крикун замер, беззвучно развевая рот. В окружении ультрасовременного интерьера, представляющего всевозможные комбинации стекла и блестящего металла, щегольски одетый - он походил скорее на высокопоставленного деятеля зарубежной корпорации, чем на советника треста 'Правитель'.

- Мой юный ... коллега, - с расстановкой продолжил спокойный, буквально на долю секунды опередив поток новых обвинений. - Умерь пыл и сбавь этот юношеский максимализм. Да, у нас произошла бюрократическая накладка. Это бывает.

Его оппонент нервным жестом одернул такой же модный, как и кабинетный антураж, пиджак - серо-синий, в редкую и очень тонкую полоску. Затем так же нервно дернул тонкий красный галстук, словно впал в жестокую мизантропию и намеревался задушить себя. Спокойный же только откинулся еще больше на спинку широкого кресла, буквально расплывшись по стеклометаллической плоскости, как медуза. То был человек в годах, лет шестидесяти или даже старше, немного похожий на католического монаха, главным образом благодаря короткому ежику мышиного цвета волос, обрамлявших солидную лысину. На общий образ работал мешковатый пиджак неопределенного цвета со слишком длинными фалдами, совершенно не вписывавшийся в общий стиль кабинета. Если бы здесь оказался Алексей Постников, то сразу отметил бы, что костюм сидит на спокойном старике так же плохо, как на кадровике, что безуспешно предлагал рабочий договор. Однако сидящий в кресле, похоже, совершенно не комплексовал по этому поводу. Ему было удобно (или - зачем-то нужно) одеваться именно так, а весь остальной мир мог думать все, что угодно. И эта спокойная, несуетливая уверенность охлаждала яростные порывы 'полосатого' как ледяной душ.

- До чего же у тебя здесь неудобно, - буркнул сиделец снизу-

вверх, человеку в полосатом костюме.

Советник сжал кулаки и выговорил, чуть спокойнее, но именно 'чуть', в пустоту над головой старика:

- Как!?

- Военно-морским способом, - все так же спокойно разъяснил пожилой человек, смахивающий на священника. - Продолбали, чего уж там...

Советник нервно заходил по кабинету, что, учитывая размеры помещения, походило на импровизированную пробежку.

- Мальчик мой, - строго и деловито сказал старик, похоже он решил, что время эмоций прошло, пришла пора делового разговора. - В любой большой организации есть бюрократия. В любой бюрократии случаются накладки и глупые просчеты. Иногда эти накладки имеют очень скверные последствия... Повторюсь - такое случается.

- Это не накладка, - глухо выдавил советник с таким видом, словно намеревался безнадежно закрыть лицо руками. - Это катастрофа. Мой триумф взяли за шкирку и выбросили на улицу.

- Не надо этой театральности, - поморщился старик, явно недовольный экзальтацией собеседника. - Да, неприятно, но не катастрофично.

Советник снова дернул галстук и нервно сглотнул.

- А чего ты ожидал? - неожиданно мягко вопросил старик. - Наш конфликт с 'Союзпочтой' вошел в финальную стадию. Не забудем, кстати, что бардак был инициирован тобой, но это так, заметка на полях... Все ресурсы 'Правителя' брошены в противостояние, периферийные задачи обеспечиваются по остаточному принципу.

- Пришелец из иной реальности - не периферийная задача! - рявкнул советник. - И я поручил тебе заниматься его устройством!

- А попутно я веду все операции, связанные с 'Посылторгом', - напомнил старик. - Единственной точкой совместного интереса, на которой мы еще можем закончить дело миром, к умеренной взаимной пользе трестов. Тебе напомнить, сколько арбитров я уже привлек и поставил в твое прямое подчинение? И как важно тебе свести вничью и хоть с какой-то выгодой инициированную тобой же войну агломератов?

Советник не ответил, только резко ударил кулаком одной руки в раскрытую ладонь другой.

- Да, получилось нехорошо, - с безжалостной прямотой продолжил его пожилой коллега. - Но к сожалению, получилось. Пришельца надо было как-то адаптировать, коли уж мы решили не отправлять его в биореактор. Хорошая же была идея,

приставить его к работе и держать под присмотром. Учитывая, что он обошелся весьма и весьма недешево...

- Под присмотром! - снова взорвался щеголь. - Не на улице!

- Бюрократия, - развел руками 'монах'. - Вести весь процесс я не смог, в силу известных тебе обстоятельств. И когда этот дефективный чудозвон пошел в отказ, рядовые исполнители поступили шаблонным образом. Пришелец - не пришелец, все равно. Правила есть правила.

- Не надо оправданий, - буркнул советник.

- Я и не думал оправдываться, - еще более мягко проговорил старик, так миролюбиво, что щеголь невольно вздрогнул от легчайшей нотки угрозы в старческом голосе. - Есть ошибки, которые достойны порицания и наказания. И есть неурядицы, которые случаются согласно естественному ходу вещей. Я хорошо отличаю одно от другого и никогда их не путаю. Да, моя доли вины здесь есть. Но цепь событий запустил ты, когда обескровил наше направление войной агломератов. А затем - когда скрыл от дирекции появление пришельца, чтобы после триумфально отчитаться об успехах. Если серьезными вопросами приходится заниматься посторонним людям, это не всегда заканчивается полным успехом.

- Полным... успехом, - фыркнул советник. - Я метил в 'ферзи', а теперь как бы не стать настоящей 'королевой'!

- Ты меня разочаровываешь, - укорил его старик. - Разве я тебя этому учил?

Он снова поморщился и спародировал собеседника, фальцетом пропищав:

- Катастрофа! Катастрофа!

И прежним тоном закончил:

- Ты еще закричи 'слоноул, страшный ужопотам!'.

Советник глубоко вздохнул, словно готовясь к медитативным упражнениям. И уже гораздо спокойнее сказал:

- Но ведь катастрофа же...

- Ты подумал плохо и мало, - безжалостно пригвоздил старик. - Думай лучше. Я знаю, что в голове у тебя отнюдь не опилки.

- Ну... - щеголь в третий раз дернул галстук-удавку, но без прежнего фанатизма. - Пришелец отправился в неизвестном направлении...

- Его можно найти?

- Нет! - сорвался было опять советник, но на этот раз почти мгновенно успокоился. Было отчетливо видно, как он сковывает себя узами жесткой самодисциплины и выдержки, словно узник кандалами. - Можно было бы... Но для этого нужно привлекать ресурсы, снимая их с других направлений. Или...

Он задумался.

- Или?.. - подстегнул старик.

- Или привлекать исполнителей со стороны.

- Это возможно?

- Нет... пожалуй, нет. Придется запускать масштабный поиск со взломом городских и трестовых инфобанков, видеокамер... Использовать агентуру и милицию... Я не смогу организовать все это достаточно быстро и обеспечить финансово, не оставляя огромных следов.

- Отлично, - кивнул старик, сплетя пальцы рук на животе. - Итак, пришелец сейчас недосягаем или мы что-то упустили?

- Недосягаем, - подытожил советник, хмурясь, после недолгого сосредоточенного раздумья. - Его можно найти, но нельзя найти быстро и незаметно. А официальные розыскные мероприятия для меня сейчас равносильны провалу и увольнению. В лучшем случае...

- Итак, первый шаг мы сделали, - ободрил 'монах'. - Означенная персона недосягаема. При этом ты не готов и не намерен отвечать головой и карьерой за допущенный промах. Что же дальше?

- Дальше... - советник вновь заходил по кабинету, на этот раз задрав голову и прищурясь в матовый потолок. - Дальше... Дальше для начала надо избавиться от рядовых исполнителей. Скажем...

Старик приподнял бровь, ожидая продолжения, и удовлетворенно кивнул, услышав:

- Скажем, отправить на повышение с хорошей прибавкой к жалованию... куда-нибудь подальше. Как можно дальше. Вернуться к вопросу через полгода и закрыть его окончательно.

- И неконвенционно, - дополнил старик. - Но полгода, это, пожалуй, многовато. Скажем, месяца три-четыре. За этот срок текущий кризис так или иначе разрешится. Соответственно либо у тебя окажутся развязаны руки для малых и незаметных ... действий, либо это будет самой меньшей из наших проблем.

- Да, именно так... Теперь, что дальше... Пожалуй...

Советник улыбнулся, впервые за этот день. Улыбка получилась кривой и страшноватой, но старик вновь удовлетворенно кивнул, прозревая симптомы возвращения ученика и протеже к нормальному состоянию.

- Пожалуй, нам следует в кои-то веки внимательно прислушаться к советам, - щеголь значительно поднял к потолку указательный палец. - Мудрейшим советам людей науки.

- Что же советуют нам мудрейшие люди? - осведомился старик.

- Утилизировать бесполезный лабораторный материал, - решительно и сурово сообщил советник.

- Отлично, - теперь улыбнулся 'монах'. - Я знал, что ты придешь к правильной последовательности решений, поэтому уже предпринял кое-какие шаги. Пришелец был выбран дочиста цереброскопированием, оценен как бесперспективный и бесполезный, а затем отправлен в биореактор. Со всеми сопутствующими процедурами, бумагами и отчетами.

- Спасибо, - искренне поблагодарил советник. Он совсем успокоился и вновь стал тем, кем был, то есть относительно молодым, подающим большие надежды хищником мира трестов и больших денег. Расчетливым, сдержанным, хладнокровным. - Иногда мне страшно представить, чтобы со мной было, без тебя...

- Ничего хорошего, - с дружеской подколкой отозвался пожилой спутник, формальный подчиненный и одновременно строгий наставник. - Но мы это исправляем, по мере сил.

- И все же, если эта скотина таки всплывет где-нибудь! - спохватился советник.

- Где? Как? - сардонически ухмыльнулся старик. - Придет к той же 'Почте' и скажет, что он пришелец из параллельной реальности, который может тыкать в маленький наладонный экран, активируя иконки? Ах, простите, аппаратуры то при нем нет, зато он может описать, как она выглядит внешне.

- Пользователь, - усмехнулся советник, цитируя определение научного консультант.

- Именно, пользователь, - согласился 'монах'. - Сумасшедший пользователь без денег и паспорта. Да еще со старым хромом, у которого к тому же отозваны лицензии. 'Бычок-яга', как он есть. Притом он не знает и не понимает нашего ... мира. Даже будь у него деньги - где и что покупается, куда можно ходить, а куда соваться не стоит, как вычислить гопу из коалиции и достать гостовский товар?

- Но все же, - сомневался щеголь.

- Вот когда это 'все же' наступит, если наступит, тогда и будем думать. А пока займемся делами насущными, их у нас хватает. И я уверен, что мы больше не услышим про этого бедолагу. Судьба у него будет недолгой и печальной. Думаю, нашего гостя еще до рассвета поделят стоматологи и трансецы.

- Что же, печально, однако тут ничего не поделаешь, - советник немного подумал. - Мир его праху. Надеюсь, что как можно скорее.

- Теперь надо обговорить, что делать с исполнителями. Сколько дать, как мотивировать. Куда отослать. Дело непростое, нужна полная информационная блокада, но при этом сами ...

пациенты должны радоваться жизни и чувствовать себя счастливцами. Чтобы не начали искать правды и чужих внимательных ушей. А пришельца помянем как-нибудь... потом. Если будет время.

* * *

Алексей брел по улице, глубоко засунув руки в карманы, сгорбившись и бросая вокруг короткие взгляды. Голова болела, не сказать, чтобы сильно, но вполне ощутимо. Глазной протез так и работал в черно-белом режиме, к тому же теперь он фокусировался гораздо дольше и, похоже, не успевал обсчитывать больше десятка движущихся объектов одновременно. Зрение Постникова регулярно дробилось и размывалось, 'билось' на мозаику многоцветных и черно-белых квадратов, а при обзоре многоплановой панорамы просто 'подвисало'. Поэтому вид чудовищного Города доходил до Алексея малыми частями, элемент за элементом. Почти час бывший узник некоего 'Правителя' петлял без всякого плана и цели, стараясь уйти как можно дальше от выхода из подземного гаража. И смотрел, слушал, осознавал. Вернее, пытался осознать, куда занесла его нелегкая.

Постников был москвичом в пятом поколении, пару раз бывал за границей, поэтому вполне мог считать, что повидал большие города. Как же он ошибался...

Титанический мегаполис был страшен и прекрасен одновременно. И совершенно не походил на все, что Алексей видел ранее или мог бы представить, напрягая фантазию до предела. Город давил мрачной атмосферой и пугал - размахом, высотой, невообразимым объемом. Отдельный человек был ничтожной мошкой в сравнении с циклопической громадой. А еще мегаполис восхищал - как ядовитая змея или акула - смертельно опасное создание, восхитительное в своем совершенстве охотника-убийцы.

Прежде всего Постникову бросилась в глаза трехмерность Города. Его здания высились громадными многосоставными колоннами, похожими на пучок трех- и четырехгранных призм с разнообразными пристройками и ответвлениями. И каждый такой геометрический 'куст' соединялся с соседями многочисленными трубами, переходами, монорельсовыми нитями. Описанные конструкции шли как по отдельности, так и в самых причудливых сочетаниях, но чаще всего - в единых блоках на паутинообразных опорах и тросах-растяжках. В этом индустриальном хаосе петляли автотрассы и эстакады, сходящиеся в сложных развязках и

разбегающиеся вновь. Ныряющие в тоннели, разбрасывающие в разные стороны многолапые опоры. И в этих опорах в свою очередь открывались какие-то технические проходы, там сновали прозрачные цилиндры подъемников и скользили подвесные электропоезда.

Вся эта громада, возвышающаяся над серо-черным асфальтом, не разбивалась на какие-то отдельные плоскости - нет, она функционировала одновременно. Жизнь и движение поднимались хаотичными волнами по меньшей мере на пятьдесят метров от уровня земли, а местами, на взгляд Алексея - захлестывали и до сотни.

На 'нулевом уровне', как обозвал его про себя Постников, то есть у подножия Города, транспорта почти не было. Точнее не было в сравнении с гремящими автотрассами над головой. Здесь же, внизу, все оказалось отдано во владение пешеходов, терминалов подземных трасс и того, что с некоторой натяжкой можно было назвать 'общественным транспортом'. С натяжкой, потому что, как и все в этом удивительном мире, указанный транспорт одновременно и походил на привычные Постникову автобусы с трамваями, и разительно отличался. Рельсовые агрегаты, похожие на помесь электрички и метро, двигались по 'трубам' из прозрачного стеклоподобного материала. По этому 'стеклу' бежал рисунок, похожий на многократно увеличенные микросхемы. Наверное, это и было что-то электронное, причем на первый взгляд вплавленное прямо в материал. А на местные 'автобусы' было просто больно смотреть - внешний корпус, похоже, представлял собой состыкованные телевизионные панели, непрерывно транслирующие ... что-то транслировавшие. Здесь разум Алексея снова сбивался, не в силах подобрать аналоги из предыдущего опыта. Нужно было если не родиться здесь, то хотя бы стать частью мира, чтобы ориентироваться в мозаике бликов и живых картин.

Зато все пространство над 'нулевым' уровнем было отдано во власть автомобилей. Глядя снизу-вверх, Постников мог увидеть лишь малую часть трафика, но и увиденное - поражало. Учитывая специфическую форму машин - уже знакомые по гаражу сплошные углы и стреловидные очертания - автомобильные потоки напоминали механические реки, одновременно беспорядочные и строго организованные по каким-то неизвестным и непонятным принципам. Что странно, из тысяч и тысяч автомобилей всевозможных расцветок и форм - фары горели буквально у единиц. Впрочем, света на трехмерных 'улицах' хватало.

Да, Город светился. И какой это был свет!

Сами по себе здания - по крайней мере там, где очередную постройку удавалось определить, как 'дом' - удивляли тьмой. В них определенно были окна, бликующие отраженным светом, как чешуйки тысяч матово-черных драконов. Но эти окна оставались темны. Зато переливались всеми цветами радуги многочисленные указатели, пиктограммы, рекламные щиты, объемные фигуры, возникающие и рассыпающиеся между уровнями, как по волшебству, без видимой системы и упорядоченности. Если сосредоточиться на каждой световой вспышке в отдельности, то можно было разобрать обрывок объявления, призыва, часть призрачного плаката, девиз, кусочек картинки или хотя бы отдельное слово. Но неподготовленный разум Постникова отказывался воспринимать картину в целом, и беглец брел дальше, чувствуя себя младенцем на взрослом празднике или муравьем на новогодней елке. Кругом яркое и бодрое движение, а что именно происходит, непонятно...

Судя по кусочкам неба, изредка открывавшимся над головой беглеца, сейчас стоял день, обычный пасмурно-осенний день. Но здесь, внизу, царила полутьма. Точнее царила бы, выключись электричество. Наверное, подумал Алексей, здесь всегда так - вечные сумерки, ярко раскрашенные неоновым светом.

Город тьмы...

Два или три раза Постников видел узкие расщелины между призматическими строениями - в тех местах, где просветы не перекрывались другими домами или путаницей коммуникаций. Там, вдали, виднелись другие здания, совсем иного стиля и даже цвета. Одни больше смахивали на тонкие шпили, устремленные в небо. Другие походили на изящные крестообразные конструкции, застывшие в оборванном движении. Их архитектура разительно отличалась от того, что Алексей видел вокруг себя, но деталей Постников рассмотреть не мог - слишком далеко, слишком расплывчато. В такие мгновения глазной протез сбоил особенно сильно, и беглец торопливо переводил взгляд на что-то более близкое.

Насколько понял бывший пациент, удивительные и красивые 'шпили' с 'крестами' располагались примерно в одном направлении. Другой район, скорее всего. Возможно деловая часть города, а может быть дома местной 'элиты' ...

Алексей устал бороться с двойным зрением, да и голова от этого болела все сильнее. Поэтому он протолкался к ближайшей стене и попытался соорудить повязку на глаз. В качестве таковой сгодился один из бесполезных ремней на комбинезоне. Вышло криво и, наверное, уродливо, но все равно стало полегче.

Люди шли мимо, совершенно не реагируя на беглеца, как

настоящее море, безразличное ко всему, и к Постникову в том числе. Обычные и необычные, как все остальное, что встретил в своей новой жизни. Иные, совсем чужие.

Глядя на них, Алексей почувствовал себя уже не муравьем, а человеком среди инопланетян.

Или инопланетянином среди людей...

Глава 6

Постников отошел к ближайшей черной стене и прислонился под ней, прямо под сине-красной вывеской 'Улица имени 26 бакинских комиссаров'. Ноги устали, хотелось присесть и немного отдохнуть, но уличные скамейки здесь отсутствовали, как класс. Люди шли, бежали, ехали, но Постников не видел ни сидящих, ни просто остановившихся прохожих. Здесь каждый куда-то спешил.

Вечное движение...

Первое, что бросалось в глаза - обилие масок и плащей. Почти каждый человек носил два обязательных аксессуара - прозрачную накидку поверх остальной одежды и дыхательную маску. Зачем нужны были плащи, Постников еще мог понять, потому что сырость на улицах просто зашкаливала. Мельчайшие бусинки влаги конденсировались на любой гладкой поверхности, проступали серыми пятнами на бетоне и асфальте. Холодные капли тихонько шлепались с прозрачных перекрытий над улицами и время от времени неприятно скатывались Алексею за воротник. У самого беглеца плаща не было, и Постников уже начал подумывать, где бы разжиться, потому что комбинезон оказался вполне влагопроницаемым и отсырел.

Но маски?.. Воздух был действительно тяжеловат, насыщен горьковатым привкусом сгоревшего бензина, химических испарений и еще чего-то, что Алексей идентифицировать не мог. Однако ненамного хуже, чем в центре Москвы в час пик. Не настолько плохо, чтобы ради этого стоило поголовно надевать респираторы десятков разновидностей - от простых 'намордников' до настоящих шлемов, похожих на пакеты из толстого полиэтилена с широкими 'таблетками' встроенных фильтров. Причем так же, как и плащи, маски были прозрачны, независимо от вида.

Те же, у кого респираторов не было, за редчайшими исключениями сжимали в губах сигареты. То есть некие предметы, очень похожие на сигареты - тонкие палочки, обычно бело-серые, с разнообразной маркировкой, но не зажженные. Алексей задумался и понял, что вообще не видел здесь ни одной обычной сигареты - с огоньком и дымом. Чтобы это могло быть, пришелец так и не сообразил.

Как раз в этот момент мимо прошагал припанкованный мужик, буквально гремящий музыкой и мусолящий во рту загадочную недо-сигарету. 'Припанкованный', потому что мужик

больше всего походил на сильно постаревшего панка с фотографий восьмидесятых годов. Только 'ирокез' на его шишковатом черепе был не крашен, да к тому же собран из множества косичек-дредов. А 'гремящий', потому что распространял вокруг сборную звуковую солянку из синкопированного блюза, смешанного с чисто роковыми запилами. Постников сначала не понял, откуда музыка. Затем сообразил - из маленьких - размером примерно с ладонь - динамиков на плечах толстой кожаной куртки панка. Куртка сама по себе звенела, потому что была изобильно проклепана блестящими шипами и обвешана цепями. Причем решетки динамиков были обращены не наружу, а внутрь, к ушам 'ирокезного' мужика. Алексей только вздохнул, отметив очередную несообразность и странность, а панк покосился на незваного наблюдателя, скривился и смачно плюнул под ноги Постникову. Хмыкнул и зашагал дальше, чуть приплясывая на ходу под свой роко-блюз. Панк устремился к ближайшей остановке, к которой только что причалил новый световой автобус, переливающийся всеми цветами радуги.

Алексей поморщился от болезненных вспышек, бьющих по уставшему глазу, поправил повязку из ремня, прикрывавшую протез, и вспомнил про конверт, который ему кинули в гараже. Вспомнил и проклял себя за глупость. Первым делом надо было посмотреть, что же там лежит. Вдруг что полезное? Беглец начал шарить по карманам и внезапно испугался - конверт куда-то пропал. Постников дважды глубоко вздохнул, сжал здоровую руку в кулак и вздохнул еще раз, пытаясь успокоить нервы нехитрым йоговским упражнением. Получилось не очень хорошо, но все же он сумел справиться с паникой и еще раз аккуратно обшарил настоящей рукой, а не протезом, все карманы, которых оказалось около полутора десятков, не считая вложенных. Конечно же конверт оказался в последнем, но достать его Алексей не успел. Сзади на него буквально обрушился световой удар. За спиной полыхнуло багрово-красным и ярко-оранжевым, так что беглец буквально отшатнулся с единственной мыслью 'жопа горит!'.

Его едва не затоптали прохожие, а стена полыхала холодным искусственным огнем. Кое-как справившись с людским напором и присмотревшись, Постников наконец понял, почему здания выглядят так необычно. Гладкие черные поверхности, которые он принимал за панели облицовки, на самом деле и были окнами. Только вставлено в них было не стекло, точнее особое стекло, с регулируемой прозрачностью и подсветкой. Там, где только что была непроницаемо-черная стена, светился полупрозрачный прямоугольник размером с хорошую витрину. А по всему

периметру витрины змеились сложной вязью стилизованные буквы. Буквы были знакомыми, обычная кириллица, но слова совершенно не читаемы - слишком быстро менялись слова. Постников уловил только 'клуб' и 'шму'. В глубине открывшегося окна угадывались тени людей, тонущих в красном свечении, похоже там танцевали.

Что ж, 'клуб' он клуб и есть, но вот как расшифровать загадочное 'шму'? И как вообще попадают в такие заведения?.. Алексей мысленно махнул рукой и позволил толпе увлечь себя дальше, одновременно размышляя над тем, где вообще здесь отдыхают, питаются. А еще - где бы пристроиться, чтобы без лишних глаз осмотреть содержимое конверта. Рядом, за низкой - чуть выше колена - оградой набирал скорость автобус. По всему борту, забираясь и на стекла, бежала надпись. Постников механически прочитал ее - просто потому, что наконец увидел нормальные фразы, без вставленных пиктов и сокращений.

'Михаил Шворцев! Новый роман! 'Агент' - спрашивайте, читайте, ликуйте! Тринадцатый год - год русской культуры в ретрофутуризме!'

При этом из того же автобуса исходил вкрадчивый голос, доверительно сообщавший:

- Эксцентрический комедийный буфф-роман Николая Игорева 'Засушливый солнечный хутор'. Один рубль восемьдесят шесть, не пропустите...

Машина набрала скорость и ушла дальше. Алексей шагал, сжимая конверт в кармане и размышляя, что это за рекламный прием - писать про одну книгу, а рассказывать про другую. И где же можно поесть? А еще лучше - утолить жажду. Пить хотелось все больше. В руках у прохожих регулярно мелькали бутылки вполне традиционного вида, но откуда эти бутылки появлялись в руках, Алексей пока не понимал. Кажется, их доставали из больших ящиков, похожих одновременно и на гробы, и на телефонные будки. 'Тробобудки', высотой примерно по грудь взрослому человеку, стояли, вернее лежали на улицах, ориентированные вдоль по ходу движения толпы. Время от времени очередной прохожий протягивал руку, водя ладонью над одним концом будки. По корпусу сооружения пробегал танец световых символов, в которых повторялась пятиконечная звезда - один в один символ 'гост'. А затем с другой стороны лежащей будки высовывался поднос, похожий на 'язык' из старых советских иллюстраций к 'Незнайке на Луне'. К той главе, где описывалась гостиница 'Экономическая' и полагалось класть монетку на специальный 'язычок' в оплату каждой услуги. Только здесь подносик не принимал, а выдавал те самые бутылки или

разноцветные штуки, похожие на брикеты сублимированной лапши. Их надрывали и поедали содержимое на ходу, бросая обертку прямо на тротуар.

Что ж, теперь Алексей понял, откуда здесь добывают питье и еду. Осталось только понять - каким образом это происходит. В руках, что размахивали ладонями над гробобудками, не было ни денег, ни карточек, ни вообще каких-нибудь приспособлений. Даже сотовых телефонов. Но как-то же какая-то информация считывается, не бесплатно же раздают... Или бесплатно? Благотворительность? Гарантированный паек? Черт его знает... На всякий случай Алексей попробовал украдкой повторить тот же прием - с предсказуемым, но оттого не менее грустным исходом. Будкообразные раздатчики игнорировали пришельца.

Жажда становилась все сильнее. Словно в такт невеселым мыслям Алексея прямо ему на макушку пролилась струйка противной холодной воды. Постников вздрогнул, машинально втянул голову в плечи и посмотрел вверх. Уголки настоящего неба, видимого через путаницу конструкций, поблекли еще больше, посерели. Вечер становился совсем 'поздним', а искусственный свет множился. Очевидно вследствие этого на лицах у прохожих стало появляться все больше очков, похожих на солнцезащитные. Видимо, болезненный для Алексей уровень 'дневной' освещенности был для них привычным и нейтральным, а вот 'вечерняя' вакханалия уже требовала некоторой защиты.

Беглец решил поискать какую-нибудь недорогую забегаловку и в третий раз нащупал конверт.

Постников осторожно вырулил из толпы в небольшой проулочек, зажатый меж двух витрин. Одна, по правую руку, транслировала что-то непонятное, неоново-красное. Здесь, на 'нулевом' уровне, вообще преобладали вырвиглазные красно-оранжево-желтые тона, а вот более мягкие сине-зеленые оттенки начинались гораздо выше. На правой стеклянной панели часто повторялись слова 'Кронос' и 'цифровая станция', вперемешку с символикой, похожей на математические формулы.

Вторая витрина, та, что слева, была интереснее. Наконец Алексей увидел обычное стекло, чуть мутноватое и, кажется, с трещинкой в углу. Оно не светилось, не полыхало и не жгло глаза адским пламенем. Точнее единственный неприкрытый глаз. Постников представил, что случилось бы с его зрительным протезом сейчас, во все умножающейся вакханалии вечерних вспышек, и невольно вздрогнул.

Над верхним краем витрины шла простенькая надпись маленькими - не больше ладони - белыми буквами. Похоже, надпись была выложена от руки, будто свивалась из длинной

светящейся трубки, похожей на елочное украшение. 'Артель. Стрелк. Разр.' - и больше ничего. За стеклом виднелся обычный стол, похожий на школьную парту - светло-коричневого цвета, со старой и сильно поцарапанной полировкой. За столом работал опять-таки вполне обычный человек, и на этом привычность картины заканчивалась. Потому что неизвестный сидел, будучи упакованным в конструкцию, похожую на скелетообразный экзокостюм. Память Алексея услужливо подсунула сравнение - как погрузчик из 'Чужих', только гораздо меньше и определенно предназначенный для какой-то более тонкой работы, нежели перетаскивание крупногабаритных грузов. К двум основным манипуляторам крепились на шарнирах и телескопических держателях сменные блоки инструментов. А к решетчатому шлему, собранному из толстых хромированных прутьев, были приделаны всевозможные линзы и прочая оптика. Даже на невзыскательный и неискушенный взгляд Постникова железный скелет позволял делать много разных вещей, от распилки металла до тонкой ювелирной работы. Сейчас на столе лежал механизм, похожий на уменьшенный в несколько раз автомобильный мотор. А оператор одной рукой запустил в агрегат суставчатый пинцет, другой же что-то паял. По крайней мере больше всего это походило на пайку.

Алексей вздохнул, повернулся и едва не столкнулся с открывшейся дверью. Судя по всему, вела она как раз в ту самую 'Артель'. Постников поднял ручной протез, чтобы придержать дверь и не получить по лбу. И получил, но не в лоб и не от двери. Непонятная сила буквально подняла его в воздух и пронесла метра два, приземлив на сырой и очень жесткий асфальт, под ноги толпе. Причем та самая толпа куда-то вдруг делась, непонятно куда. Но об этом Алексей подумал чуть позже, когда немного утихла боль в груди, чуть выше солнечного сплетения. В голову ему пришли сразу две мысли - почему на него никто не наступил и что это было. Почти сразу к товаркам присоединилась мысль третья. Точнее осознание того, что его не ударили, а очень сильно и быстро толкнули. Или даже оттолкнули, буквально смели с дороги одним движением.

От падения повязка слетела, поэтому Алексей снова на пару мгновений запутался в угловатой, дробленой картинке, составленной здоровым глазом и злосчастным протезом. Когда же разобрался, то осознал, что примерно в паре метров от него, рядом с открывшейся дверью стоят два человека. Очевидно они как раз выходили из 'Артели', когда едва не столкнулись с некстати подвернувшимся Постниковым. 'Едва' и 'не столкнулись' - именно потому что пришелец оказался на земле. А никто не

наступил на него по одной причине - рядом никого не оказалось. Несмотря на плотность людского потока вокруг троицы в считанные мгновения образовалось пустое пространство, мертвая зона. Словно некое защитное поле очертило невидимый и непреодолимый круг у двери артели.

Алексей сфокусировался на нежданных встречных, чувствуя, как ледяной пот стекает по спине. Потому что прохожие вокруг испугались явно не его. Испугались до такой степени, что предпочитали давиться в сутолоке, тесниться и вжиматься в толпу, но не приближаться к...

К кому?

Их было двое, и Постников в жизни не встречал более странную пару. Мужчина и женщина. Он - не очень высокий, но невероятно широкий, почти квадратный. А может быть просто кажущийся таким, потому что от ушей до стоп мужик был буквально закован в плащ. Не прозрачную накидку, как у большинства встречных, а в самый настоящий плащ из какого-то даже на вид очень грубого и жесткого материала. Толстая кожа или синтетика 'под кожу'. Плащ не морщился и плохо гнулся на сгибах, так что Постникову невольно подумалось - такую одежду не надевают, а скорее влезают внутрь нее, как в скафандр. Толстый воротник прикрывал нижнюю челюсть и вообще начинался где-то на середине плеч, а не у шеи, поэтому владелец смотрел на мир, как будто выглядывая из широкой трубы. Все швы оказались выставлены напоказ и, судя по внешнему виду, были сделаны то ли очень толстой капроновой нитью, то ли тонкой веревкой. Над воротником поблескивали отраженным светом мутные глаза незнакомца. Точнее не глаза, а непрозрачные шарики белесого цвета, которые заменяли ему глаза. Короткие рыжие волосы топорщились в разные стороны, как мелкие иглы на еже. Из длинных широких рукавов торчали пальцы мощных и толстых перчаток с такими же демонстративными, солидными швами. На одежде квадратного мужика не было ни украшений, столь любимых местным людом, ни опознавательных знаков. Только значок-кокарда, на обшлаге рукава. Знак, похожий на тот, что Постников уже видел на охранниках 'Правителя', но более изящно, тонко сделанный. Вместо короны на нем светилась тонкими золотыми нитями стилизованная буква 'Р', а ниже, по обе стороны от вертикальной перекладины буковки поменьше - 'ф' с 'и'.

Рядом с квадратным здоровяком стояла женщина, очень невысокая и тонкая. Ее можно было с легкостью принять за мальчишку-подростка, если бы не пышная копна рыжеватых - как и у плащеносного громилы - волос, подстриженных на уровне

ушей. Молодая женщина была одета в тесный, сильно обтягивающий комбинезон наподобие мотоциклетного. Как Ума Турман в 'Убить Билла', только костюм был не желтым, а кирпично-красным, с широкими черными полосами на сгибах, поясе и у шеи. Из-за спины у 'Турман' выглядывал краешек темного тубуса с ребристой поверхностью. Тубус висел на ремне, небрежно закинутый за плечо. Глаза рыжей скрывались за широкими очками наподобие лыжных, причем они держались сами собой, без всяких дужек или ленты. А стекла казались фасетчатыми, как будто тончайшее перо выдавило в мягком стекле причудливый рисунок из вытянутых по вертикали шестиугольников. И тот же самый знак - три буквы, 'р', 'ф', 'и', только на плече.

Они стояли и просто смотрели на Постникова. Ни единого движения, даже случайного жеста. Только чуть заметно двигалась нижняя челюсть рыжей, как будто девушка жевала резинку. Секунда, другая, третья... Алексей сглотнул, отчетливо понимая, что происходит нечто очень важное и, судя по всему, опасное. А люди вокруг все так же раздавались в стороны, обходя стороной маленькую группу из двух стоящих и одного полулежащего.

А затем все закончилось. Так же быстро и неожиданно, как началось. Здоровяк в грубом плаще и тонкая девушка в красно-черном комбинезоне словно общались телепатически, без единого слова. Они одновременно пришли к мысли, что Постников им не опасен и не интересен. Все так же без единого слова и лишнего движения пара развернулась, зашагала по улице. Невидимый защитный колпак продолжал сопровождать каждый их шаг, отталкивая прохожих. Но вот на Постникова магия перестала распространяться, теперь его ежесекундно толкали, как щепку в водовороте, ругаясь и обзывая словами, которые испуганный чужак все равно не понимал.

Его буквально силой вынудили подняться и приперли к стеклянной будке. Конечно же - светящейся разводами и быстрыми картинками. Судорожно вздохнув, Алексей еще раз прокрутил в памяти только что закончившуюся встречу. И отчетливо понял, что, хотя ничего в общем то и не произошло - смерть только что скользнула мимо, бросив косой взгляд на прощание.

Алексей шепотом выругался, давая выход страху и напряжению. Затем наконец-то достал проклятый конверт.

Глава 7

В конверте были деньги. Очень похожие на старые советские рубли, но банкноты были немного уже и длиннее, на бумаге темного кирпичного оттенка. Постников потер переливающегося на свету Ленина и подумал, что это скорее всего даже не бумага, а разновидность пластика с тонкими голографическими пленками, впечатанными прямо в тело купюры. Если посмотреть под определенным углом, то вождь мирового пролетариата будто приподнимался на несколько миллиметров над банкнотой и менял цвет. На боковинах купюр блестели металлизированные полоски, неприятно цеплявшиеся за кожу. Присмотревшись Алексей понял, что это не полоски, а скорее 'елочка' с очень мелкими зубцами. Деньги были достаточно солидными, внушительными, но при этом отчасти походили на обрывки кассовой ленты - форматом и зубчатыми обрезами.

В конверте оказались трехрублевка и шесть бумажек с крупно пропечатанной цифрой '1'. Итого девять рублей. Много это или мало? Постников постарался припомнить, сколько ему обещали в 'Правителе'. Шестьдесят рублей, кажется... А уборщица, по словам перца в коричневом обвесе, имела почти сотню. Хотя нет, восемьдесят или около того. Алексей не общался с уборщицами и не знал, сколько они получают ... вернее получали в его родном мире. Поэтому для простоты предположил, что тысяч десять. Итак, если принять местные восемьдесят рублей за эквивалент десяти тысяч, то получается, что в конверте примерно ...

Здесь он запутался. Привычка всегда иметь при себе что-нибудь электронное, с обязательным калькулятором, напрочь выветрила школьные познания в арифметике, а вместе с ними навык счета в уме. Шепча себе под нос, сбиваясь со счета и загибая пальцы железной руки, Алексей кое-как прикинул, что один местный рубль равен примерно ста двадцати в прежних деньгах. Соответственно вместе с пинком под зад его сопроводили где-то косарем или чуть больше.

Тысяча рублей - это много или мало? Что на них можно купить и главное - где? Поскольку ничего похожего на привычные магазины поблизости не наблюдалось. Все те же будкогробы, повинующиеся жестам.

На всякий случай Постников потряс конверт и был вознагражден за предусмотрительность - внутри оказались не только деньги. Сложенный вчетверо листок полупрозрачной

желтоватой бумаги должно быть электризовался и пристал изнутри к плотному конверту. Алексей аккуратно рассовал деньги по карманам куртки, по одной банкноте на карман, чтобы - не дай бог случись что - не потерять все сразу. И только после этого вытряс на свет новую находку. Сам себе в этот момент беглец казался участником ролевой компьютерной игры, разбирающим скудный лут непонятного предназначения - вроде и полезно, но насколько - неясно.

На бумажке размером с блокнотный лист оказались буквы, причем шрифт тот же, что и на документах, которые ему предлагалось подписать в медицинской палате. Вернее, ткнуть пальцем вместо подписи... И еще, помимо короткого текста, очень маленькая голографическая наклейка в самом углу листка. Голограмма работала по тому же принципу, что и Ленин на рублях - изображение словно чуть воспаряло над бумагой, играя искорками отраженного света. Постников пригляделся к наклейке и объемному рисунку. Все тот же значок короны... Текст на папиросной бумаге буквально в двух коротких строчках извещал, что это справка, и выдал ее 'Главный комитет химико-металлургических производств (ГК ХМП)'; что некий Постников А.С. есть 'лич.рекв.' и к тому же 'НеГр.'. На момент выдачи справки означенный А.С. Постников снят со всех видов довольствия, исключен из всех реестров, в свою очередь Комитет не имеет к нему финансовых претензий 'а равно незакрытых взысканий'.

Все это сопровождалось цифробуквенными кодиками, впечатанными между строчек, причем символы оконтуривались тонкими металлическими нитями. Алексей еще раз внимательно рассмотрел этот мутный 'аусвайс' и недоуменно пожал плечами. Невзрачный вид бумажки не вязался с филигранной точностью 'металлизированных' символов, среди которых, кстати, не было ни одного латинского, только кириллица. Возможно - и даже наверняка - писулька была только приложением к шифрам. Но что они означали? И почему Постников 'НеГр.'? Почему эмблема 'Правителя', но организация называется совершенно по-другому...

Сплошные вопросы без ответов.

Впрочем, как бы то ни было, теперь у него есть хоть какое-то удостоверение личности. Прежний опыт указывал, что с паспортиной всегда лучше, чем без нее. И вряд ли в этом мире дела обстоят как-то по-другому. На душе чуть потеплело - пусть жизнь в этом паноптикуме сразу как-то не заладилась, по крайней мере теперь у него есть немного денег и справка. Постников положил листок в конверт и спрятал в самый глубокий карман с застежкой.

Теперь он преисполнился решимости решить продовольственный вопрос. Жажда уже иссушила губы, язык распух и царапал десны. Алексей вспомнил, что здесь в порядке вещей кидать мусор прямо на землю, а значит можно было бы поискать бутылку с остатками воды... Вспомнил и усилием воли подавил мысль. Слишком отчетливо от нее веяло полным опущением, потерей остатков самоуважения. Пусть он пока и не на вершине жизни, но и не опустившийся бомж.

Всего-лишь загадочный 'НеГр.'. Но наверняка с большими перспективами. Если подумать, здесь много высотных построек, а значит должны быть те, кто на них работает. Ну а в своих навыках промальпиниста Алексей не сомневался. Хотя, конечно, высоты здесь несколько иные... Но вот как раз высоты Постников сроду не боялся.

Алексей нервно усмехнулся и посмотрел вокруг, щурясь на яркий свет. Еды поблизости так и не обнаружилось, зато беглец увидел нечто, похожее на большой грузопассажирский лифт, встроенный в опору автомобильной эстакады. Два прозрачных цилиндра, похожих на огромные таблетки, курсировали вверх-вниз в противофазе. Плату за вход, похоже, не взымали. Постников решительно двинулся к 'таблеткам', стараясь не быть сметенным все прибывающей толпой.

Денег за проезд действительно не брали. И что еще удивило беглеца - несмотря на вавилонское столпотворение снаружи, лифты казались относительно свободными. Конечно, свободны по сравнению с внешним миром, но все же ... Алексей протолкался к прозрачной стенке, прижался к стеклу - если это было стекло - и украдкой присмотрелся к попутчикам. Пожалуй, он впервые смог посмотреть на местных в относительно спокойной обстановке - никто никуда не бежал, все спокойно ждали конца короткого путешествия наверх.

Люди как люди... Большинство в уже привычных Постникову прозрачных накидках всевозможных видов и неизменных масках-респираторах. Почти все в очках, причем стекла затемнены, а оправы достаточно мощные, на вид из внушительной темной пластмассы. Ближайший к Постникову человек - мужчина среднего роста - повернул голову, и Алексей заметил в его ухе что-то наподобие микрофона от плейера, но без провода. Постников присмотрелся к ушам попутчиков - да, такие штуковины были почти у всех. Видимо поэтому они так спокойно относятся к постоянному давящему шуму. Аудиофильтры? Или местное радио? Еще что-то или все сразу?.. Надо обязательно завести себе такие же, вместе с маской. Сейчас, когда внешний шум хоть чуть-чуть глушился стенками лифта, Постников на

контрасте в полной мере ощутил, как сильно и неумолимо давит грохот мегаполиса, сотканный из сотен тысяч звуков. Похоже, здесь вообще не знают, что такое санитарные нормы шума...

Какого-то общего стиля или 'дресс-кода' Алексей не заметил. Одежда на паре десятков 'солифтников' была самая разная, от вполне традиционных костюмов до какого-то рванья. Учитывая, что на владельцев этого самого тряпья не реагировали никак, а вот сам беглец уже поймал на себе пару неодобрительных взглядов, то были не обноски, а что-то модельное и стильное. И еще удивляло пристрастие местных к сверкающим побрякушкам. Как будто людям не хватало света и бликов - почти каждый таскал на себе что-то металлическое, яркое, зачастую с подсветкой. Даже у мужчин в костюмах были какие-то затейливые значки-бляхи, у одного на лацкане, у другого прямо на темном галстуке. Постников так и не понял, действительно ли это украшения или какие-то затейливые эмблемы и опознавательные знаки. Здоровый глаз устал, болел и слезился, а подключать искусственную гляделку беглец опасался, помня о предыдущих опытах перегрузки протеза информацией.

И кольца. Все, кого удалось разглядеть Постникову, носили необычно широкие кольца, даже старичок совершенно ветхозаветного вида с длинной клочковатой бородой. Словно в такт мыслям Алексея, дедок поднял руку, чтобы пригладить непослушные клочки седых волос на макушке. Тогда Постников заметил, что от гладкого блестящего кольца на старческом пальце отходит тонкий проводок, который скользит по внутренней стороне ладони и скрывается в рукаве.

Любопытно... Может быть это не только и не столько украшение, сколько атрибут... чего-нибудь. Сенсоры, скажем. Здесь машут рукой над автоматами еды и питья, возможно это как-то связано с такими вот штуками?.. Додумать мысль Алексей не успел - лифт остановился, очень мягко, без рывков. Изогнутая панель с тихим шипением ушла в сторону, открывая вход, и пассажиры двинулись наружу.

Здесь, над землей, все оказалось примерно так же, как внизу, по крайней мере на первый взгляд. Только обитаемого, кипящего движением пространства меньше, сказывалось отсутствие широченных мостовых и площадей. Зато можно было посмотреть на некоторые транспортные магистрали уже не снизу-вверх, а сверху вниз. Впрочем, Алексей сразу отвел взгляд - его замутило при виде автомобильных потоков, похожих на механические реки, как на палубе корабля в шторм.

Здесь, наверху, обзор был немного лучше, хотя его по-прежнему перекрывали уровни, расположенные еще выше. И

можно было чуть детальнее рассмотреть 'элитные' небоскребы в виде шпилей и крестов, которые Алексей видел ранее, Надо думать, там тоже использовали стекла регулируемой прозрачности, потому что лишь отдельные желтые полоски пересекали черные остовы далеких зданий. Хотя нет... если присмотреться, то в отраженном сиянии мегаполиса можно было разглядеть дополнительную подсветку - нитями зеленого и бледно-голубого цветов на темном фоне. Как будто неизвестные архитекторы и оформители старались обрисовать видимый каркас небоскребов. Для чего?

Пока Алексей думал над эти, город сам ответил на невысказанный вопрос. Откуда-то справа и позади с басовитым гудением скользнула воздушная машина, набиравшая высоту. У беглеца отвисла челюсть, настолько несообразным показалось странное летало. Агрегат совмещал признаки вертолета и самолета - от первого был позаимствован горизонтальный винт, а от второго - вытянутый остроносый силуэт с крыльями. Но крылья казались подвижными, больше всего походили на лапки-весла жука-плавунца. А несущий винт был не поднят над корпусом, а буквально вписан в него. Сверкающие лопасти импеллера вращались, заключенные в широкое кольцо-раму.

Пока Постников смотрел, разинув рот, на чудо-машину, самолетовертолет изменил положение коротких крыльев, мигнул габаритными огнями и ушел в небо, затерявшись среди лучей света.

- Чудны дела твои, господи, - пробормотал Алексей. И наконец-то заметил нечто похожее на место с едой.

Трамвай бежал мимо Постникова, по левую руку. Точнее машина, похожая одновременно и на трамвай, и на монорельс. Собственно, рельсов здесь не было вообще, ни одного, ни двух, по крайней мере видимых. Не было и трубы из прозрачного материала, в который заключался схожий транспорт внизу, 'на земле'. Угловатые, но со сглаженными углами вагончики буквально скользили по широким желобам, чуть шипя при движении. На этот 'трамвай' хотелось смотреть и смотреть - глаз отдыхал, потому что на темной, почти черной поверхности был минимум светящихся знаков. Впереди располагалась остановка, открытая с трех сторон, уже заполненная людьми до отказа. А еще чуть дальше, справа, переход от автотрассы пересекался с эстакадой, там была оборудована маленькая стоянка и скромно мерцала вывеска 'Провиант'. В том направлении и устремился пришелец.

Заведение казалось ... слово 'странный' приходило на ум

Алексею уже много раз и стало привычным. Им же можно было определить этот самый 'Провиант'. От самого названия веяло чем-то складским, казенным. Думалось, что здесь старенькие приказчики отвешивают безменами мешочки с мукой и крупами. Но приказчиков не было, зато имелись скромные витрины, без особой подсветки, но и не прозрачные. Ровно настолько, чтобы глаз мог различить неясные силуэты по ту сторону стекла - темное на матово-сером фоне. Жизнь вроде бы есть, но что происходит, непонятно. Видимого входа Алексей не обнаружил, но у одной из панелей, рядом с урной, замер мужик, очень похожий на швейцара и неприятно напоминающий тюремщиков 'Правителя'. Не слишком высокий, плотный, с цепким взглядом под фуражкой малинового цвета с золотой окантовкой. Одно ухо у него было словно заключено в маленькую клетку из серебристо поблескивающих нитей - то ли специфическое украшение, то ли неизвестный Постникову девайс. Мужик хмуро и с явным неодобрением уставился на Алексея. Постников сразу вспомнил, что одет в комбез не первой свежести, к тому же криво разрезанный на две части. И, должно быть, как потенциальный клиент вообще выглядит не лучшим образом. У пришельца сразу заныл копчик, помнивший пинок охранника.

Постников вдохнул побольше воздуха и приготовился пойти напролом, надеясь, что само по себе наличие денег открывает многие двери. Мужик скорее всего прочитал намерения оборванца по лицу и скорчил еще более угрюмую гримасу. Алексей оробел, но в этот момент дверь открылась сама. Точнее сдвинулась в сторону матовая панель, неотличимая от других и к тому же не та, которую по мнению Постникова сторожил 'швейцар' в малиновой кепке и ливрее. И на улицу шагнули два чудища. Собственно, это были не совсем чудища, просто они казались настолько безумными, что Алексей машинально отступил назад.

Это были мужчина и женщина, снова, как при встрече внизу, с рыжей и верзилой. Мужчина - обычный человек в какой-то накидке, развевающейся причудливыми разрезами. Хипстер хипстером, в общем, если не считать, что пол-лица у него занимала большая красноватая линза. Создавалось впечатление, что монокль в тонкой золотой оправе с гравировкой увеличили раз в пять и просто вдавили в лицо. Именно вдавили, потому что приклеить или как-то иначе прикрепить жуткую линзу без перекройки черепа было невозможно. От 'монокля' разбегались короткие лапки-крепления, уходившие прямо в кожу. Места соединений выглядели вполне здоровыми, никакой крови или воспаления. Второй глаз, едва заметный из-под художественно

взлохмаченных вихров, наоборот, казался больным - покрасневший, с отечными веками и помутневшей роговицей.

В общем мужчина выглядел жутковато. А женщина - просто дико. Первое впечатление, которое она произвела на Постникова - вот если бы ту миниатюрную рыжую девчонку с тубусом вытянуть до роста в метр-девяносто или даже больше, при том же весе, то, пожалуй, получилось бы что-то подобное. Существо-андрогин выше самого Алексея, худое какой-то совершенно неописуемой худобой и с конечностями как у паука - неестественно длинными и тонкими относительно даже ненормально тощего корпуса. Шея торчала вверх и вперед, под большим углом, как у знаменитого (и на взгляд Алексея весьма уродливого) бюста Нефертити. Понять, что это условно женщина можно было только по длинным песочным волосам до пояса и сапогам на высоких каблуках... то есть по одному сапогу. Вторая нога отсутствовала ниже колена вообще, вместо нее продолжался протез. Или не протез... В общем что-то бутылкообразное, как у пиратов. Да, тут Алексей окончательно вспомнил, где видел такие штуки - на иллюстрациях к 'Острову сокровищ', что описывали Джона Сильвера и его деревянную ногу. Никакой стопы, только шариковый набалдашник.

Парочка проследовала мимо обалдевшего Постникова, вообще игнорируя его, да и все остальное тоже. Тип с моноклем надменно запрокинул голову назад, словно намеревался созерцать исключительно небо. То есть видимые клочки между конструкциями более высоких ярусов. 'Женщина' - тоже, что при ее шее выглядело как перелом позвонков. Причем прохожие восприняли все происходящее вполне естественно. Алексей проследил взглядом за двумя новыми достопримечательностями мегаполиса, которые проследовали к стоянке. Один из очень маленьких и одновременно высоких автомобильчиков, похожий на граненое яйцо, буквально трансформировался, как игрушка. Он опустился горизонтально, выдвинул из-под корпуса колеса на подвижных держателях. Пара села в машину и неспешно отъехала.

'Выдыхай, бобер' - подумал Постников и в самом деле глубоко вздохнул. Затем решительно зашагал к 'Провианту', рассчитывая, что если здесь спокойно ходит такое, то уж обычный человек, пусть и оборванец, подавно может рассчитывать на миску еды. Или хотя бы брикет какого-нибудь местного сухпая.

Урна, рядом с которой стоял швейцар, негромко щелкнула, и Постников сообразил, что ни разу не урна, а механизм в виде цилиндра со сложенными паучьими лапками, скрытыми в пазах на корпусе. Похожий на 'автоматика' в гараже, но меньше и без

угрожающего обвеса. На цилиндре зажегся красный огонек, и Алексей понял, что лучше не ждать какого-нибудь нового красного луча. Очевидно, здесь еды не дадут...

- Уважаемый... - негромко проговорил беглец, надеясь, что с расстояния в пару метров швейцар его услышит. Слова казались пожухлыми и вялыми, как перегнившие листья. - Мне бы поужинать. Может подскажете, где тут ... общепит? У меня есть деньги.

Впервые за все время наблюдений дядька в малиновом стал чуть-чуть похож на обычного человека. Красный глазок на 'урне' погас, а ливрейный шевельнул губами, словно собирался ответить, без прежней брезгливой гримасы. Но почти сразу принял еще более суровый вид и вытянулся 'во фрунт'.

На плечо Постникову легла широкая, твердая, словно дерево, ладонь. И негромкий властный голос произнес:

- Порядки нарушаем, гражданин? Предъявите документы.

Глава 8

В первую секунду Постников недовольно подумал, что это, должно быть, его судьба в новом мире - встречать разнообразные людские пары. На этот раз не 'М + Ж', а двух мужчин. В следующий момент Алексей понял, что встретил не он, а его, и проникся сутью происходящего. Несмотря на промозглую сырость, Постникова бросило в жар.

То была полиция, хотя... если здесь все еще был СССР, то, наверное, правильнее говорить 'милиция'. В пользу этого говорили маленькие золотые буквы 'м' на фуражках и бронежилетах. По форме буквы походили на указатели метро в мире Алексея. Синие, вполне традиционной окраски кители чуть бликовали и лоснились специфической гладкостью, показывая, что пошиты отнюдь не из обычной материи. Бронежилеты больше походили на доспех-бахтерец с реконструкторских сборищ - комбинация небольших прямоугольных пластин и чего-то, больше всего похожего на кольчужное полотно из многоугольных и мелкозубчатых звеньев. Разгрузки как таковой не было, все карманы и держатели были словно вшиты в эту шестеренчатую кольчугу. Беглый взгляд Постникова опознал в снаряжении большой фонарик на пружинной подвеске, сложенный респиратор в полупрозрачном кармане и рацию (или что-то, больше всего похожее на рацию, вполне возможно, то было нечто совершенно иное). На очень широких поясах, частично прикрывавших живот, висело по две кобуры, опять же полупрозрачных. Одна с тяжелым пистолетом вроде Стечкина. В другой торчала странная хрень, похожая одновременно и на водяной пистолет, и на укороченную дрель. Хрень мигала несколькими бледно-синими лампочками и выглядела совсем не мирно.

Ноги 'полицонеров' прикрывались по всей длине, от паха до стопы, сочлененными пластинами, напоминавшими детали рыцарских доспехов, только более легкими и технологичными на вид. Матовая пластмассовая поверхность защиты была то ли шероховатой, то ли перфорированной множеством мелких отверстий. На руках вполне обычные перчатки типа страйкбольных, только армирующие накладки чуть больше обычного. У одного из стражей порядка на голове синела фуражка-кепи, а глаза скрывались под широкими черными очками в виде сплошной фигурной полосы. Лицо второго было открыто, а фуражка сдвинута на затылок. С точки зрения

Постникова смотрелось это слишком фривольно и 'не по-форменному', но должно быть так здесь было принято. Оба стража порядка казались очень молодыми, едва-едва за двадцать. Но кто его знает, сколько им было на самом деле...

'Ливрейный' отвернулся, разом утратив интерес к происходящему в целом и к Постникову в частности. Несколько мгновений Алексей и 'полиционеры' внимательно смотрели друг на друга. Точнее глядели беглец и тот страж, у которого лицо было открыто. Его коллега пялился в неопределенном направлении пустыми провалами очков. Милиция вроде чего-то ждала от Алексея, но тот никак не мог сообразить, чего именно. Постников никогда не сталкивался с проверкой документов и не имел проблем с правоохранителями, кроме того устал и изнывал от жажды, поэтому попросту 'завис', стараясь понять, что делать дальше. В тот момент, когда он решил просто поздороваться, очевидно истек некий лимит времени, отпущенный милицией на реакцию.

Очкастый вытянул руку и коснулся плеча Постникова, вроде и не очень быстро, но Алексей все равно не успел ничего сделать. Что-то затрещало, пронзительно и противно, полыхнула синяя искра. Судорога скрутила беглеца винтом, в мышцы и кости впились миллионы острых иголок и начали методично рвать на части каждую клеточку. Постников свалился на тротуар, содрогаясь в неконтролируемых, мучительных спазмах. Его деловито отпинали чуть подальше от входа в 'Провиант', видимо, чтобы не мешал прохожим. Те вообще не обращали внимания на происходящее, видимо это было в порядке вещей.

- Кто ж тебе ягу такую ставил... - пробилось сквозь шум в ушах. Постников почувствовал, как ему быстро и умело обшаривают карманы.

- Каменный век, кубический дефект...

Шок понемногу отступал, но по мышцам разливалась ледяная тяжесть, сильно болел желудок. Повязка с глазного протеза слетела, и в голове у Постникова снова начались шизофренические видения, совмещенные из натурального и цифрового изображений. Кое-как он сфокусировался и понял, что 'полиционеры' рассматривают аусвайс, то есть справку 'Главного комитета химико-металлургических производств (ГК ХМП)'. Точнее один рассматривал, а другой, тот, что ударил Постникова током, делал странные пассы левой рукой, будто печатал на невидимой клавиатуре.

- Все верно, - негромко произнес очкастый, обратив на Алексея гладкое стекло, но обращаясь явно не к упавшему. Только теперь, глядя снизу-вверх, Постников увидел, что у очков

нет дужек. Как и у рыжей девчонки, линза держалась сама собой, будто приклеенная к лицу.

- Чего тебя в центр то понесло, негра дикая? - со вздохом вопросил его напарник, видимо старший по званию, неспешно складывая справку вчетверо. Спрашивал он беззлобно, скорее устало и с легкой иронией. - С городскими ментами не встречался, что ли? А если бы не на Эм-Вэ нарвался? В кутузке никогда не бывал?

'С городскими' ... в голове у Постникова шумело, но мысли худо-бедно выстраивались. Значит это - какие-то не городские милиционеры. И похоже в этом ему повезло... Хотя, как и в чем повезло - непонятно. Все тело болело, пальцы все еще подергивались мелким тремором. Кто такие 'Эм-Вэ'?..

- Твое счастье, что конец месяца, - вздохнул милиционер. - План по штрафам надо закрывать. Отмерь нал и уноси копыта.

- Н-нал... - выдохнул Постников, пытаясь залезть в карман непослушными пальцами.

- Дегра мелкая, - снова вздохнул страж порядка, беззлобно пиная лежащего, скорее просто подталкивая для порядка. Очкастый шевельнул пальцами, будто разминая суставы перчатки, той самой, 'электрической'. Это придало Алексею энтузиазма.

А дальше произошло нечто поразительное. Постников был готов, что сейчас придется расстаться со всей наличностью и старательно выскреб из карманов все, чтобы не усугублять. Но товарищи милиционеры забрали ровно пять рублей, небрежно кинув оштрафованному остальное обратно. Старший взял фонарик, похожий на дубинку, и Постников обреченно прикрыл глаз, ожидая финального вразумления. Громко щелкнуло, яркая вспышка ударила по глазу даже сквозь плотно сомкнутые веки. Что-то ужалило в шею сбоку, чуть ниже челюсти. На этом все закончилось.

Алексей несмело приоткрыл глаз. Шея болела.

- Свободен, чучело, - напутствовал милиционер, возвращая дубинку в держатель. - В следующий раз загоню в клетку, отправишься к докам.

Стражи порядка мгновенно потеряли интерес к беглецу и повернулись, готовые отправиться восвояси.

- Господа поли... товарищи милиционеры! - неожиданно для самого себя воззвал Постников, потирая зудящую шею.

- Чего тебе? - удивленно вопросил старший.

- А куда мне лучше отправиться? - спросил чуть приободрившийся Алексей. - Я здесь совсем новый...

- С югов, что ли? - понимающе кивнул милиционер. - За

лучшей долей махнул?

- Ну ... да... - неопределенно согласился Постников, переходя из полулежащего состояния в полусидящее.

Охранители переглянулись и как по команде хмыкнули.

- Двигай за нами, - сказал очкастый низким басом.

- Счастливый у тебя сегодня день, - хохотнул старший. - На дядьстеп наткнулся. А мог бы и на городских.

Алексей еще раз сделал пометку насчет того, что скорее всего милиция здесь двух видов (самое меньшее) и неким 'городским' лучше не попадаться. Ему хотелось продолжить расспросы, но мышцы все еще тянуло статочной болью, и беглец счел за лучшее не искушать судьбу.

Сколько Постников плелся за милицией, он не смог бы определить при всем желании. То же самое относилось к проделанному пути. Переходы, тротуары, подъемы, эскалаторы... Пара в синей форме ориентировалась вполне свободно и целеустремленно шагала по некоему своему маршруту, ничуть не беспокоясь, успевает ли за ними оштрафованный оборванец. Поэтому оборванцу приходилось поспешать.

- Теперь в ту вагонку и до конечной, - напутствовал его милиционер, указывая направление. - Она бесплатная еще три дня. Там и крутись, чего-нибудь да найдешь.

- Не суйся в центр, - вполне доброжелательно прогудел басистый очкарик. - Пока дакумент не выправишь с доходом. А то под принудительную вербовку попадешь, худо будет.

Он именно так и сказал - 'дакумент' с четко выраженным 'а' и ударением на 'у', оставив Постникова недоумевать, что это было - особенность говора или жаргонизм, определяющий вполне определенную разновидность документа.

- Спасибо, - тихо сказал Алексей в сторону удалявшимся 'синим', думая, стоили ли полученные уроки пяти рублей. Но милиционеры явно уже забыли про него и не обратили на благодарность ни малейшего внимания.

'Вагонкой' оказался монорельс, похожий на уже виденные Постниковым трамваи в направляющих желобах. Только здесь короткие составы оказались подвешены под широким рельсом, похожим на здоровенный швеллер и вообще казались довольно разбитыми и древними. Как будто вагоны метро достали из-под земли и перевернули колесами вверх. Судя по всему, Алексей оказался то ли на конечной, то ли на стартовой станции, ведущей ... куда-то. Постников счел за лучшее последовать совету местной полиции и проехать 'вагонкой' в это самое 'куда-нибудь'. Тем более, что перспективы утолить голод и жажду в 'центре'

становились все более эфемерными.

В воздухе повисла туманная морось, крупные капли поминутно срывались за шиворот. Окружающий свет, вынужденный пробиваться через влажный туман, не столько поблек, сколько чуть 'замылился'. Краски смешались, как на палитре безумного художника, утратили резкую остроту.

- Город тьмы и дождя, - пробормотал себе под нос Алексей, скрещивая руки на груди, стараясь сохранить хоть частичку тепла.

Переход в вагончик оказался похожим на посадку в фуникулер на Домбае - Алексей как-то побывал там с друзьями, прокатившись на лыжах с одной из высочайших вершин Северного Кавказа. Ветер завывал меж ферм, перекрывая даже шум города и машин, железо натужно скрипело, 'вагонка' ощутимо раскачивалась. Людей в этом транспорте оказалось на удивление мало, зато все они походили на самого Постникова. Этакие 'деклассированные элементы', плохо одетые, с одинаковыми помятыми серыми лицами и опущенными глазами. Впрочем, у ближайшего соседа Постникова глаз не было. Вместо них в глазницах шевелились странные уродливые штуковины, похожие на фасетчатые 'стебельки', как у краба. В сочетании с рваной шерстяной шапочкой и недельной щетиной это смотрелось особенно неприятно.

Вагончик довольно быстро катил вперед, трясясь и громыхая на стыках рельсов. Остановки шли довольно часто, но люди главным образом выходили, входило совсем мало. Самая грязная и оборванная публика оставалась напоследок. Постников прислонился к стене и посмотрел на собственное отражение в мутном стекле, под тусклым светом единственного красного плафона. Впервые за много дней он глянул на себя со стороны. Из стеклянной глубины на Алексея затравленно косился измученный человек с болезненно заостренными чертами и коротким ежиком стриженых волос. Вместо правого глаза у него чернела скрытая в орбите сфера с мигающим синим огоньком. Под челюстью светилась флюоресцирующая метка - короткий цифробуквенный ряд и ниже ярко-красное 'ОПЛ.'. Похоже, так выглядела местная квитанция об оплате штрафа.

Трамвай трясся в каком-то мирном, успокаивающем ритме, и Алексей почувствовал, что он невероятно, немыслимо устал. Слишком много впечатлений событий, людей и приключений. Слишком много...

Спать.

Спать...

* * *

Алексей проснулся от холода. Пробуждение происходило медленно и мучительно, как у сложной и промерзшей насквозь машины - отдельные системы включались вразнобой, хаотично и тяжко. Связки застыли, каждое движение причиняло мучительную боль. Казалось, что мускулы сейчас потрескаются и осыплются звонкими ледышками. Постников застонал, сжимая и разжимая пальцы, чувствуя за спиной что-то гладкое и ледяное.

'Где я? Что со мной?'

Воспоминания возвращались так же медленно и тяжело, как разбегалась по жилам кровь. Кажется ... да, кажется он заснул на конечной остановке. Тело и мозг, работавшие на адреналине и эмоциональном подъеме, выбрали дочиста резерв бодрствования и отказались служить дальше. Алексей помнил, что вроде на что-то наткнулся... или на кого-то. Один или два раза упал, заснув на ходу. Где-то покрутился, куда-то попробовал пройти. А затем - тьма и небытие.

Кожу на лице стянуло и словно выстудило жидким азотом. Щеки и шея зудели от пробивающейся щетины. Постников размял кисть левой руки, поднес к глазам протез правой. То ли ему показалось, то ли металлические пальцы и в самом деле слушались заметно хуже, чем накануне. Приводы едва слышно поскрипывали и двигались замедленно, рывками. Наверное, протезу нужен был какой-нибудь специальный уход... Знать бы еще какой. А вот искусственный глаз работал почти нормально, не считая черно-белого изображения, к которому хозяин окуляра уже немного приспособился. Голова болела, как и вчера, но на фоне общих мучений сверлящий гвоздь в черепе не воспринимался как что-то особенное.

- Холодно, - прошипел сквозь зубы Алексей, плотно обхватывая торс руками и пытаясь подняться. Он обнаружил себя сидящим меж двух контейнеров, подозрительно напоминающих мусорные баки формой и главное, запахом. Вероятно, ночь беглец провел, привалившись к стене ... дома, надо полагать? С третьего раза Постников наконец встал и запрыгал с ноги на ногу. Крупная дрожь сотрясала все тело - мышцы пытались согреться естественным физиологичным образом.

Если накануне он разгуливал в 'центре', то теперь, судя по всему, оказался на 'окраинах'. По крайней мере окружающий пейзаж соотносился с предыдущим, как трущобы с фешенебельным центром. Больше всего это походило на старые советские карикатуры про ужасы капиталистической жизни, а также на бразильские фавелы и фотографии Пекина, которые

Алексей не так давно видел у кого-то в 'живом журнале'. Здания смотрелись довольно обыденно, только были гораздо выше обычного. На беглый взгляд промальпиниста все они начинались от двадцати этажей и далее. Почти не было связующих конструкций - мостиков, переходов, эстакад, кинутых от здания к зданию. В общем все достаточно традиционно и привычно, похоже на не очень благополучный спальный район какого-нибудь мегаполиса. Район на отшибе от центра, но и не на самых окраинах.

Постников обшарил карманы, с некоторым облегчением обнаружил, что документ и остатки 'подъемных' на месте. Еще он осознал, что обезвоживание достигло критического значения. Во рту пересохло, распухший язык царапал небо. В голове гудело и, похоже, начинался жар. Воспаленный разум сразу выстроил последовательность 'температура - беспомощность - ...'. С третьим, завершающим звеном вышла неувязка. Алексей никогда не оказывался в ситуации, когда ему приходилось бы рассчитывать только и единственно на себя. Всегда находились друзья, близкие и дальние знакомые, у которых найдется комната или хотя бы угол для сна. На худой конец можно было попросить подкинуть немного денег до зарплаты. Теперь же он был абсолютно один в чужом и безразличном мире. И Постников пока не заметил здесь ничего похожего на благотворительность или просто милосердие к павшим на дно общества.

Надо было что-то делать, и делать быстро. Пока он не свалился в очередной подворотне с температурой и лихорадкой. Но что именно делать? Алексей решительно растер уши и лицо, еще немного попрыгал. Поискал воду, наплевав на гордость, но как на зло, в местной помойке не было бутылок с остатками питья. Только какой-то непонятный мусор и пустые обертки. А хлебать из ближайшей лужи показалось совсем уж недостойным. И опасным, потому что один бог знает, какая там флора с фауной...

'Ничего, все будет хорошо' - утешил себя несчастный и замерзший беглец, отправляясь в большой мир трущоб Города.

Создавалось впечатление, что такое понятие, как 'план' в местной застройке отсутствовало напрочь, равно как указатели, номера домов и названия улиц. Сами здания походили на составленные в беспорядке коробки из-под обуви. Серое неприветливое небо заглядывало в ущелья улиц рваными зигзагами и пряталось, словно от ужаса перед увиденным. Много луж и мало людей. Точнее, прохожих было вполне достаточно, во всяком случае по московским меркам - обычное утро, когда все спешат на работу. Однако на фоне вчерашнего вавилонского

столпотворения Алексею поначалу казалось, что он бредет по пустыне. Люди как люди... Гораздо меньше блестящей ерунды и прочего шика, одежда практичная и немаркая, как будто все одевались на каких-нибудь черкизонах и прочих вещевых рынках. Почти нет респираторов. Все попутчики одинаково мрачные и неприветливые. Нормальное такое рабочее утро.

А вот чего и в самом деле было непривычно мало, так это автомобилей. То ли здесь на машинах не ездили, то ли автотрассы прятались где-нибудь под землей. Так или иначе, Постников заметил не более десятка машин, на вид ощутимо старых, в потеках ржавчины с облупившейся краской.

'Работа... мне нужна работа... но где ее взять?'

Алексей уже отчасти адаптировался к окружению. Здесь все было понятнее, чем в 'центре', а сам он слился с толпой, не вызывая ни удивления, ни вообще каких-либо эмоций. Еще один плохо и бедно одетый человек, спешащий по делам.

Итак, ему нужна работа... Причем не всякая, а та, где не требуется какого-нибудь особого аусвайса и где платят наличностью, желательно сразу. То есть не желательно, а обязательно, потому что еще один такой день без отдыха и пропитания... Да и одежды надо какой-нибудь. Постников оценивающе глянул на дома, скользнул взглядом по серым стенам, почти скрывающимся под нагромождением балкончиков, коробок вентиляторов, внешних коммуникаций, антенн и сушилок.

Дома... много домов. Много высоких домов.

'Тварь ли я дрожащая или промышленный альпинист со стажем?' - подумал он, приободрившись.

Теперь нужно было найти собратьев по классу. Надо же, как просто решаются проблемы! Что там говорил коричневый чинуша? Нет сертификата или госта? Никто на службу не возьмет? Постников хмыкнул. Верхолаз верхолаза с полувзгляда узнает и поймет, кто чего стоит, без всяких бумажек. Конечно, на зарплате безбожно обдерут, гастарбайтерам без паспорта недоплатить сам бог велел. Но главное - начать. А там уже посмотрим, как пойдет.

По ушам ударил громкий завывающий вскрик.

- Если насилие так и не стало твоим финальным прибежищем - ты недостаточно активно к нему прибегал!

Алексей аж присел от неожиданности и обнаружил по правую руку от себя рослого парня в тех же наушниках-колонках, что и давешний панк-рокер. С парнем, похоже, опасались связываться, люди предпочитали тесниться, но огибали его по дуге. Слушатель повернул голову, и Постников вздрогнул снова. Вместо лица у

парня был красно-оранжевый череп. Точнее очень качественный рисунок или татуировка, воспроизводящая основные контуры лицевых костей с глубокими глазными впадинами и тщательно прорисованными черными зубами на щеках.

- Так говорит Говард Джебедайя Тайлер! - надрывались динамики. - Покупайте его 'Сто сорок принципов эффективного агента', меняйте жизнь, берите свое. Каждую неделю новый совет, новый принцип!!!

Алексей замедлил шаги, давая незваному попутчику возможность выйти вперед. Надо признать, особенно стараться для этого не пришлось. Ступать становилось все тяжелее. Постников сделал небольшой крюк, толкаясь локтями, выслушивая в свой адрес сдавленные ругательства и, наконец, прислонился к ближайшей стене. Серый бетон был покрыт толстым слоем реклам и листовок, наслаивавшихся друг на друга, как геологические пласты городской эры. На почетном месте блестел голографическим глянцем плакат, призывавший смотреть экранизацию фантастической классики - художественный фильм 'Парень из преисподней'. Картинка изображала две большие буквы 'Ф' и 'Б', а под ними, на фоне дымных ракетных следов, красный танк с двуствольной башней, пылающий красивым оранжевым пламенем. На борту танка светился желтый значок радиоактивной опасности.

Постников запрокинул голову и зажмурился. Прежняя решимость убывала с каждой минутой. Беглец смертельно устал, хотел есть и пить, и не видел ничего, похожего на возможность заработать. И именно в тот момент, когда он пришел к этому печальному выводу, мимо целеустремленно протопали два классических работяги в синих робах, оранжевых касках, такого же цвета жилетах и характерных страховочных системах. Мужики торопливо затягивались незажженными сигаретами (или тем, что было так похоже на сигареты), цедили сквозь зубы затейливые ругательства и очень торопились.

'Мне все-таки везет' - умилился Постников и заспешил следом, стараясь не отставать.

'Волчатник', то есть бельевая веревка с навязанными на нее красными лоскутами, смотрелась знакомо и почти по-домашнему. Так же как человечки в синих робах, повисшие вдоль стены высотки на веревках. Ромбики с эмблемой 'Стройтрест' на рукавах, вполне обычные каски. Только канаты гораздо тоньше обычного, похожие на бельевые веревки. Миллиметров семь-восемь? - удивился Алексей.

На одном из работников вместо каски был нахлобучен глухой мотоциклетный шлем, но со снятым стеклом. Еще двое сидели на

фанерных лавочках и мазюкали межпанельные швы герметиком, макая резиновые шпатели на длинных ручках в металлические двадцатилитровые бочки. Бочки были подвешены под 'спусковухами' не совсем обычных, но узнаваемых очертаний, и время от времени позвякивали, ударяясь о края сидушек.

Ожидая бригадира Постников переминался с ноги на ногу, едва сдерживая дрожь в здоровой руке. Очень хотелось на высоту, наконец-то заняться делом, хоть как-то обозначить себя в новом мире и зацепиться хоть за какое-нибудь занятие. Подсобник вернулся достаточно быстро, в сопровождении местного бригадира.

Бригадир был тоже вполне обычным. Кряжистый мужик-хитрован 'от сохи', с маленькими острыми глазками и выражением хронической подозрительности на физиономии. Каска была ему ощутимо мала и возвышалась на макушке, как клоунская шапочка. Бригадир был обвязан страховочной системой из такелажных строп, явно самодельной, пошитой криво, но старательно и прочно. Одна рука скрывалась в перчатке, заляпанной герметиком, вторая ... Второй не имелось вовсе. Алексей отметил, что бригадирский протез относится к совершенно иному классу. Если у беженца из иного мира рука была металлической с внешними приводами, то хваталка 'шефа' оказалась в закрытом корпусе из бело-синей пластмассы, анатомически довольно похожей на настоящую кисть, только немного больше.

- Вот тело пришло, в висюны хочет, - чуть запыхавшись отрапортовал подсобник. - Насчет расценок спрашивал. Сколько за вторичную герметизацию, сколько за первичную, почем 'со вскрытием'...

Мужик воззрился на Постникова с неопределенным выражением, в сомнении поджал губы.

- Лазал? - спросил он наконец, односложно.

- Да, я из промальпа, - так же лаконично ответил Потсников.

- Че? - не понял бригадир.

Алексей ткнул пальцем в направлении подвешенных работяг и еще короче сообщил:

- Умею. В висюны.

- Гы, - прокомментировал старшой, криво усмехаясь. - Ну?

- Что 'ну'? - не понял претендент.

- Рассказывай, где занимался, куда ходил, разряд какой, на чем работал.

Алексей в замешательстве почесал затылок.

- Друзья научили. В горы не ходил ни разу, я промальп чистый...

Подсобник со старшим понимающе переглянулись. Бригадир снова хмыкнул и протянул:

- Чистый, говоришь... Так на чем работал, чи-и-истый?

- Десантер, 'Гриша', 'Ай-Ди', - начал уверенно перечислять Алексей привычное оборудование. И осекся, увидев мрачное недоумение на физиономиях собеседников. Бригадир брезгливо фыркнул.

- На 'букашке' еще, которая Кашевникова - заторопился пришелец, надеясь, что хоть одно название да попадет в цель. - С 'восьмеркой'...

- На букашке... бригадир вздохнул и снял с пояса что-то металлическое, хитро выгнутое. Протянул Алексею вместе с куском той самой 'бельевой' веревки и сказал. - На, вяжись, чи-и-истый.

Постников взял штуковину и покрутил в руках, пытаясь понять, как это использовать. Штука напоминала спусковое устройство 'крабик', но была явно самодельной и нестандартной. Что-то подобное Алексей видел лет десять назад в мини-музее 'Штурма' на Октябрьском, но никогда таким не пользовался. Постников покосился на висящих работников, пытаясь сообразить, как все сделать быстро и правильно. Каменный цветок не выходил...

- Я с таким и не сталкивался, - признался он под насмешливыми взглядами. - Но, если покажете, освою.

Бригадир выдохнул сквозь зубы. Похоже ему действительно нужны были работники, и он втайне надеялся, что 'висюн' на что-нибудь да сгодится. Отобрал у Постникова 'крабик' и с подчеркнутым презрением вытер о рваный комбинезон пришельца.

- Пошел отседова, дефект, - напутствовал бригадир Алексея и отвернулся, направившись по своим делам.

- Развелось шпаны и тюльников, все за легкой башмалой тянутся, - добавил подсобник, гнусно гыгыкая. - Проходи, уважаемый, краска башка попадет, совсем ляжешь.

Алексей, сразу всеми забытый и никому не интересный, стоял, разинув рот и разведя руки, все еще не в силах поверить, что все его надежды пошли прахом в пару минут...

Глава 9

Постников сидел на бетонном кубе высотой примерно до середины бедра, выставленном прямо посреди тротуара. Наверное, специально для преграждения пути машинам. Ничего не хотелось, даже думать, тем более куда-то идти или что-то делать. Рядом стоял очередной рокер или как его правильнее назвать... в общем высокий и тощий парень в рваной косухе, с кривым и драным ирокезом на голом черепе и в очках с разными линзами. Одна прямоугольная, со стеклом зеленого цвета, вторая круглая и красная. Тощий ходил кругами, уставившись себе под ноги и помахивал плакатиком с кривой надписью 'панк-группа Мартышки дискурса и жывотноводство!'. При этом он непрерывно бубнил себе под нос:

- Что такое жизнь? Кто такие люди? Я хочу знать, что такое жизнь. Я сижу на крыше гаража. Почему я сижу на крыше гаража? Чтобы лучше видеть. Чтобы лучше видеть что? Чтобы лучше видеть, что делают люди...

Алексей вяло отвернулся. Температура поднялась до такого уровня, что больному было уже все равно. Хотелось лишь одного - лечь и окончательно утонуть в мареве бездумного и бессмысленного жара.

- Внизу люди. Одни куда-то идут, другие куда-то едут. Люди, которые куда-то идут, несут портфели. Куда они идут, куда они несут эти портфели? На работу. Каждый человек несет портфель на работу. Почему они несут портфели. Почему они идут на работу? Они не знают, почему...

- Дружище, - вяло окликнул его Алексей. - Где здесь попить можно?.. Подскажи...

Панк неожиданно прекратил хождение и уставился прямо на больного пришельца.

- Что такое жизнь? Кто такие люди? - очень четко и ясно выговорил он, прямо Постникову.

- Понятно, - прохрипел Алексей и слез с куба. Медленно волоча ноги, он побрел дальше.

- Прямо и на перекрестке направо. Там 'Крева' и пепси наливают, - сказал панк вслед. Затем продолжил прежним речитативом. - Люди - муравьи, и жизнь - муравейник. Жизнь кончается нулем...

Постников пошел вперед, уже плохо соображая, куда и зачем... Больше всего усилий приходилось прикладывать, чтобы

удержаться от искушения упасть на землю и напиться из лужи.

Все в мире циклично, подъемы чередуются с упадком и провалами. После предыдущих неприятностей пришло время небольшой удачи, и Алексей нашел загадочную 'Креву' достаточно быстро. Постников прошел бы мимо, не столкнись он с выходящим из неприметной двери посетителем, жующим беляш в промасленной желтой бумаге. Пришелец шагнул внутрь, машинально подняв правую руку, будто защищаясь. Спустился по нескольким ступенькам, мокрым и скользким.

'Крева' оказалась чем-то вроде пельменной или чебуречной в полуподвальном помещении, без всяких вывесок или иных опознавательных знаков. Определенно низкопробное заведение, заставляющее вспомнить одновременно и киношные салуны дикого запада, и советские пивные. Правда пахло здесь не пивом, а чем-то острым и пряным, похожим на подогретый корейский соус. Запах был вездесущ, и Постников ощутил приступ лютого голода, на мгновение перебившего даже жажду.

Большое помещение было разбито на отдельные секции массивными колоннами и переносными ширмами в цветочек, отчего 'пельменная' обретала некоторое пародийное сходство с японским рестораном. Выглядело это странно и диковато, но местные воспринимали все как должное, а Постников слишком устал и измучился, чтобы снова удивляться. Главное - здесь на него не обращали особого внимания, и определенно давали еду. И питье. Это было главным.

Алексей подошел к чему-то, похожему на барную стойку. Широкая панель блестела металлом, но судя по многочисленным глубоким царапинам это был или очень мягкий металл, или скорее пластиковая имитация. Стойка подсвечивалась, но откуда исходил свет, пришелец так и не понял. Вообще в этой самой 'Креве' было довольно темно. В дальнем углу за стойкой притулился манекен, как будто собранный из старых пылесосов и бытовой радиоэлектроники. На латунном черепе светилась люминесцентная надпись 'заказывать' и большая стрелка, упирающаяся острием в глазницу недвижимого болвана. Поскольку в забегаловке наверняка не проводились выставки авангардного искусства, надо думать, манекен представлял собой 'автоматика'. Наверное, бармен или что-то в этом роде. Но сейчас он не работал, и в центре композиции возвышался человек, здоровенный, пузатый, в грязном фартуке неопределенного цвета.

- Чего? - не особо приветливо осведомился мужик.

- Пить, - коротко ответил Алексей, надеясь, что прозвучало не очень жалко и беспомощно. - И есть. Меню?

- Чего? - повторил фартучный, но с несколько иной интонацией, теперь скорее недоумевающе. Постников подумал - слово 'меню' неизвестно в этом мире вообще или не в ходу только в таких вот 'кревах'? И уточнил:

- Чем кормят?

Он изо всех сил старался казаться уверенным и раскованным. Судя по взгляду фартучного, получалось не очень хорошо. Хотя может быть мужик просто не любил оборванцев сомнительной кредитоспособности.

- Едой, - исчерпывающе ответил мужик, взирая на Постникова с некоторым интересом. Алексею почему-то сразу вспомнилась знаменитая миниатюра про 'дифлопе' из 'О чем говорят мужчины'.

- Какой? - Постников решил, что терять ему нечего и пошел напролом. - И почем?

Фартук смерил его немигающим взором и неожиданно расслабился, криво усмехнулся, словно внезапно поняв что-то.

- С югов? - буркнул он, щуря узкие глазки и всматриваясь в 'печать' на шее Алексея. - Негр, под вербовку попал и смылил?

Постников не понял ни слова, но на всякий случай кивнул.

- Ясно, - беззлобно хрюкнул мужик. - С районщиной и корейцами не сталкивался?

- Нет, - помотал головой Постников.

- Твое счастье, - вздохнул дядька, оглаживая фартук. Теперь распорядитель харчевни казался почти дружелюбным. Этакое милосердие жалости...

- Ладно, рупь давай, - буркнул фартук. - И вон туда шагай.

Его многочисленные подбородки колыхнулись, указывая примерное направление. Алексей неверной рукой достал из кармана рубль и осторожно положил на стойку. Мужик в фартуке благосклонно кивнул, словно божество чревоугодия, принявшее подношение.

Столик был маленьким и восьмиугольным, с одной стороны его огораживала стена, а с другой ширма, упиравшаяся в колонну. Деревянная столешница, темная, почти черная, имела такой вид, словно ее грызли бобры и пилили сумасшедшие лесорубы, но казалась достаточно чистой. Мятая бумажная салфетка свисала с края стола, не падая только чудом и божьим попущением. Посередине салфетки располагался вполне обычный, довольно аляповатый рисунок, без всякого объема и свечения. Мазилка была маленькой типографской рекламкой, которая многословно призывала читать 'мастера остросюжетного романа Эдуарда Ломбинова, автора популярнейшей серии романов про 87-е отделение милиции'. Постников поправил салфетку и перевернул ее. На обратной стороне имелся совет

посмотреть 'Сказку о Тройке', совместную работу Союзмультфильма и студии Кунихико Икухары.

Принесли еды. Алексей ждал, что появится какой-нибудь робот или на худой конец самоходный поднос. Но вместо 'автоматика' явилась полная тетка, похожая на таксу-переростка, затянутую в халат того же неопределенного цвета, что и у 'фартучного'. С видом ненависти и презрения ко всему белому свету, она ловко метнула под нос Постникову две миски-пиалы и полулитровую бутылку с мутноватой жидкостью чайного цвета. Затем рядом с пиалами лязгнула гнутая ложко-вилка, похожая на туристическую, но из мягкого светлого металла, наверное, алюминия. Не проронив ни слова, тетка удалилась во тьму, оставив клиента один на один с едой.

Прежде всего Алексей дрожащими руками скрутил пробку с бутылки. Протез слушался все хуже. Или у него сбилась какая-нибудь калибровка, или, что вернее, иссякал заряд батареи. Поэтому Постников использовал искусственную кисть главным образом как упор, действуя в основном левой рукой. В бутылке оказалась газировка, немного похожая на диетическую пепси-колу, но с непривычным травяным ароматом, довольно приятным. Алексей намеревался пить с расстановкой и аккуратно, но потерял голову и махнул все содержимое в несколько глотков. Закашлялся, смахнул слезы, когда шипучка ударила в нос, продирая слизистую. Судорожно выдохнул, икая.

На мгновение Алексею стало стыдно за свинское поведение, но момент утоления жажды был сам по себе прекрасен, а поблизости не имелось ни единого критика - забегаловка была занята едва ли на четверть. Постников откинулся на спинку облезлого стула и подумал, что пять рублей у него забрали в виде штрафа, еще один ушел сейчас, осталось еще три. Значит голодная смерть не грозит и можно будет попытать счастья с работой еще где-нибудь.

'Чертов 'крабик'... И хренов бригадир... Ну ничего, не вышло в одном месте, получится в другом.

А может быть попробовать вернуться в 'Правитель'?.. Нет! Дважды и трижды к черту поганую контору!

После питья Постникову стало немного легче. Жар отступил, а голод напомнил о себе с удвоенной силой. Все так же, левой рукой, Алексей поочередно придвинул к себе миски, скривившись при виде собственной руки - с сеточкой грязи на коже и темными полосками под ногтями. В одной из пиалок голодающий обнаружил нечто вроде супа-пюре. Густая взвесь, похожая на очень сильно разваренную гороховую кашу в желтоватом бульоне. В другом было то же самое, но гуще и обильно политое темным

густым соусом. Еда пряно и остро пахла рыбой. Хотя нет... Постников втянул воздух дрожащими ноздрями и решил, что пахнет скорее чем-то 'креветочным', но с явным оттенком искусственной химии, как чипсы или низкосортное 'крабовое мясо' из рыбного фарша. Наверное, поэтому заведение называлось 'кревой' или как-то похоже. Производное от креветки...

В любом случае это было условно пригодно для употребления и каким бы суррогатом не оказалась пища, вряд ли Постников умрет или заболеет от одного приема. Вооруженный этой светлой и оптимистичной мыслью он решительно погрузил ложко-вилку в бульон. Алексей с удовольствием похлебал бы прямо из пиалы, но опасался, что протез подведет и не удержит миску.

Еда оказалась вполне себе аналогом средненького сублимата-фастфуда в родном мире Алексея. Горячая, щедро сдобренная пряностями, хоть немного оттеняющими общий картонный вкус. После нее во рту осталось неприятное кисловатое послевкусие, а желчь подступила чуть ли не к самому горлу. Но следовало отдать должное - Постников согрелся, а его желудок после некоторого колебания согласился считать, что заполнен и сыт.

Алексей тщательно облизал ложку и положил ее на салфетку, рядом с миской. Закрыл настоящий глаз и расслабился. Протез не имел века, поэтому Постников уставился в самый темный угол забегаловки. Наевшимся беженцем полностью овладело умиротворение и сытость, прерываемые ленивым соображением на тему того, что его наверняка обманули. Не мог столько стоить простенький полуфабрикатный завтрак (или уже обед?) при зарплатах в шестьдесят-семьдесят рублей. Полтину, может копеек шестьдесят, семьдесят, но никак не целый рубль. Обманули... ну и черт с ним.

Он настолько ушел в себя и блаженное мгновение комфорта, что сначала просто не обратил внимание на новый звук, а затем не соотнес со своей персоной. В итоге Постников очнулся и открыл глаз только когда шум тяжелых шагов затих рядом с его столиком.

Шесть человек плотно - плечом к плечу, сплошной стеной - обступили полукругом столик, глядя на обедающего сверху вниз. Вроде и без угрозы, но Алексею сразу захотелось свернуться в клубок и залезть под стол. Так спокойно, с некоторой скукой и одновременно деловитым вниманием смотрит повар на кусок мяса.

В общем, сугубо утилитарно глядели, что пугало до дрожи во всех членах.

Чем-то они походили на футбольных фанатов или нациковскую гопоту из родного мира Постникова. Высокие

ботинки со сложной комбинацией шнуровки и застежек, штаны-шаровары зелено-коричневого цвета, изобилующие складками и грубыми швами. Обтягивающие куртки, похожие на рубашки со множеством косых карманов и узкими подтяжками поверх. У одного на лице была уже знакомая татуировка, похожая на череп.

Алексей в панике оглянулся, моляще посмотрел в сторону 'фартука'. Распорядитель забегаловки сощурился, и Постников понял, что скорее всего доброжелательный дядька и навел 'гостей' на беззащитного 'негра'.

- Пошли, - деловито приказал татуированный 'череп'. - А то засиделся...

История повторялась. Его снова конвоировали, вернее тащили под руки, не слишком заботясь о том, успевает ли жертва вовремя переставлять ноги. Только сейчас Алексею было куда страшнее, чем накануне, когда его выкидывали из 'Правителя'. И пришелец отдал бы все, только бы вновь оказаться в руках охранников треста.

Прежде чем его вытолкали из 'Кревы', Постников еще раз поймал взгляд фартучного и окончательно уверился, кому обязан встречей с местными 'нациками'. В голове у него даже мелькнула мысль 'вернусь и страшно отомщу'. Мелькнула и сразу пропала, накрытая цунами всепоглощающего страха. Алексей попытался что-то сказать, попросить, но его стукнули по уху и погнали через какие-то проулки, совсем уж дикие и грязные. Здесь даже кусочков неба не было видно - все пространство над головой перекрывали во множество рядов балконы и еще какие-то пристройки непонятного назначения.

'Череп' размашисто шагал впереди, расплескивая лужи ботинками-берцами на многослойной подошве. Пару раз он оглядывался, проверяя, как там узник, и Постников понял, что на физиономии у местного вождя не татуировка, но какая-то полупрозрачная маска или пленка с рисунком. Двое тащили Алексея, время от времени сопровождая процесс тычками - не сказать, чтобы очень сильными, но болезненными. И оставшиеся замыкали шествие, громко обсуждая какую-то непонятную ерунду. Речь их целиком состояла из жаргона, в котором Постников уловил только повторяющееся и неожиданное 'коалиция'. Слово произносилось с определенным уважением и почти правильно.

- По-мо-гите, - с трудом выговорил Постников, слоги прыгали в такт тряске.

- Ща, поможем, - ободрили сзади. Пинок последовал незамедлительно. Алексей лязгнул зубами от режущей боли и

умолк.

- Хороший клиент, покойный, - одобрил правый конвоир-носильщик. Он проглотил букву 'с' в слове 'спокойный', и Алексея пробрал озноб.

- Всегда бы таких подвальников, - непонятно отозвался левый. Наверное, он сказал что-то смешное, потому что вся компания дружно заржала и ускорила ход.

Группа пересекала переулки и дворы, не ища легких и чистых путей, очень скоро Постников изгваздался по уши в грязи и мокрой воде. Прохожие быстро расходились и провожали шествие боязливыми взглядами. Пару раз компания встречалась с такими же мелкими группами злобно-угрожающего вида. Надо думать, все они относились к какой-то одной 'районщине', потому что каждый раз общение сводилось к быстрому и достаточно мирному взаимному приветствию.

Шествие прекратилось так же быстро и внезапно, как началось. Компания спустилась в полуподвал, кажущийся близнецом 'Кревы', только гораздо запущеннее и грязнее. Здесь явно не жили и не работали, во всяком случае постоянно Стены, обложенные некогда белым кафелем, почти скрывались под разнообразными надписями, очень похожими на знакомые Постникову граффити. У входа висела покосившаяся и выцветшая плашка с надписью: 'Распитие спиртных напитков строго воспр.'. Оставшаяся мебель была перекособочена и вообще словно только вышла из эпицентра ядерного взрыва. Похоже, здесь в полном соответствии с принципами дарвинизма выживали только самые крепкие и живучие столы и стулья. Пол скрывался под толстым покровом мусора, который, похоже, наслаивался и трамбовался долгие годы.

Постникова еще раз стукнули, оперативно обшарили карманы, забрав оставшиеся деньги, и приковали за левую руку к арматурине, выходящей из стены и согнутой в виде петли.

- Сидеть, - внушительно и исчерпывающе приказал 'череп', после чего гопники перебазировались на противоположный край помещения, оставив жертву без внимания и почти без присмотра.

Часы потянулись, как скверная жвачка... Какое-то время Алексей просто сидел на куче мусора и боролся с приступами тошноты. Таскание, пинание и броски плохо подействовали на желудок, заполненный 'едой' из 'Кревы'. Постникову было плохо, головная боль вернулась с новой силой. А затем еще и начала затекать рука, перехваченная узким, прочным стальным браслетом.

Гопники ржали и без особого фанатизма веселились. Веселье заключалось в распитии чего-то алкогольного и просмотре

старенького телевизора, похожего на маленький гроб. Алексей не видел экран, но мог слышать хрип динамика. Говорилось что-то про Луну, очередной старт кого-то куда-то, напряженность международной обстановки. Затем начался блок новостей, диктор открыл вещание описанием затяжного конфликта между Союзпочтой и 'одним из старейших независимых трестов страны'. Постников навострил уши, но на словах '... прибегли к самой крайней мере - арбитражу Финансовой Инспекции', 'череп' переключил канал. Помещение заполнила булькающая музыка, и вся компания дружно завыла, подпевая невидимому телепевцу:

- Владимирский портал, ветер с серверной!.. С запросом из Твери, код не вверенный!..

Постников подергал арматурную петлю и короткую цепь - безуспешно. Цепочка вообще казалась декоративной, не толще ювелирной, но ни порвать, ни даже чуть деформировать ее не удалось. Алексей закрыл настоящий глаз, прикрыл рукавом протез и попытался выровнять дыхание. Надо было спасаться. Гопники чего-то ждали и не надо было иметь семь пядей во лбу, чтобы догадаться - ничего хорошего это 'что-то' Алексею не принесет.

Постников открыл глаз и осторожно осмотрелся в поисках какого-нибудь инструмента или хотя бы гвоздя. К сожалению мусор был составлен исключительно из хрупких и мягких фракций - в основном бумага и картон, целлофановые обрывки, еще что-то. Алексей украдкой подтянул к себе измусоленную, мятую брошюрку 'Дыши здорово!' и попытался вытащить из нее скрепки. Это оказалось непросто - протез почти не работал, а одной рукой, к тому же прикованной, рвать плотную бумагу нелегко. Попутно Алексей узнал, что респираторы здесь носят не столько для убережения легких, сколько как элемент здорового образа жизни. Респираторы представляли собой маски-ингаляторы, распыляющие по носоглотке соли и полезные минералы, имитирующие 'здоровый морской воздух' и прочее в том же духе. На последней странице содержалось строгое предупреждение о запрете опасных для здоровья подделок и непрозрачных масок, затрудняющих работу органов охраны правопорядка.

Одной загадкой стало меньше. Теперь понятно, почему в 'центре' почти все носили прозрачные намордники, а в более диком районе таковых было очень мало. Распотрошив брошюрку окончательно, Постников обрел два маленьких тонких кусочка проволоки. На этом удача закончилась - Алексей никогда не вскрывал замков, так что успех затеи изначально стремился к нулю. Теперь же он обнаружил, что на браслете наручников

вообще нет прорези для ключа.

Несчастный снова закрыл левый глаз и ударился головой о стену в мрачном отчаянии. Глазной протез исправно доносил до хозяина черно-белую и очень четкую картину окружающего убожества. И без того тусклый свет, просачивавшийся через узкие оконца под потолком, угасал - снаружи подступали сумерки. Там, наверху, заиграли отсветы фонарей и неонового блеска. Не настолько яркого, как в центре, но все же заметного.

- Здравствуйте, друзья! Здравствуйте, мои дорогие! Итак, что вы сегодня приготовили старому доброму доктору?

Постников разом вышел из состояния бессмысленного ступора и безумным взглядом окинул новое лицо, появившееся непонятно откуда.

- Ой, как замечательно! - всплеснул свободной рукой некто, крепко сжимая в другой большой белый чемоданчик из металла или блестящей пластмассы, с красным крестом на крышке. - Отличный, отличный материал!

- Вашу мать... - прошептал Постников, вжимаясь в стенку. И заорал во весь голос, надрывая глотку, как человек, которого уже собрались кинуть в людоедский котел:

- Спасите! Помогите!! СПАСИТЕ!!!

Глава 10

- Вовсе незачем так громко кричать, я и так прекрасно слышу, - вполне доброжелательно отозвался человек с чемоданчиком. Он ступал темными туфлями по слою мусора легко и с неким своеобразным изяществом, плавно перенося вес с носков на высокие каблуки. Немного позади, может метрах в полутора-двух за патроном, следовала расплывчатая тень - Постников не мог сфокусироваться и рассмотреть ее, в глазах все плыло от ужаса.

- Молодой человек, вы ведете себя недостойно, - укорил человек с чемоданом, выходя под свет плафона. Теперь можно было рассмотреть не только солидный кейс с крестом и надписью 'ЕВО. гарант./З', но и самого хозяина

Одет он был в нечто среднее между длинным белым пальто и толстым халатом. Точнее так, наверное, выглядел бы медицинский халат, если бы некий талантливый дизайнер решил сделать из него модную и стильную вещь. На этом человеческое в пришельце заканчивалось. Вместо глаз у него едва заметно светились потусторонним огнем две большие линзы мутно-зеленого цвета, словно обладатель смотрел на мир через донышки бутылок. Отчасти окуляры походили на 'монокль', что был врезан в голову вчерашнего стиляги - того, что шел под руку с одноногим страховидлом. Только поменьше, хотя из-за большой и совершенно лысой головы наоборот, казались громадными. Руки... в первое мгновение Постникову показалось, что 'халат' посадил на каждую кисть по огромному пауку. Во второе - несчастный понял, что снова видит искусственные конечности, но на сей раз совсем необычные. Пальцев на каждой руке было не менее семи и в каждом по крайней мере на один-два сустава больше, чем назначено природой.

За 'халатом' следовал очень обычный, можно сказать 'приземленный' человек. За счет своей обыкновенности он как раз выделялся на фоне панкообразных уродов и веселого человека с бутылками в голове. Подтянутый и высокий, с очень аккуратной прической и зачесанными назад волосами. В строгом костюме, рубашке непонятного розоватого оттенка и - что было почти смешно - при галстуке-бабочке. Черты лица смазывались из-за больших очков в роговой оправе. Если бы Алексей не паниковал, то заметил бы, что человек с галстуком-бабочкой держится скорее, как охранник, а не просто сопровождающий - на расстоянии нескольких шагов от 'халата', не выпуская из виду

всех происходящее.

- Отлично, - сообщил пришелец в халате. - Bene, bene! Кажется, материал весьма неплох.

Постников завопил еще громче. Человек с бабочкой сделал короткое движение, в его руке мигнул зеленый огонек, послышался тихий щелчок, словно где-то за стеной хлопнул пастушеский кнут, Алексея согнуло дугой так, что едва не оторвало руку, прикованную к стене. Вопль застрял в горле.

- Это, изволите ли видеть, шок-пистолет, - любезно пояснил белый халат. - Лазерный луч создает ионизированный канал, по которому передается электрический заряд. Очень удобная вещь, когда не планируется смертоубийство.

Охранник и не думал опускать руку с шокером. Панки немного попятились.

- Незаконный? - с неожиданной робостью спросил главарь гопников. В его устах слово с корнем 'закон' прозвучало, как тонкая шутка.

'Халат' повернул голову к 'черепу' и сказал все с той же участливой доброжелательностью:

- Безусловно. Где займемся делом? Надеюсь, не здесь? И давайте поспешим, ad omnium utilitatem, ко всеобщей пользе, так сказать.

Алексей, все еще сотрясаемый остаточными сокращениями всех мышц, судорожно выдохнул и в глазах у него померкло.

Постников находился в обмороке недолго, однако достаточно, чтобы его куда-то оттащили и буквально примотали к креслу, больше всего похожему на гинекологический станок. Хотя должно быть у медиков это именовалось как-то по-другому... надо сказать, что в эту минуту вопросы терминологии Алексея волновали менее всего.

- Соблаговолите убрать эту гадость.

- Ну так у тя такой же... - отозвался гнусавый бас.

- Запомните, форма ничто, содержание - все, - сказал почти над самым ухом уже до отвращения знакомый голос, до тошноты вежливый и почти участливый. - У 'ЕВО' отличные кейсы и консерванты, ими я с готовностью пользуюсь. Но сами инструменты...

- Не, ну а че, районщики с 'северного' говорили, все нормально, - говоривший подбирал слова медленно и тяжко, будто нормальная людская речь, не пересыпанная жаргоном и бранью, была ему в новинку.

- И не спорьте, друг мой! - с негодованием откликнулся первый. - Для обычного стоматолога-роспиловщика или трансеца

- да, сгодится. Но, позвольте заметить, для настоящего медика это не подходит. Только ...

Далее голос выдал сложную и быструю последовательность хрипящих согласных.

- Че? - не понял быковатый бас.

- Научно-исследовательский институт экспериментальной хирургической аппаратуры и инструментов при Минздраве, - любезно пояснил голос. - Вот это выбор профессионалов своего дела, и не верьте обратному!

- Как скажете, Доктор, - с готовностью, чуть ли не подобострастно согласился 'бык'.

Постников задергался, пытаясь освободиться. Судорожно, отчаянно и не рассуждающе, как зверь, попавший в капкан и готовый отгрызть себе лапу, лишь бы вырваться. Прежде Алексей думал, что знает суть страха. Но лишь теперь он понял, что такое истинный животный ужас, настоящий страх смерти.

- Молодой человек, не стоит, - попросил Доктор, появляясь в поле зрения. Алексей выпучил глаз и задергался еще сильнее, тихо подвывая. Говорить он не мог - горло перехватило что-то холодное и гладкое, похожее на ошейник. Оно не душило, но высасывало до бледной тени каждый звук, рвущийся из горла.

- Не стоит, - повторил Доктор, с легким неудовольствием. Его мутные бельма нависли над Алексеем, ничего не выражая, уставившись на жертву с мертвым спокойствием зеленых омутов.

Искусственные паукообразные пальцы прошлись по лицу Постникова, с профессиональной ловкостью ощупали края глазницы, постучали прямо по протезу. Звук получился как от барабанной палочки, бьющей о стекло. Алексей задергался еще сильнее, из левого глаза катились слезы.

- Друг мой, - наставительно произнес добродушный живодер. - Мы можем удалить ваш глазной протез двумя способами. Первый прост и относительно безболезнен, но требует вашего спокойствия и, так сказать, непротивления процессу. Можно даже сказать - соучастия. При втором я просто разворочу вам всю глазницу. Это будет проще, но дольше и куда э-э-э... менее эстетично. Ну и крайне мучительно, разумеется.

Доктор вздохнул и скрылся из виду. Постников не мог шевельнуть зафиксированной головой - похоже его всего обмотали каким-то скотчем или клейкой лентой - он мог видеть только низкий серо-белый потолок с пыльными шлейфами, колышущимися под легким сквозняком. Сбоку что-то звякнуло. Запахло больницей и спиртом.

- Не сказать, чтобы это сейчас имело для вас какое-то принципиальное значение... Сочтено, измерено, взвешено, так

сказать, - задумчиво вымолвил невидимый Доктор. В поле зрения на мгновение мелькнула его рука. Пальцы развернулись по окружности, как спицы зонтика, шевелясь все сразу, подобно щупальцам хищника. - Но зачем испытывать страдания там, где можно обойтись без этого ненужного экстремизма?

- Дохтур... а может его кольнуть чем-нибудь?.. - несмело предложил некто. - Как-то оно спокойнее... И проще.

- Да надо бы, - печально согласился добрый Доктор. - Но НИИ Фармакологии снова изменил требования к закупщикам, а с контрабандой медикаментов я стараюсь дела не иметь. Монополии и aurum contemnendae, презренное золото, все зло от них... Так что приходится экономить. Экономия - это в общем то вопрос принципа. Ну что же, приступим.

Зеленые кругляши снова нависли над Постниковым. Алексей завыл, глухо и тоскливо. Он рванулся так, что казалось - еще мгновение, и сможет вырваться. Но...

Снова щелкнуло, на этот раз узнаваемо. И новый электрический удар. Видимо это оказалось больше, чем была в состоянии вынести хитрая электроника протеза. Постников ослеп на правый глаз, в мозг вонзилась острая колющая боль, распространившаяся на все лицо.

- Благодарю вас, э-э-э ... коллега, - сказал Доктор. Он переместился вправо, в слепую зону зрения жертвы. - Весьма своевременно. Я как-то не думал, что эти интересные вещи можно использовать таким образом... Надо обдумать идею конверсии... Итак, забираем весь хром, то есть глаз, руку, сердце, как договаривались. И, будьте любезны...

Очевидно Доктор обратился уже не к охраннику, а к 'черепу', потому что тот отозвался невнятным 'эххмммм...'

- Будьте любезны, позаботьтесь потом о теле более тщательно. А не как в прошлый раз.

Искусственная рука, теперь в медицинской перчатке - такой же многопалой - легла на лицо Постникову. Несчастная жертва ощутила ледяной холод и неумолимое давление. Тонкие металлические пальцы впились в кожу, фиксируя голову мертвой хваткой.

- Сначала будет немного больно, - пообещал невидимый голос живодера. - Потом гораздо больнее...

Надо сказать, Доктор обманул. С самого начала было очень больно. Однако потом действительно стало гораздо хуже.

А затем все неожиданно закончилось.

- Друзья мои! Товарищи, господа и даже, не побоюсь этого слова, джентльмены! Я недоволен, - с холодной вежливостью

сообщил Доктор, складывая энуклеатор в контейнер. Затем злобный медик поднял прозрачную капсулу, в которой был заключен протез, и внимательно посмотрел ее на свет. При слове 'недоволен' телохранитель в 'бабочке' чуть подобрался, почти незаметно для постороннего взгляда. А панки неосознанно отступили - буквально на пол-шажочка, но все же отступили.

- В нашем деле очень важна честность и деловая порядочность, - продолжил роспиловщик. - И в данном случае я их не наблюдаю.

'Череп' что-то невнятно буркнул, быстро скосил глаза на соратников и понял, что, если он хочет сохранить авторитет, надо выступить более впечатляюще.

- Не, ну а че не так то? - сипло спросил он. - Все как уговаривались...

- Что же здесь не так, в самом деле? - произнес в пустоту Доктор. Посмотрел на пациента, который понемногу выходил из ступора.

- Что же не так... Наверное, то, что вы обрисовали перспективу вполне однозначно. Глаз, рука, сердце.

- Ну так все при нем! Ну или уже не все... - возмутился главарь. - Глаз во, уже в коробке. Рука вон, торчит из рукава...

- Положим, насчет офтальмологического протеза я претензий не имею, - милостиво согласился медик. - Чистое бэ-у, ни разу не гост, но сборка довольно пристойная, скорее всего не лицензированная работа какой-нибудь трестовой лаборатории для внутряка. Но вот остальное...

Доктор положил капсулу в кейс и строго повторил:

- Я недоволен.

Он снял тонкие, почти невесомые перчатки, небрежно отбросил. Перчатки буквально в воздухе осыпались тончайшей пылью. Доктор пошевелил своими жутковатыми пальцами, словно разминая перед работой. Искусственные суставы едва слышно прищелкивали, занимая самые невероятные, анатомически невозможные положения.

- Да, рука более-менее функциональна, - продолжил медик после паузы. - Но что это за рука?.. Во-первых, модель абсолютно и бесповоротно устарела. Внешние приводы чего только стоят, это же заря кламмера, время пещер и дикарей! Посадка буквально на живую нитку, без муфты, прямо на кость и штифты, протез можно оторвать просто сильно дернув. Не говоря о том, что это японская сборка, но из индийских и китайских комплектующих. Самый низкопробный товар. Да еще с беспроводным аккумулятором первого поколения. Вы хотя бы условно представляете себе, сколько он держит заряд и как тяжело его подкачивать?..

Панки, судя по всему, не представляли. Но их физиономии мрачнели с каждым услышанным словом.

- Ну и наконец сердце... С ваших слов и уверений я рассчитывал на хорошее, годное композирование. Но вижу только самый простой кардиоводитель, югославский 'Крагуевац', даже не Индия, причем не этого года и не прошлого.

- Да не может быть! - уже не сдерживаясь заорал 'череп' не пытаясь, впрочем, сделать что-либо агрессивное. - Ни в жизнь! У нас все точно! На сканере точно было!

- Как говорит один мой дальний знакомый, у криворуких и мудоглазых все просто и точно, - еще более холодно отозвался Доктор. - Вы не умеете толком читать показания и без того старой, примитивной аппаратуры. Поэтому приняли за полноценный протез сердца комбинацию двух 'отсветов' - кардиовода и пластин, которые у пациента на ребрах. Даже не рассасывающаяся псевдопластмасса, а обычный металл...

Доктор поджал губы, выражая неодобрение неизвестным коллегам, латавшим 'пациента'. Тем временем Постников кое-как пришел в себя и в очередной раз попытался освободиться. Снова безуспешно.

- Может быть, следует проверить крепость штифтовой спайки на руке? - спросил в пространство телохранитель. Голос у него был странный, какой-то бесплотный и шуршащий, очень ровный. Не совсем бесстрастный, как у машины, а скорее с очень сильно сглаженными эмоциями. Словно все переживания и чувства происходили буквально в 'четверть накала' от обычных, человеческих. Постников, правильно понявший намек, испуганно затих.

- Таким образом этого, - Доктор указал на кейс, куда спрятал капсулу. - А также того, что еще можно снять, хватит от силы для того, чтобы оплатить сверхурочные моему помощнику...

Человек в галстуке-бабочке чуть склонил голову, словно представляясь, но при этом ни на мгновение не потерял из виду всех остальных.

- ... И может быть на неделю обедов в 'Дастархане', даже не бильярдной. Не более.

'Череп' ожесточенно почесал затылок, соображая, что делать дальше.

- И че терь? - спросил он, глядя исподлобья на Доктора, стараясь не встречаться взглядом с телохранителем.

- Я потерял время и прибыль, - совсем уж морозным голосом ответил медик. На этом он оборвал фразу, словно передавая пас собеседнику.

- Ну че, - насупился главарь наконец. - Тогда мы его сейчас

оттащим на разделку.

Со своего станка Постников не видел, что было дальше, но расслышал подлинный взрыв эмоций. Хотя его познания в местном жаргоне равнялись нулю, даже этого хватило, чтобы уяснить содержание яростного спора между гопотой.

'Череп' предлагал разделать пациента на органы у некоего 'стома' или 'стомы'. Часть вырученной 'башмалы' оставить себе за труды, из остального покрыть моральные страдания Доктора. Но дело это представлялось очень сомнительным и опасным, потому что более-менее приличный 'стоматолог' базировался в соседнем районе и, чтобы до него добраться следовало пересечь по крайней мере одну враждебную территорию конкурирующих 'районщиков'. Подельникам очень не хотелось огорчать доктора, но еще больше им не хотелось тащиться на ночь глядя в поисках очень вероятных приключений. Со стороны создавалось впечатление, что главарь хорошо понимал последствия неудовольствия Доктора, а вот его более скудоумные спутники - нет.

- Пожалуй, я сам разрешу ваши затруднения, - с усталой брезгливостью сказал Доктор, решив прекратить этот цирк. - Я забираю этого человека.

- А деньги? - сразу и быстро уточнил 'череп'.

- А они у вас есть? С удовольствием приму, - улыбнулся человек с зелеными линзами, и от этой улыбки у панков морозец пробежал по спинам. Однако стая всегда агрессивнее и злее одиночки, гопники озлились, и никто не решался уступить на глазах дружбанов.

- Не по-красивому поступаешь, Эл, - ощерился 'череп'. - Нам же еще коалиции уделить надо... а так получается день впустяк...

- Считайте это поучительным уроком, - вновь усмехнулся Доктор Эл, быстро пробегаясь скальпелем по синей изоленте, которой Постников был обмотан, как египетская мумия. - Прежде чем вызывать меня в следующий раз, вы более адекватно оцените коммерческую перспективу своего ... предложения.

Из чего бы ни был скальпель, плотную ленту он резал, как джедайский меч - с одного движения, не тупясь. Не дожидаясь полного освобождения Алексей попробовал освободиться вновь и просто свалился со станка, как давеча в камере-лаборатории - мышцы онемели и затекли. Пока недооперированный пациент лежал носом в цементный пол, рядом развернулись быстротечные и напряженные события, которые Алексей мог воспринимать только на слух.

Похоже, гопота пошла ва-банк, решив взять свое силой. Несмотря на отчетливую угрозу, источаемую охранником, они понадеялись на численное превосходство. С четверть минуты - не

дольше - что-то скрипело, как тонкая стальная нить по кости, щелкал уже знакомый шок-пистолет. И все это на фоне совершенно нечеловеческих воплей панков.

- И хоть бы паршивый кламмер с них можно было снять, - печально подытожил Доктор, защелкивая кейс. Глухие стоны негромко и жутко аккомпанировали его сухому, спокойному голосу. - Нищеброды... Может быть зубов для винира и 'Красной дороги' надергать?..

- Боюсь, от этих 'пустышек' можно заполучить только прото-материал, и то самого низкого качества, - все так же тихо и шелестяще проговорил телохранитель. - Вам не стоило принимать их предложение.

- Это верно, но что поделать, я начинал здесь карьеру, пока не накопил денег на путевку от райкома в ВУЗ. Потом блат в коалиции, все остальное...Ностальгия! - с легкой печалью и разочарованием согласился Доктор. - Сплошное разорение, учитывая, что теперь я должен тебе новый костюм. Они все живы?

- Да. Вы же сказали - 'поучительный урок', - напомнил тихий голос, и Постников понял, что ему очень не хочется поднимать голову и смотреть, почему нынешний костюм телохранителя нуждается в замене.

- Да, все верно. Что ж...

Черная лакированная туфля опустилась у самого лица Постникова. На угольно-черной коже зацепились две крошечные капли, отражающие свет красноватыми бликами. Алексей зажмурил здоровый глаз. На месте правого пылал огонь рвущей боли, расползающейся на всю глазницу.

- Предполагалось, что я заберу тебя, а мои незадачливые ... партнеры ... извлекут из этого необходимый урок. Урок они получили, но несколько иным образом... - задумчиво протянул Доктор таким тоном, что Алексей не сразу понял - обращаются именно к нему. - Поэтому ты мне собственно не нужен. С другой стороны, возможно и пригодишься. Можешь пойти с нами. Можешь оставаться и ждать других.

Постников с усилием поднял голову. Пустая глазница болела все сильнее, но это было лишь бледной тенью ада, что разверзся в душе пациента. Алексей ненавидел Доктора, бездушную тварь, которая зарабатывала извлечением и перепродажей изъятого 'хрома'. Постников отчетливо и ясно понимал, что перед ним мерзавец, разделывающий людей на запчасти заживо - из 'принципа экономии', по словам самого живодера.

И все же...

Наверное, это и называется 'стокгольмским синдромом' - подумалось Алексею. Когда к ненависти примешивается ...

благодарность. Да, отчетливая нотка признательности за спасение. И можно сколько угодно повторять себе, что будь гопники чуть поумнее, все сложилось бы иначе, то есть намного, намного хуже. Все равно - он, Алексей Постников, жив. И жизнь ему подарила необычная и страшная пара - доктор-упырь и скромно, однако элегантно одетый боец, калечащий людей с легкостью и бесстрастием автоматика.

Туфля поднялась вверх - Доктор сделал шаг в сторону. Похоже, он собирался взять кейс и уйти. Тот самый кейс, в котором лежал протез, вырезанный из живого и связанного человека.

'Ждать других' - шепнул над ухом внутренний голос.

'Возможно и пригодишься'

Как можно оказаться полезным для убийцы-вивисектора?.. Что для этого придется сделать? Время уходило. Быстро, необратимо. Жуткая пара не собиралась ни повторять предложение, ни ждать реакции.

Решать нужно было быстро и правильно. Но беда заключалась в том, что выбирать следовало между ужасом и ужасом. Остаться - одному, искалеченным, в чужом городе, смертельно опасном для чужака. Последовать за 'спасителем' - отдавшись на милость убийцы и подонка. Если бы у Постникова оказалась монетка, он бы кинул ее положившись на волю случая. Но монетки не было, и решать свою судьбу он должен был сам, здесь и сейчас.

- Подождите, - прохрипел Алексей, приподнимаясь на локтях Несколько красных капель сорвалось с глазницы, кое-как прикрытой липкой повязкой, похожей на слабый пластырь. Горячая струйка скользнула по щеке, обжигая, словно кипяток. По левой щеке.

Не кровь, но слезы. Горячие слезы страха, унижения, презрения к собственной слабости.

- Подождите... Пожалуйста, подождите...

Часть вторая
День за днем

Глава 11

Настоящее

Постников проснулся от гудящего звона в ушах, распространяющегося на затылок. Дентофон у него был самый простой и недорогой, с минимумом функций, но опция будильника включалась в базовый набор по умолчанию. Алексей ненавидел такие пробуждения, каждый раз казалось, что голову сверлят отбойным молотком. Но особого выбора не имелось - из-за всех приключений, которые пережили зрительный аппарат и черепномозговые нервы, нарушился режим сна. Постников мучился бессонницей, засыпал к пяти-шести утра, и разбудить его до полудня не могли никакие часы. То есть не могли обычные часы. Дентофон передавал звук непосредственно на кости черепа, так что проспать с ним не получалось при всем желании.

- Я проснулся, - тихо сказал Алекс в пустоту, и гуделка в голове прекратилась. Впрочем, еще четверть часа электроника будет отслеживать активность мозга и, если хозяин склонится ко сну вновь, вибрирующий звон возобновится.

Пора вставать.

Алекс, лежащий на боку, перевернулся на спину, закинул руку за голову. Когда под затылком твердая и прохладная пластмасса, проспаться легче. Левой рукой Постников провел по тумбочке. Пистолет оказался на месте, керамический корпус показался чуть теплым, хотя греться ему было не с чего. Примерно минуту Алекс мечтал о том, что когда-нибудь у него будет настоящий, а не 'глиняный' ствол. Утешился тем, что по крайней мере не индийская 'ушлепка', то есть самая дешевая пластиковая штамповка. Почувствовал, что снова тихонько сваливается в дремоту и, не дожидаясь, пока вновь сработает будильник, поднялся сам.

Пистолет лежал на колченогой тумбочке из старой, выщербленной ДСП. Одежда - на полу, куда Постников швырнул ее накануне. В комнате было прохладно, но терпимо. Разумный компромисс между экономией и возможностью вставать, не стуча зубами от холода. Алекс вспомнил каково это - постоянно мерзнуть - и поморщился. Почти с нежностью глянул на портативный 'телогрей' в середине жилища. Конечно же не гост, даже не лицензированная сборка, но работает - что еще нужно?

Постников поднялся на ноги, набросил халат, прошлепал босыми стопами в санузел, то есть в противоположный угол

комнаты, выгороженный двумя большими пластиковыми панелями и тяжелой занавесью на леске. По пути прихватил с полки диагност.

За круглым окном, перечеркнутым крестом декоративной рамы, занималось серое, мрачное утро. Как обычно по осени - дождь и низкая хмарь, готовая обвалиться на мегалополис и расплющить его. Алекс щелкнул пальцами, по сигналу у квадратного зеркальца, приклеенного без изысков, прямо к стене, зажглась лампочка.

Первым делом - диагностика. Постников снова скривился, глядя на коробочку со спиральными проводами и зеленоватым экранчиком. Диагност напоминал детектор движения из 'Чужих' и пищал почти также. Еще от него было больно, хоть и недолго. Тяжело вздохнув Алексей приложил коробочку прямо к сфере глазного протеза. Диагност пискнул, а затем - словно тончайшая игла проникла в глазную впадину и двинулась дальше, неспешно пробираясь к мозгу. Аппарат проверял качество работы протеза самым простым способом - генерируя болевые импульсы и проверяя 'отклик' нервной системы, а также время реакции 'прокладки', то есть электроники, обеспечивающей совместимость плоти и 'хрома'. Еще год назад такая технология требовала сложного оборудования размером минимум с телевизор и стоила - мама, не горюй. Теперь же НПО 'Кронос' выбросило в продажу новую разработку, гораздо меньше и экономнее.

Уколы стали чаще и болезненнее, аппаратура переключилась в режим калибровки. Постников в третий раз скорчил гримасу и вспомнил слухи о том, что самым преданным и стабильным покупателем портативных диагностов являлся всевозможный криминал. Дескать, идеальный пыточный инструмент. Алекс совершенно точно знал, что это не так - от самого верного источника, который жил за счет мучений и боли. Для обычных районщиков даже недорогой вариант стоил слишком дорого. А нормальная коалиция имела куда более действенные средства извлечения правды.

Собственно, диагност попал к Алексу после того, как с прибором поэкспериментировал Доктор Эл. 'Стоматолог' счел его непрактичным и продал работнику с большой уценкой, в рассрочку, как и глаз. Доктор любил время от времени поощрить подчиненных... Кроме того, как известно, кредит есть самая выгодная форма продажи.

Перед глазами у пользователя пробежала вереница зеленых цифр, возник логотип в виде квадратика с буквами 'омо', но без остроконечной 'л'. Алекс сморгнул - от временной рассинхронизации бинокулярного сведения снова заболела

голова. К счастью ненадолго. Тихий писк сообщил, что диагностика завершена. Постников посмотрел на экран прибора. Там было то же, что и обычно. Электроника в очередной раз воспроизвела условное описание модели и выдала вердикт - работает без сбоев. Через две недели предлагалось провести плановую профилактику.

Да, глаз был хороший, производства ЛОМО, то есть Ленинградского оптико-механического объединения имени В. И. Ленина. Ну, не совсем так, конечно... Контрафактная сборка из украденных со склада деталей, заправленная совершенно левым программным обеспечением. Программист - или 'граф' по местной терминологии - пошутил, в точности подделав цифровой логотип оригинального ПО, но без буквы 'л' в виде остроносого треугольника.

Зато не приходится глотать горстями пилюли от головной боли и смотреть на мир, сшитый из лоскутов цветного и черно-белого.

Проверив таким же образом правую руку, Алекс принялся за умывание. Попутно он думал над тем, как легко все-таки запоминаются и становятся привычными разные жаргонизмы. Скажем 'коалиция' - так называли себя организованные криминальные группировки, причем как правило имеющие легальное прикрытие в виде официальных предприятий и контор. Почему сложное и буржуйское слово? Да кто же его знает... А вот 'районщики' и 'гопа' - это низовой уровень уличной преступности.

'Кламмер' - протезы и прочие дополнения, которые не являются жизненно важными и могут быть извлечены без того, чтобы владелец умер. Такие, как у самого Постникова - ведь без глаза и руки жить можно, хотя и непросто. Помимо 'кламмера' есть еще так называемое 'композирование', то есть аналоги жизненно важных органов. И еще местные 'хромировщики' выделяют особую группу 'косметических' аугментаций - 'винир'. Сюда включена масса разных вещей, от моночелюстей, которые могут пережить владельцев на столетия, до пластики лица, эмо-водителей, мнемо-приставок и еще много чего.

'Гост' - хороший, годный товар от проверенного и крупного производителя, с гарантией, но дорогой. 'Яга' - самое отвратное барахло, происходит от презрительной клички, данной калекам с плохими протезами ног. 'Костяная нога', смешно, наверное... И теперь он, пришелец из чужого мира, свободно пользуется этими словесными уродцами.

Алекс вытерся махровым полотенцем. Покрутил правой кистью. Пластмасса, прикрывающая тонкие приводы, тихо шуршала маленькими пластинами подвижного корпуса.

Теперь завтрак и новости.

Но сначала Постников подошел к окну. Глянул наружу, стараясь увидеть кусочек неба, зажатый между сложной конфигурацией двух соседних домов. Иногда получалось... Но не сегодня. Мелкие бисеринки начинающегося дождя повисли на гладком стекле, словно не хотели скатываться дальше, вниз, погибая в лужах двадцатью этажами ниже. Капли стучали о прозрачную пластмассу тихо-тихо, как будто просили впустить их.

Совсем как в тот день... Почти год назад.

* * *

Былое

Отчаяние - это не когда у тебя все плохо. Отчаяние - это когда все плохо и главное, беспросветно. Совершенно, абсолютно беспросветно. Когда каждый новый день начинается с осознания двух простых вещей.

Первая - все плохо.

Вторая - завтра будет все то же самое. И послезавтра, и через два дня, и далее, до самого конца.

И когда в твоей душе намертво - как длинный заершенный гвоздь - поселится это понимание, вот тогда ты понимаешь, что такое настоящая безнадежность и настоящее отчаяние. Их Постников пил, как яд из неисчерпаемой чаши, уже почти три месяца.

Без малого сто дней новой жизни.

Он проснулся на матрасе, плоском, утрамбованном временем и предыдущими владельцами до состояния жесткого 'блина'. Матрас лежал прямо на бетонном полу, прикрытом желтоватой пленкой из материала, похожего на полиэтилен, только гораздо прочнее. Покрытие защищало от пыли и крошки, но на прослойку-теплоизолят у Постникова уже не хватило денег, поэтому от пола веяло ощутимым холодком. Алексей еще плотнее закутался в тонкое покрывало из скользкой и ломкой синтетик-шерсти. Постарался растянуть подольше мгновения перед окончательным подъемом. Не хотелось ни просыпаться, ни подниматься, ни даже жить. Но приходилось...

Постников сощурился и бегло глянул на свое жилище. Десятый этаж 'общаги' - по местным меркам почти что подвал, да еще под переходом в соседнее здание. Одна комната, одно окно, круглое и намертво вделанное прямо в стену, с декоративной

рамой крест-накрест. Решетка вентиляции под потолком, канализационный слив, выходящий в наружную трубу-стояк ... и все. На этом услуги 'Спецстроя' заканчивались. Остальное квартиросъемщик обеспечивал сам - все, что душа пожелает. И на что у него хватит денег.

Насколько понял Алексей, проект 'общаг' вырос из концепции 'хрущевок', доведенной до логического конца. Когда после Конфликта началось становление агломераций и 'консолидированных городских территорий', спрос потребовал много предельно дешевого жилья. Очень много, очень дешевого, возводимого за месяцы, а лучше - недели. Проекты упрощались и перекраивались, пока не дошли до идеи высоченной коробки, лишенной всего, что не представляет жизненной важности. Вообще всего, включая нормальное водоснабжение. Дешевле и проще - уже некуда. В конце концов вода, тепло, свет - не являются жизненно важными и вполне могут быть куплены отдельно. Тем более, что это оживляет экономику, стимулируя спрос. Постников не слишком оживил экономику своим спросом по причине обычной нищеты, но после недавних приключений следовало радоваться хоть какой-то крыше над головой.

Алексей торопливо натянул тапки, они не грели, но хотя бы защищали ноги от холодного пола. Прошлепал к умывальнику, точнее к конструкции, собранной из пластиковой чаши, пары гофрированных трубок, проволоки и шестилитровой бутыли с технической водой для умывания. Вода была холодной и казалось, что она буквально скребет кожу на лице, как ледяная бритва. Заныла противной тянущей болью пустая глазница. Доктор Эл оказался достаточно 'добр', чтобы оставить пациенту жизнь, но не настолько, чтобы вернуть позаимствованный хром. Время человека с галстуком-бабочкой стоило недешево, кто-то должен был его оплатить.

За бетонной стеной прошуршало - наверное снова робот-'крыса'. Опять-таки для экономии канализация в общагах была представлена трубами, идущими по стенам снаружи, в теплоизоляционных коробах. По ним день и ночь бегали маленькие механизмы, в самом деле похожие на крыс. Они очищали трубы, пробивали затор, счищали наледь. И не давали спать людям с чутким слухом. Слух у Постникова был нормальный, зато развилась болезненная мнительность, страх любой неожиданности. Поэтому его пугало даже невидимое шуршание бездушных машинок.

За стеной громко заголосил сосед, мечтающий со временем выбиться в настоящие уличные музыканты. С талантами у него было не очень, а приступы вдохновения случались внезапно и

хаотично, независимо от времени суток.

- Атомная бомба, атомная бомба - КАКОЙ КААЙФ! А-а-атомная бомба, а-атомная бомба - ФАК МАЙ ЛАААЙФ!!!

Песню под названием 'Атомная бомба' придумали после 'урановой войны' между двумя Кореями, которая запалила Конфликт и объединила разделенную страну. Хотя объединила не совсем так, как виделось начавшим потасовку южанам-неоконам... Каноничный вариант песни предполагал далее куплет на корейском, но это оказалось слишком сложно для исполнителя. Он сорвался на фальцет и блеяние, а затем кто-то пробился зычным басом через пару перегородок, рекомендуя певцу заткнуться, пока ему не пришлось протезировать глотку.

Утро начиналось как обычно...

Постников закончил умывание, мимоходом порадовавшись, что бриться надо будет только завтра. Для нормального бритья надо было либо покупать гель-депилятор, либо греть воду и пользоваться обычным лезвием. На гель не хватало, а с энергией Алексей круто пролетел. С первой получки он купил солнечную батарею 'наладонник' - с хорошей скидкой - рассчитывая подзаряжать старенький аккумулятор от дарового солнца. Но не принял во внимание, что на его этаже солнце видно было от силы полчаса в день, пару дней в неделю, а то и меньше. Хватало, чтобы одна лампочка светила минут пятнадцать в сутки.

- Скандал в Европейском сообществе. Группа киберхулиганов 'Black ants' разместила на сетевых ресурсах похищенные пикантные видео с участием президента Итальянской социальной республики Алессандры Муссолини...

Это радионовости, от соседа через коридор. Приличный человек, из 'графов', то есть тот, кого в мире Алексея назвали бы хакером или кибер-преступником. Вообще надо отметить, что в общагах селилось на удивление немало обеспеченных людей, которые могли бы позволить себе жилье куда лучше. Им было просто удобно жить вот так - 'на легкой ноге', не привлекая внимания, готовыми в любой момент просто выйти за дверь и не вернуться. Этот 'граф' был из таких. Как сосед - почти без недостатков, только всегда включал по утрам радио с новостями от Гостелерадио. Впрочем, Алексей не возражал, сам он не мог позволить себе даже радиоточки, не говоря о телевизоре, 'кабуки' и тем более 'Минителе'. Новости даром...

- Новости культуры. Указом Президиума Верховного Совета СССР за выдающиеся заслуги в области музыкальной культуры и в ознаменование тридцатилетия начала творческой деятельности композитору и певцу Виктору Робертовичу Цою присвоено звание Народного артиста СССР...

За окном колыхалось серое марево - плотная смесь тумана, мелкого дождя и уныния. Алексей натянул куртку и ботинки, то и другое - самое простое, дешевое, с ощутимым запахом пластмассы и нефти. Вся его одежда была 'ушлепкой', то есть самой простой и копеечной штамповкой из отходов химического производства. Постников сунул в карман отвертку, которую уже привык носить на всякий случай. Не то, чтобы Алексей рассчитывал отбиться от врагов, случись что... просто так было чуть спокойнее.

Радио продолжало громко вещать:

- Трансляцию премьеры новой кибер-мистерии маэстро 'Война Земли и Неба' заказывайте на восьмом канале ЦТВ по индексу 7-7-0-9 или на числовом массиве треста 'Мелодия' в разделе Цой2014. В партии Земли солирует Земфира Рамазанова, в партии Неба - сам маэстро...

Постников проверил документы. 'Аусвайс' был все тот же - листок потрепанного вида, чудом переживший все приключения. Теперь в нем прибавилось несколько новых штампов и два кириллических кода. Алексей по-прежнему являлся 'негром', то есть не-гражданином. Но теперь официально трудоустроенным при ДОСААФ, а потому стоящим чуть выше на ступенях пресловутой 'социальной лестницы'. С точки зрения закона Постников был кем-то вроде очень мелкого преступника, почти хулигана, который поработал на серьезных людей мелкой шестеркой за 'башмалу' (то есть не очень большие наличные деньги) и первый шаг к легализации. При случае с такого можно снять немного денег, преследовать серьезно - нет смысла.

Он был готов. Алексей с отвращением посмотрел в угол, на коробку 'санитарно-утилизационного фильтра', то есть обычного биотуалета. Кассету с гелевым адсорбентом надо было сменить еще пару дней назад и если сегодня в клубе не дадут мелочи 'за спасибо' - то есть 'на чай' - то придется отказаться от нескольких обедов ради санитарии. Деньги то у Постникова были, но почти все их сегодня предстояло отдать на квартплату районному жилуправлению и так называемый 'добровольный взнос на благоустройство территории'. Последний представлял собой обычные поборы местной 'коалиции'. Впрочем, надо признать, вполне умеренные поборы.

Вообще местный криминал крышевал недвижимость плотно, однако без особого экстремизма. Ведь если драть с человека три шкуры, он просто переедет в другой дом или попробует накопить на жилье получше. Поэтому 'районщики' брали на карман посильно и отчасти даже следили за порядком в общагах. Но еще надо было купить иммуноблокатор на неделю, заплатить за

прачечную, чтобы не выглядеть совсем опустившимся бомжом, и по мелочи... Так что даже при самых минимальных тратах бюджет Постникова обещал выйти в минус.

Алексей посмотрел на голую стену, украшенную старым календарем пятилетней давности. С выцветшего от времени листа 'негру' очаровательно улыбалась нарисованная девушка в микроскопическом бикини и подписью 'Опасайся ультрафиолета! Носи шляпу, раз другой одежды нету!'.

С нижнего этажа донеслись звуки потасовки и вопли. Гремело что-то металлическое, глухой стук отдавался в стенах. Кто-то заорал, призывая на помощь, кто-то вопиял, требуя 'увещевать грешников отринуть грех'. Хорошо поставленный - не в пример соседскому певцу - голос запел:

- Вставай, проклятьем заклеймённый, народ Христа на всей Земле!

'Началось' - мрачно подумал Алексей. Опять схлестнулись местные гопники и 'красные проповедники', это надолго... Значит придется идти по запасной лестнице, где легко найти совершенно отдельные приключения.

Но придется... Глинский не выносил опозданий и вообще непунктуальности.

Чуть дрожащими пальцами Постников достал из кармана мятую пачку-картонку 'Черномора', которая на самом деле была не картонной, а из тонкого ломкого пластика. Вытряс последнюю сигарету и глубоко затянулся. Воздух, пройдя через фильтр и маленькую одоро-кассету, наполнил легкие морозной, колкой свежестью. В голове стало пусто и легко, заботы и тревоги отступили куда очень-очень далеко. К сожалению сигарета была контрафактной и 'перезаряженной', фильтр выдохся буквально за несколько затяжек.

Пора.

Утро за утром.

День за днем...

Глава 12

Настоящее

Гречневая каша - это не очень вкусно, особенно без мяса или хотя бы овощей, зато удобно, питательно и в целом здорово. Тем более если помнить, что в сфере протезирования самая прибыльная и динамичная сфера - не руки-ноги и прочие глаза, а композирование желудочно-кишечного тракта. Кроме того, это экономно и просто - обычно Алекс вечером заливал кипятком термокружку с пригоршней крупы, а утром соответственно получал готовую порцию. Осталось только приправить ее гарниром из соевых кубиков. А можно и не приправлять... Вкуснее все равно не станет. И немного 'креветочного порошка'. Раньше он действительно делался из креветок - первые годы после Большой Войны, которая основательно приложила мировую экономику, в том числе продовольственную, но не сократила население настолько, чтобы уравнять пропорции. В то время промышленная добыча и переработка планктона стали почтенным и уважаемым бизнесом, который спас от голода мир. Главным образом Западную Европу, на чьей территории схлестнулись ОВД и НАТО. Мелкие морские членистоногие стали основой, на которой воздвиглось несколько почтенных и процветающих по сию пору синдикатов.

Но 'давеча' - не то, что 'нонеча', теперь креветок в порошковых концентратах не имелось ни в каком виде. Только нефть и дрожжи, прошедшие длинную цепочку преобразований на заводе биосинтеза. В народе к таким эрзацам относились с предубеждением, примерно, как в мире Постникова к ГМО. Доктор Эл в свое время объяснил, что это глупость - белок есть белок, равно как и все остальные питательные вещества. И люди умирают не от пищевой синтетики как таковой, а от аллергических реакций, которых не избежать, если жрать копеечное, не очищенное барахло. Поэтому Алекс закупался в сети 'Океан', пусть и регулярно кривясь от цен.

Пока соя напитывалась кипятком, Постников заправил в инъектор ампулу с 'конъюктором'. Попутно подумал о том, какими интересными способами можно отслеживать свой подъем в обществе. До высококлассного 'креатина ZKB' он вряд ли доберется, по крайней мере в обозримом будущем. Но уже может не пользоваться дешевым 'витакрионом' и тем более копеечными индийскими подделками, которые тюльники-'айболиты' бодяжат

из всего, что можно растворить в воде.

С тихим шипением инъектора еженедельная доза иммуноблокатора отправилась в вену. Строго говоря это был не совсем блокатор иммунной системы. Хитрая фармакология работала гораздо тоньше, чтобы счастливый обладатель протезов не заботился об отторжении металла и пластика, но при этом и не умер от простуды или 'меха-тряса'. Но Постников в такие нюансы не вдавался, ему хватало того, что Доктор Эл продавал своему работнику гостовое снадобье по полной стоимости, но гарантированного качества.

Дом просыпался.

Хороший дом, не сравнить с прежней 'общагой'. Хотя био-горшок все-таки остался предметом интерьера. Робоассенизаторы вычищали местные санузлы совершено чудовищными средствами и, заработав химический ожог на седалище, Постников снова купил 'санитарно-утилизационный фильтр' для личного пользования. Все равно он жил один.

Почти один...

Алексей поежился и запахнул халат плотнее. В доме было проведено отопление, но больше десяти градусов оно не давало. ЖЭК радостно мутил с бойлерной, электрик подкручивал все термодатчики, какие надо, и согласно показаниям систем контроля, во всем здании имелись положенные нормативными документами плюс восемнадцать.

Обычный завтрак Постникова был недостоин специальных ритуальных ухищрений, поэтому Алекс просто смешал все в одноразовой миске, пробормотал под нос 'ирландское рагу подано' И, прежде чем взять ложку, ткнул пальцем в сторону 'Минителя'. Старенький коммуникативный агрегат когда-то поставлялся на рынок в рамках социалистической кооперации между СССР и Францией. То было еще в те времена, когда слова 'социализм', 'капитализм' и прочая дружба народов еще что-то значили. Теперь 'Минитель' бесповоротно устарел и конечно не шел ни в какое сравнение с новейшей техникой. Но даже не принимая во внимание вопрос цены, с современными гаджетами у Постникова однозначно 'не ладилось'.

Здешняя кибернетика шла весьма самобытным путем, поэтому Алексей не мог до конца адаптироваться к совершенно иным принципам. 'Од./отзв.' вместо 'вкл/выкл'. Инфракрасные датчики вместо сенсорных экранов. А вместо обычных компьютерных мышей использовались приспособления, больше всего похожие на ложементы под руку пришельца из 'Вспомнить все', реагирующие на определенные положения пальцев. Только базовый список 'распальцовок', который Постников как-то раз

зарисовал интересу ради, включал в себя полсотни машинных команд. Да и само по себе слово 'компьютер' не было в широком ходу, если не принимать в расчёт графов, работавших с индийской машинерией. Вместо него чаще использовались по ситуации классические 'ЭВМ', 'СВУ', 'калькулятор' плюс жаргонные производные. Вроде 'кильки' - так (от 'калькулятора') называлась совсем слабая и плохая аппаратура.

Ну и конечно интерфейсы...

Вся местная кибернетика строилась на специализации и принципе 'сделай сам'. Концепция усредненного пользователя и 'защиты от дурака' имелась, но в очень усеченном с точки зрения Постникова виде. В школах почти не преподавались иностранные языки, зато уже в младших классах недельный курс информатики включал минимум десять часов в неделю. Такой подход вкупе с принципом 'клиент получает все и за все платит' изначально готовил десятки миллионов пользователей, привычных к сложным специализированным контурам под конкретные задачи без какой бы то ни было стандартизации. Алекс предполагал, что админ или программист с большим опытом из его мира со временем разобрался бы с логикой местных интерфейсов и инструментарием. Но сам он адаптироваться так и не смог, поэтому пользовался только наиболее простыми устройствами.

Постников расхаживал по комнате, прихлебывая гречнево-соево-синтетическую бурду, а 'Минитель', перенастроенный из коммуникатора бытовых услуг в телевизор, вещал. Алекс быстро перебирал программы, командуя 'дальше'.

Образовательный канал, английский язык... Этот Постников 'перелистнул' особенно быстро - то, что здесь понималось под 'английским' ему буквально резало уши, потому что по факту это был скорее технический жаргон на основе индийского произношения. Оказалось, в том, что пол-мира говорит по-русски, тоже есть свои недостатки... По крайней мере для Постникова.

Открытые новости... Обсуждается вопрос об уголовной ответственности за пользование нелегальной сборкой хрома. Прямые включения из Верховного совета РСФСР, депутаты дружно одобряют и восхваляют законодательную инициативу правительства. Все для блага человека, нет спроса на контрафактный товар, соответственно нет смысла его предлагать, вполне логично. Широкие апелляции к опыту успешной борьбы с нелегальными 'перезарядчиками' дыхательных фильтров.

Постников хмыкнул, ухмыльнувшись при слове 'успешная' и переключил дальше.

Завершен монтаж третьей очереди Центрального вычислительного комплекса Госплана СССР. Ввод в эксплуатацию

ЦВК значительно повысит эффективность управления советской экономикой. Крупнейшие тресты уже начали переговоры относительно будущих долей в рабочем времени комплекса...

Международные новости. Король Афганистана Ахмад Шах прибыл с визитом в Ташкент. На встрече с руководством Узбекской ССР будут обсуждены вопросы, представляющие взаимный интерес.

Бюллетень ТАСС. Цифровой паразит нарушил работу платежных систем Калифорнийского мегаполиса. Территория от Сан-Франциско до Сан-Диего погружается в хаос. В некоторых районах Большого Лос-Анджелеса ощущается нехватка продовольствия и предметов первой необходимости. Генерал-сенатор Брайан Майклз ввела чрезвычайное положение. Государственный Секретарь США Луиза Вероника Густаффсон (фото немолодой, коротко стриженной тётки в песочном камуфляже казалось знакомым) прервала турне по странам Океании и вылетела в административный центр Юго-Западного Содружества - город Сакраменто.

Алекс вздохнул и переключил новостной контур. Постников не мог позволить себе настоящие, 'глубокие новости' с репортажами 'гонзагамо' и коммент-бегунками, такая подписка стоила в разы дороже его месячного жалования. Но даже самый простой абонемент от МинСвязи оказывался куда интереснее общедоступных новостей.

Новости закрытой подписной сети. Горсовет опять поднял сборы за загрязнение атмосферы выхлопными газами. Трест СоюзАвтопром хочет всех пересадить на аккумуляторные машины и даёт на лапу властям. При этом новый аккумуляторный Москвич будет стоить от двух тысяч рублей. Рассрочка от Автопрома - это кабала, не расплатишься...

Постникова слегка замутило - небольшой побочный эффект качественного конъюктора. Алекс убавил звук 'Минителя' и вернул обычные, общедоступные новости. Торопливо доел 'ирландское рагу', пока оно еще лезло в глотку. Завтраки Постников не любил, но до вечера нормально перекусить не удастся, а уличной еды он избегал. Отчасти под влиянием лекционов Эла относительно дешевой пищевой химии, а отчасти в силу памяти о своем первом визите в 'Креву'.

У него было еще минут двадцать, Постников специально встал пораньше, чтобы успеть похолостить. Пустая миска отправилась в мусорное ведро. Алекс потер руки, разогревая связки, 'раскручивая' суставы. Достал из оружейного ящика ММГ, то есть массо-габаритный макет оружия.

- Время холостить, - тихо напел себе под нос Алекс, чувствуя

левой ладонью твердую насечку пистолетной рукояти. Копия повторяла немецкую версию десятизарядного Макарова во всем, включая вес до грамма. Только вместо пулевого ствола - контрольный лазер.

- Кто холостит ствол по утрам, тот поступает мудро... - речитативом проговорил Алекс, вскидывая оружие.

* * *

Былое

Настоящий пистолетный выстрел дает очень малый, почти незаметный огненный выхлоп, не сравнить с кинопушками. Зато очень больно бьет по ушам - не только звуком, но и вполне настоящей, ощутимой ударной волной. Вибрация передается даже через скамьи и стойки для раскладки снаряжения. Поэтому средства защиты - очки и наушники - были обязательны для всех стрелков. А для обслуживающего персонала (то есть отдельно взятого Алексея) - нет. По желанию и возможностям, на собственное усмотрение. Постников сначала рассчитывал сэкономить хотя бы на 'ушах', но уже во второй день сдался и потратился на самые простые, наушники гнусного зелено-желтого цвета с поролоновыми подушками. Затем пришлось купить и прозрачные пластиковые очки, после того как случайная гильза прилетела прямо в глаз и больно обожгла. Так что теперь Постников был почти похож на настоящего 'пистолетчика' из тира 'Сокол' при ДОСААФ. Для полного сходства оставалось лишь выпустить из рук 'звягало' и прекратить сутулиться.

- Дометешь, потом заряди магазины, - Глинский махнул рукой с пухлыми сосискообразными пальцами в сторону оружейного стола. - По семнадцать. По семнадцать! А не пятнадцать, как в прошлый раз...

- Я понял, - тихо отозвался Постников, не поднимая головы и шаркая гильзосборником по деревянному полу, крашеному синим и красным. Длинная лыжная палка с магнитом на конце собирала стреляные гильзы, которые тихо звякали и постукивали, собираясь в ком. Из-за звука штуку и прозвали - 'звягало'.

Глинский посмотрел на уборщика-помощника, и Постников, даже не поднимая головы, почувствовал, как инструктор мрачно и неодобрительно покачал головой.

- И месячный отчёт сдавать надо. Чтобы к понедельнику все пересчитал и разнёс по ведомостям. Хоть одной гильзы не хватит, вычту из зарплаты.

Алексей склонился еще больше и зашаркал палкой с магнитом еще старательнее.

- Вот криворукое цефало... - подытожил инструктор и вернулся к обычным инструкторским занятиям.

Постников дособирал блестящие цилиндрики, стряхнул 'улов' в большую корзину и побрел снаряжать магазины к чешским репликам 'Троянца'. В такого рода кружках обычно отстреливали старые списанные 'Токаревы' еще шестидесятых годов, но 'Сокол' был довольно обеспеченным тиром и потому использовал вполне современное оружие, как настоящий стрелковый клуб. Конечно для тех, кто мог заплатить за аренду. От ДОСААФ, как и многого в этом новом Союзе, осталось одно название и витрина. Остальное функционировало на вполне коммерческих основах, успешно 'монетизируя' прежние активы.

Была суббота, около восемнадцати часов и соответственно тир пустовал. Рядовые клиенты торопились урвать побольше от вечера перед выходным днем, им было не до тренировок. А не-рядовые станут подходить часам к десяти и позже. Поэтому в ранний вечерний час у стойки находился только один стрелок. И в его сторону Постников старался не смотреть, даже вскользь, даже случайно.

- Ну чего, на 'лошадку'? - жизнерадостно вопросил Глинский у стрелка. - Щас наш криворукий магазины доснарядит и поскачем.

Алексей едва не выронил машинку для зарядки, но вовремя поймал и с удвоенной силой защелкал патронами. Желтые цилиндрики прыгали в горловину двурядного магазина один за другим, громко и весело щелкая. Пятнадцать... шестнадцать ... семнадцать... восем...

А сколько он уже зарядил? Это был восемнадцатый, то есть лишний, или еще нет? Постников зажмурился, пытаясь подсчитать. Потряс магазин, угадывая степень заполнения по прорезям на серо-черном боку с выступающим ребром жесткости. Но ничего не понял. На его счастье инструктор и тренирующийся стрелок увлеклись своей беседой.

Инструктор вообще был своеобразным человеком. В иной обстановке Алексей даже счел бы его очень интересным дядькой (в хорошем смысле слова). Внешне Сергей Глинский походил на повзрослевшего и заматеревшего Винни Пуха, которого побрили налысо и увенчали круглую голову шишкообразным шрамом. Жизнерадостный толстяк с маленькими быстрыми глазками много шумел, весело бранился и любил буквально толкнуть пузом проштрафившегося. В общем добродушный, почти сказочный персонаж.

Однако даже далекий от дел военных Постников уже успел заметить, что на самом деле Глинский не толстый, а широкий, и

под жиром скрываются вполне серьезные мышцы. Временами, особенно вечером, когда клуб пустел, из-под маски веселого медведЯ проглядывал истинный образ инструктора, на который даже коситься было страшно. Глинский переставал шутить, мрачнел, замыкался в себе и начинал стрелять. Методично и жутко, как автоматик или - если прибегнуть к привычному для Алексея сравнению - как терминатор. Магазин за магазином, благо патронов еще до войны было наштамповано несчетное множество, и по сети ДОСААФ они продавались с хорошей скидкой. Пуля за пулей, в одну точку, словно расстреливая некую назойливую мысль или воспоминание. В такие минуты Постников всегда старался оказаться подальше. Больно уж страшным становился пустой взгляд инструктора по стрелковой подготовке.

- По семнадцать, я сказал, а ты уже девятнадцатый суешь! - нетерпеливо указал Глинский, не прекращая беседы со стрелком у стойки. Постников сжал зубы, злясь одновременно и на собственную криворукость, и на инструктора, видевшего все и везде.

Что связывало Глинского и Доктора Эл Постников так и пока и не понял. Профессиональный вивисектор, медик нелегальной трансплантологии и хромирования - и ветеран войны, причем явно не из простой пехоты. Доктор резал людей на органы и протезы, которые затем прихотливыми путями отправлялись на все стороны света. Инструктор обучал людей пистолетной стрельбе, днем по старой памяти - школьников и обычных горожан, вечером серьезных людей. Они не встречались (по крайней мере на памяти Постникова) и не поддерживали особых отношений. Но когда Доктор привел изможденного и порезанного пациента к порогу клуба, Глинский вышел на крыльцо, посмотрел на Алексея, мрачно щурясь, и без вопросов принял 'помощником' на оклад в шестьдесят три рубля. Иногда Постников гадал - не расплатились ли им за какой-то старый долг, но узнать это можно было только у трех людей, которых Алексей боялся до смерти. Двое из них стояли у стойки.

- Я слышал про 'Н.В.М.', - человек в костюме, розоватой рубашке и при галстуке-бабочке говорил как обычно, то есть негромко, почти мягко, но с веской внушительностью. - Говорят, это хорошая вещь?

- Брось, - решительно обрезал Глинский. - Фуфел для тюльников. Спецам иногда нужен, но, скорее, не пистолетчикам, а пилотам. Не погань башку этой дрянью.

- Возможно, мне стоит озаботиться хорошим стрелковым кламмером, - Коллега (так его прозвал Постников) продолжал размышлять вслух, методично и рассудительно. - На улицах все больше 'прошитых' громил, мне становится все труднее с ними тягаться.

- Ты вроде неплохо справлялся, - хмыкнул Глинский, причем это был явно не вопрос, а констатация.

Постникову захотелось натянуть наушники, сейчас сдвинутые к затылку - чтобы не слышать лишнего. Но он и так затянул перезарядку почти десятка магазинов, поэтому предпочел не тратить ни единой лишней секунды. Если Глинский и Коллега сочли нужным не отсекать помощника от разговора, значит так и надо. Но холодок все равно пробежал по спине...

- Да твое дело, хочешь - ставь - пожал плечами Глинский, что при его комплекции выглядело как волна, прокатившаяся под серой курткой от шеи к спине. - Только не эн-вэ-мэ. Это разводка и ушлепа.

- 'Н.В.М.', 'Навыки в мозг', о них неплохо отзывались, - все еще сомневался Коллега.

Постников закончил работу и отступил на шаг от стола, ожидая инструкций, стараясь не привлекать к себе внимания и даже не дышать громко. Но о нем похоже забыли.

- Вот смотри, - Глинский начал загибать толстые, но удивительно подвижные пальцы. - Чего обещают. Ты вколачиваешь себе в голову 'гвоздик', ну, то есть тебе ставят в клинике или цепляют плату к прежней проставке. Потом за шесть часов делается пробивка и на выходе имеешь прописанные в рефлекс навыки лучших стрелков страны. Кузяво?

- Весьма, - согласился Коллега.

- А что на самом деле. Да, все так и есть, но! - Глинский махнул рукой, словно тесаком рубанул. - Это солянка из усредненных параметров. Если ты в них впишешься, хорошо. Но ты в них не впишешься, как всякий реальный человек. Математическая средняя норма она для математики, а не живых мозгов. Другой рост, другой вес, другая длина конечностей и все прочее. У тебя будет как минимум дебаланс сигналов. И, к слову, ни силы мышцам, ни эластичности связкам тебе через разъем не пробьют. 'Утюжок' - это не в голове и даже не в спине, это в руках наработать надо. Ты ж не хуже меня знаешь.

Глинский махнул в сторону стрелковой зоны и белых гонгов на подпружиненных стойках.

- На тренировке это тебе будет стоить едва-едва заметной задержки при стрельбе, с приростом результатов, да. В бою же, на полной скорости и когда в башку ударит адреналин,

разбалансировка уронит все показатели, а возможно попрет противофаза.

- Любопытно, - негромко и задумчиво заметил Коллега. - Значит не годится?

- Ну почему... годится в общем то. Это реальный прорыв, как идея, сама по себе. С ней можно, скажем, освоить новое оружие, привыкнуть к разным накруткам на ствол, отработать новый патрон и все такое. Но база уже должна быть, без нее это все без пользы. И тренироваться потом до упаду, пока с прошивкой друг к другу не адаптируетесь. Как в инструкции - 'Не менее 20-30 часов тренировки до первого реального применения'. 'Навык в мозг' - это НЕ способ быстро и дешево сделать из уличного быдлана камээса по стрельбе. Мушку заваливать перестанет, но не больше того. И это НЕ способ существенно улучшить результаты на знакомом железе. Это способ быстро освоить новое.

Коллега состроил неопределенное выражение лица, которое можно было принять и за сдержанный скепсис.

- Ты то еще ладно, - вошел в раж инструктор. - Ты в любом случае вытянешь, база то у тебя поставлена хорошо. Но щас это фуфло погнали на улицы, контрабандой из Токио и Америки, суют всякому бычью из охранников и мелких контор. А рефлексы то рассчитаны на тренированное тело. Спинной мозг, мышцы, связки, вестибулярка. А какой-нибудь 'кисель' из ЧОК-а попробует крутануть полный темп, да еще 'двоечку' из переката по движущейся цели - и в собственных ногах запутается, поломавшись. Эти ж чудозвоны вражеской мовы не разумеют, инструкций не читают.

Глинский сплюнул прямо на пол, чего Постников за ним ранее не замечал. Видно тема задела струну в душе инструктора, искренне любящего свое дело.

- Тренажеры эти, с 'дополненной реальностью', 'виртуозности' всякие... Это не тренажеры - везде же пишут черным по белому или как получится - не тренажеры! Это средства для записи работы, и контроля, для рекомендаций поставщику, дескать вот я проделываю то же самое, но держу левую руку на полсантиметра ниже, обратите внимание, выигрыш в ноль-две секунды. И производители 'Навыков', кстати, тоже честно предупреждают - злоупотребление 'тирами' препятствует адаптации программы под носителя. Но никто ж не глядит сопроводиловки и техдокументацию! И вот какой-нибудь мелкий 'волчок' или 'кореец', или даже какой-нибудь якудза экономит на всем с полгода, покупает коробочку, забивает в мозги всякую гадость и радуется - какой он теперь крутой пистольеро и как здоровски он теперь стреляет! А потом в реальной перестрелке мажет на метр и

отправляется в морг. И, вообще, в пистолетную стрельбу эту штуку какой-то продажник сунул. Вот пилоты - те, да, кипятком писают от 'Навыков'.

- Я понял, - сказал Коллега. - Понял. А ты конкуренции не чувствуешь? В нашем деле все больше электроники и Числа...

- Да какая конкуренция... - Глинский пренебрежительно махнул рукой. - Я ж не с широких народных масс зарабатываю. Ко мне идут те, кто знает толк в деле. Чтобы научиться стрелять, надо много стрелять, вот и все.

- Значит надо больше стрелять, - усмехнулся Коллега.

- Давай на 'коника' - инструктор показал на конструкцию в виде платформы, подвешенной на цепях, сантиметрах в двадцати над полом. - Один магазин спокойно, без экстремизма, для разгону, потом на скорость поработаем, двойками попеременно с правой и левой. Убогий, тащи магазины! А то застоялся без дела...

Глава 13

Настоящее

- Выступая на церемонии запуска Трансандского водовода президент Боливарианской Федерации Анхель Кабрера призвал боливарианскую нацию сплотиться и дать отпор происках внешних сил, посягающих на завоевания революции. Ранее президент Кабрера неоднократно обвинял ЦРУ США и компанию United Petroleum в причастности к беспорядкам, вспыхнувшим в штате Венесуэла...

Щелк. Щелк. Щелк. Перезарядка должна быть доведена до точности и скорости машины-автоматика. Оружие следует держать выше, в районе ключиц и кадыка, выворачивая кисть. Магазин входит в шахту, 'доколачивать' его ладонью не следует, если конечно все сделано правильно. Так экономится время. Затем ладонь ложится сверху на затвор. Рывок к себе и отпустить, как можно резче и быстрее. Немало районщиков, дорвавшихся до гостовского огнестрела, сложили головы потому, что перезаряжали 'по-киношному', с неторопливым оттягиванием затвора и сопровождением рукой при обратном движении. Как любит говаривать Глинский - в стрельбе нет такой проблемы, которую нельзя было бы решить передергиванием затвора.

- Определены даты гастрольного тура всемирно известной исполнительницы Саши Олдбери и ее 'Электронного квартета Кейон'. Заказ билетов и подробная информация через цифровой кассовый центр 'Муз-Треста'.

Лязг металла успокаивает, загоняет мысли в определенный ритм. 'Винтовка рождает власть', а пистолет в руке напоминает - ты уже не отброс общества, не полное ничтожество, презираемое всеми, даже уличными проститутками. Ты - человек с оружием. И пусть это всего лишь точный макет - настоящий (ну, почти настоящий) ствол лежит совсем рядом, только руку протяни.

Щелк. Щелк. Щелк.

- На орбитальном комплексе Мир-8 продолжается монтаж завода сверхчистых материалов и препаратов. Близится девяносто седьмая годовщина Великой Декабрьской Революции. Взяв на себя повышенные обязательства, орбитальные монтажники

рассчитывают подготовить завод и провести пуско-наладочные испытания к этому славному дню. Условия невесомости позволят получать материалы с недостижимыми на Земле свойствами, и продукция завода внесёт заметный вклад в укрепление экономики СССР. Интервью с командиром экипажа Андреем Ломовым читайте в новом номере журнала 'Огонёк' по адресу Правда.Огонёк.Космос.458173.

Вынос пистолета вперед и от себя, на одном плавном движении, белая точка мушки должна 'ложиться в стакан' целика, чуть ниже мишени, которой служит черная клякса на стене. А теперь снова, весь комплекс, начиная от подхвата магазина. Каждое утро и каждый вечер, по двадцать минут такого 'холощения', в дополнение к обычным тренировкам в тире.

Постников опустил пистолет и перевел дыхание. Основная проблема так и осталась нерешенной - Алекс хронически, раз за разом 'срывал' спуск, дергая крючок чуть сильнее и резче, чем требовалось. Причем независимо от того, какой рукой стрелял, правой или левой. Красная точка лазера зажигалась чуть в стороне от кляксы, отчетливо показывая несовершенство стрелка.

- Киностудия имени Хосе Марти сообщает, что продолжается показ в широком доступе повторной экранизации остросюжетного исторического фильма 'Операция 'Радость'. На первой неделе работу кубинских кинематографистов в Германии просмотрели четырнадцать миллионов пользователей. Министерство культуры ГДР выступило с заявлением о том, что применяемая кубинской стороной методика подсчётов не учитывает многоканальные схемы доступа, и средства, перечисляемые студии, будут основываться на счётных алгоритмах правительства Демократической Республики. Оспариваемые выплаты, таким образом, составляют 1,7 миллиона единиц СЭВ...

Постников убрал тренировочный макет и вытер левую ладонь полотенцем, криво ухмыляясь. Великая Годовщина, да... Еще про завоевания декабря не упомянули.

Естественно, одним из первых занятий Алексея в новом мире была попытка разобраться - куда же он наконец попал, и почему здесь все устроено таким причудливым образом. К сожалению, особых успехов он не добился - официоз сочился патокой славословия с минимумом достоверных фактов, а подпольные ресурсы вообще обходили исторические темы, сосредотачиваясь на настоящем. Однако общую картину сложить более-менее удалось - в основном, по серии повестей 'Пламенные

революционеры', что в изобилии имелись на забытой каким-то школьником 'читалке' с подключением к РОНОшной библиотеке.

Насколько понял Алексей, до определенного момента две параллельных исторических ветви шли примерно одинаково, но разумеется с некоторыми различиями. Революция произошла не в октябре семнадцатого, а годом позже и в декабре. Вторая Мировая как таковая не случилась, расколовшись на несколько самостоятельных конфликтов, причем Британия воевала с Америкой, а Япония была союзником СССР. И так далее. Тем не менее, результат оказался близок к 'реальному' - оформление двух противоборствующих блоков, поделивших весь мир. И то, чего противники не добрали в сороковых, они решили наверстать в восьмидесятых. Точнее летом тысяча девятьсот восемьдесят шестого. А началось все в Корее, которой, видимо, высшие силы предначертали несчастливую судьбу в любом варианте истории...

Мысли о былом были грубо и радикально развеяны настоящим. Вибрация дентофона ввинтилась в нижнюю челюсть, покалывая корни зубов, и больно отозвалась в гайморовых пазухах. Постников машинально выругался - он все никак не мог привыкнуть к новой приблуде. И конечно же брань дошла до ушей звонящего.

- Когда аппаратуру нормально освоишь? - неприветливо спросил Коллега. Голос его оставался тих и размерен, но дентофон отлично передавал речь, отсекая все сторонние шумы. Кроме того, Алексей уже привык улавливать слабые интонации помощника Доктора.

- Скоро, - коротко отозвался Алексей, бросая беглый взгляд на часы. Опция хронометра предполагалась в его глазном протезе, но, чтобы включить ее требовалось немного пошаманить над программным обеспечением. Кроме того, Постников инстинктивно сторонился все еще чуждых ему новшеств наподобие всяких 'рефлексов в мозг' и засорения зрительного поля инфографикой.

- Я срочно уезжаю, неотложные дела, - сухо проинформировал Коллега. Постников незаметно вздохнул, уже понимая, чем это обернется лично для него. - Прихвати от Доктора инструменты, заменишь меня сегодня на планерке. Вечером перед встречей в "кабуки" зайди в адрес, прихвати у нашего друга что-нибудь полезное. Пригодится.

- Я понял, - ответил Постников, стараясь не выдать голосом вспышку раздражения и злости. То ли ему не удалось, то ли Коллега решил еще раз 'накачать' помощника должной инициативой и исполнительностью.

- Вечером все будет очень важно, - выговорил невидимый

собеседник, четко разделяя слова, как автоматик контроля.

- Я понял, - повторил Постников, и Коллега отключился.

Алекс перевел дух, позволив себе шумный выдох облегчения. К Доктору он более-менее привык, а вот правая рука вивисектора по прозвищу Коллега до сих пор приводил Постникова в состояние нервной дрожи и плохо скрываемой паники. Если у человека в костюме и бабочке было имя, то знал его только Доктор. Для всех остальных он был просто 'Коллегой', как и называл своего помощника Эл. Телохранитель и по совместительству младший партнер Доктора умел многое и пользовался заслуженной известностью в узких кругах нелегального хромирования и трансплантологии. Говаривали, что он 'мичуринец', то есть бывший боевик МНТК прикладной генетики имени Мичурина, но может быть вообще не человек, а клон. Так или иначе, достоверно было известно лишь то, что в теле Коллеги нет ни грамма аугметики, при этом в рукопашной он мог буквально разобрать на комплектующие полноценного бойца-'кибернетика'. Что однажды и сделал во время командировки в 'Красный треугольник', когда конкуренты Доктора заключили разовый договор на услуги корпоративного арбитража с небезызвестной 'Shiawase Corp.'. Коллега пугал Постникова еще во времена бесславной службы в тире, пугал и сейчас - невероятным, каким-то запредельным хладнокровием, присущим скорее машине или рептилии, нежели человеку.

Итак, планы предстояло подкорректировать. Сначала в контору к Доктору, забрать необходимое для полуденной работы. Затем 'планерка', то есть плановая работа взыскателя... Постников сглотнул, пытаясь прогнать по пищеводу появившийся во рту горький желчный привкус. Не лежала у него душа к этой 'работе'. Но надо, значит надо. Если следует завернуть в контору, то пора собираться, и быстро.

Постников оделся не броско, в поношенную неприметную одежду. Не обноски, как несколько месяцев назад, а прочное и добротное шмотье. В таком можно сойти за своего и на окраинах, и в центре... ну, положим не в самом центре, но около того - вполне. А в 'белый круг' его все равно не пустят, вежливо, но однозначно.

Алекс сунул в один карман удостоверение личности, в другой - пистолет. Одноразовый, керамический, с несъемной кассетой на десять патронов калибра восемь миллиметров. Хорошая японо-китайская копия американского оригинала, бьет недалеко и слабовато. Но по крайней мере отстреляет весь запас, в отличие от индийских штамповок, которые разваливаются на пятом-шестом выстреле.

Вечером предстоит неотложное, 'очень важное' дело, о котором отдельно предупредил Коллега, хотя все было обговорено еще вчера. Одно из тех, которые съедают много нервов, но приносят хороший доход. Чаще всего они заканчиваются хорошо, но если все идет плохо, то - совсем-совсем плохо, хуже некуда. Так что к вечеру и "кабуки" следует подготовиться особенно тщательно.

'Зайти по адресу' - значит к Глинскому. Что-то будет. Что-то определенно будет...

* * *

Былое

Высоко над эстакадами вспыхнуло ослепительное сияние, оформилось в световое полотно, мерцающее многометровыми буквами 'SO.LO.TO'. Рекламная надпись рассыпала брызги желтого и красного, будто пылала настоящим огнем. Буквы свернулись лентами Мебиуса, затем переплелись лентами и образовали картину земного шара, раскрашенного в яркие ультрамариновые оттенки. А 'SO.LO.TO' побежали хороводом, опоясывающим голографическую планету по экватору. Реклама нового переносного компьютера - 'калькулятора', а также 'варежки', то есть управляющего интерфейса от 'H-NN'.

Конгломерат, составленный общими усилиями двух гигантов 'Horizon' и 'NeoNET', был не единственным 'капиталистическим' синдикатом, который сумел закрепиться на советском рынке 'бытовых товаров и услуг'. Однако единственным, кто всерьез конкурировал с отечественным производителем, благодаря работе в тесной связке с трестом 'Правитель'. Советский трест обычно оставался в тени, но деятельно способствовал агрессивной рыночной политике 'H-NN', получая взамен открытую калитку в Латинскую Америку и 'ржавый пояс' США. Ходили слухи, что новая 'варежка', обещавшая полный переворот в цифровом деле, это как раз изобретение 'Правителя', который по каким-то причинам решил двигать новинку чужими руками. Но узнать, что это такое и с чем едят можно будет не ранее чем через год - 'здесь' было принято начинать рекламные кампании сильно загодя, методично прессуя общественное потребительское сознание рекламой.

'SO.LO.TO', 'SO.LO.TO', 'SO.LO.TO'...

- Козлы, - прошептал безадресно Постников, в две затяжки приканчивая последнюю 'черноморину'. В это короткое слово он вложил все - усталость, тянущую боль в глазнице, жаркую тяжесть промокшей одежды, разочарование в жизни, граничащее с

ненавистью ко всему миру.

Буквы тем временем опустились на несколько уровней, заскользили сверкающими змеями меж опор эстакад, проходя сквозь края зданий бесплотными молниями. И снова взмыли высоко-высоко, рассыпаясь немыслимо ярким фейерверком, словно карнавальный ядерный взрыв.

- Козлы, - тихо повторил Постников, отбрасывая мятую и пустую пачку левой рукой. Правая сомкнула металлическую хватку на небольшом чемоданчике, похожем на старый дипломат, обтянутый 'кожей убитого дерматина'. Чемоданчик ждал посредника, который ощутимо запаздывал. А Постников при всем желании не мог избавиться от поклажи. Доктор Эл нашел остроумное и практичное применение устаревшему и полуисправному протезу калеки. Специальный ключ блокировал сомкнутые 'пальцы' до тех пор, пока посредник не снимет блок собственным кодом. Так что взяв чемоданчик Доктора Постников мог потерять или иным образом утратить его только вместе с правой рукой. За это Алекс мог подзаряжать аккумулятор протеза от бесконтактной батареи в офисе Эла.

Голограмма 'H-NN' снова полыхнула громадной световой простыней, забивающей все остальные рекламы, в изобилии освещающие район. Повторять ругательство третий раз Постников не стал, предпочтя отступить чуть дальше в тень. Сегодня встреча была назначена на границе между жилыми зонами 'среднего класса' и полосой лабораторно-заводских комплексов, в просторечии - 'лабораторкой'. Ею отгораживался от остального мира 'белый круг' - деловой центр мегаполиса, пуп агломерации и обитель небожителей-'гроссмейстеров'. На границе районов уже было достаточно охраны, чтобы тут не болтались гопота и мелкие мотобанды 'шакалов', но в то же время относительно мало праздношатающихся - добропорядочные граждане спешили домой или в кабуки. А милицейским патрулям хватало обычного паспорта или даже справки от 'Главного комитета химико-металлургических производств (ГК ХМП)', которая заменяла Постникову паспорт. Разумеется, если в аусвайс вкладывалась соответствующая банкнота. Здесь любили обтяпывать дела мелкие 'шмыглы', то есть барыги-посредники, а также 'игроцалы', они же 'деловики' - бизнесмены сомнительных занятий и мутной репутации. Удобно для дел, которым лучше оставаться незамеченными.

А ближе к центру и 'белому кругу' действовали уже особые трестовые пропуски и корпоративные ЭЧК - электронные чековые книжки, привязанные к персоналии владельца, как водительские права. Туда обычный человек мог пройти с большой оговоркой и

оглядкой.

Постников прислонился к стене. Потрогал отвертку через тонкую, противно скользкую пластиковую ткань куртки, поежился. В мегаполисе уже давно сложился собственный микроклимат, иногда выдающий удивительные эффекты. Хотя сейчас формально предполагалось быть ранней весне, было почти по-летнему жарко. И сыро, как на болоте. Душный воздух напитался влагой с отчетливым бензиновым запахом. Чемоданчик оттягивал руку - сам протез был лишен тактильных сенсоров, но побаливало натруженное место соединения металла и плоти. Алексей бросил взгляд по сторонам, но не обнаружил ничего стоящего внимания. Разве что реклама грядущего девайса сменилась завлекаловкой 'Кейона', новомодной электронной группы, уже полгода покоряющей весь мир.

Посредник назначил местом встречи проулочек между стеной очередной многоэтажки и опорной колонной двухуровневой автомобильной трассы. Он опаздывал уже на семь минут. Постников сунул руку в карман, сжав рукоять отвертки в тщетной попытке почувствовать хоть какую-то защищенность. Среди циклопических построек, под огненным небом, видя нечастых прохожих, он чувствовал себя мелкой и бессмысленной букашкой.

Здесь не было ни уже намозоливших глаз 'общаг', ни прочего ландшафта городских 'окраин'. В районах на границе с лабораторками обычно теснились дома относительно старой, довоенной постройки, стилизованные под архитектуру пятидесятых и начала шестидесятых, то есть эпоху позднего сталинского монументализма. Многоэтажки словно вырастали из асфальта громадными пучками призм, стремились к небу узкими и гранеными пирамидами-ступеньками. В сочетании с паутиной более поздних построек, высотных трасс и переходов получалась удивительно футуристическая картина. Она впечатляла, пожалуй, даже больше, чем ультрасовременный модерн центра агломерации, где свет в домах был заперт бронестеклами регулируемой прозрачности, а вся жизнь скрыта за стенами и под землей.

Неподалеку началась перестрелка, Алекс машинально присел, вжимаясь в бетон стены, но почти сразу на стрельбу наложилась уже знакомая и набившая оскомину мелодия - рваный синкопированный ритм с гитарой, перебивающей электронный синтез. И звуки перестрелки, и музыка означали очередную рекламу, невидимую из-за коробки автоматического комплекса. Сериал от Гостелерадио совместно с японцами про 'лолей', который покорил зрителей (особенно зрительниц) на всех материках. С этой 'кабуки' и началась, собственно, мега-

популярность 'Кейона', записавшего открывающую сериал увертюру (понятное дело, привычное ранее Постникову слово 'opening' здесь было не в ходу).

Десять минут, посредника все не было. Алекс подумал, не вызвать ли Эла, но после некоторого колебания передумал. Вернее - решил подождать. Ранее таких задержек не было, но курьера предупреждали, что такое возможно. В томительном ожидании мысли Алекса свернули на уже проторенную и грустную колею - как жить дальше и где достать денег.

Десять рублей в месяц уходило на, с позволения сказать, 'жилье', еще примерно столько же на разного рода поборы от районщиков и столько же - милиционерам. Около двадцати - на еду. Итого минус пятьдесят из шестидесяти трех. В конце месяца Глинский давал премиальные пять рублей из собственного кармана 'за старание'. А на днях обещал накинуть в следующем месяце до десятки за составление Постниковым разного рода бумажных отчетов и отписок, которые сам инструктор терпеть не мог и органически не переносил. Однако с учетом коммунальных трат, отопления, обслуживания протеза и приема иммуноблокаторов - на жизнь все равно хватало впритык. Постников с некоторым ужасом осознавал, что случись какая-нибудь беда, и он останется без средств, без сбережений, буквально один на один со смертью. Даже больной зуб стал бы проблемой почти космических масштабов, не говоря о, скажем, аппендиците. Понятие 'благотворительности' носило в этом странном и причудливом мире очень специфический характер...

Вот почему редкие - не чаще двух раз в месяц - подработки от Эла, приносящие по трешке, были так ценны. И вот почему Алекс с готовностью хватался за них, даже представляя, что находится в контейнере, замаскированном под старый потертый дипломат из преждевременно упокоенного дерматина. Когда не хватает рубля, чтобы включить отопление и всю ночь дрожишь под тощим одеялом, не в силах заснуть от сырого холода - моральные принципы размываются, как песчаная башня, облизываемая волнами. И настает момент, когда ты готов не на все, но на многое. Например, поработать мелким курьером для 'Красной дороги'.

По улице проехал милицейский автоматик, из новых автономных роботов, патрулировавших трестовые районы. Что ему здесь понадобилось - бог весть. Машина ехала по проезжей части с выключенными огнями, наклоненный цилиндр корпуса на трех разлапистых колесных опорах до жути напоминал раскормленного R2D2 из 'Звездных Войн'. Только сменный оружейный модуль с батареей 'слезогонных' гранатометиков и

шокерами выбивался из общей картины. В силуэте машины читалась какая-то механическая целеустремленность, напор примитивного хищника, управляемого максимально простыми инстинктами не рассуждающей программы. Хотя, быть может, Алексу просто показалось, и автоматик ничем особо не отличался от множества других роботов, заполонявших улицы мегаполиса... Но на всякий случай Постников вжался в стену еще больше. Милицейские автоматики встречались относительно редко (пока что), но уже печально прославились многочисленными сбоями программ. Алексу не хватало его природных глаза и руки, поэтому он старался всеми силами избегать роботов. И даже когда автоматик скрылся за поворотом, курьер опасливо поглядывал в ту сторону.

Рядом прошаркал калека-'яга'. Совсем как настоящий сказочный персонаж - приволакивая ногу, с пощелкиванием и стуком при каждом шаге. Как будто действительно ходил на голых костях. Скрипели и постукивали механические колени, а сквозь рваные штанины, обвисшие мокрыми лохмотьями, проглядывал металл. Нищий бормотал себе под нос на одной тоскливой ноте:

- Подайте на 'виту'... подайте на 'виту'... подайте...

Надо думать, бедняга как начал еще днем побираться на 'витакрион' - самый дешевый иммуноблокатор, почти что эрзац, способный только оттянуть начало реакции отторжения - да так и продолжал на ночь глядя, застряв в трансе безысходного отчаяния. Глядя на него, сжимая рукоять отвертки, Алекс почувствовал смесь жалости и ... одновременно превосходства. А затем поймал себя на том, что подумал о нищем побирушке, совсем как уроженец этого мира. Чуждые, прежде неприятные и отвратные жаргонизмы сплетались сами собой, естественно и непринужденно.

'Яга' - пользователь самым дешевым хромом. 'Подвальник' - тот, кто почти не видит настоящего солнечного света. 'Дефект'. И скорее всего 'бродяга', то есть тот, кто ранее занимал куда более высокое положение в обществе. Хромовые ноги были далеко не худшего образца - от 'Тантала' или даже 'Шеррафа', они до сих продолжали работать, даже находясь в ужасающем состоянии. И стоили куда дороже, чем мог позволить себе рядовой советский гражданин. Но теперь их владелец пал на самое дно и вряд ли когда-нибудь поднимется. Рано или поздно привлечет внимание 'стоматологов', промышляющих нелегальными протезами. И - конец.

Та самая судьба, с которой чудом, на толщину волоса разминулся Алекс. И которая может настичь его в любой момент.

Постников замер, сглотнув горький комок. Украдкой вытер со лба обильный холодный пот. Бродяга прошел мимо, даже не заметив курьера. Его глухое стенание, скрип и стук увечных ног затихали, вливаясь угасающей ноткой в ровный гул никогда не засыпающего Города.

Глава 14

Настоящее

Алекс спускался пешком, переходя с этажа на этаж, минуя последовательно 'владения' готов, казуаров и прочей мелкой гопоты. Разгуляться молодежи во всю удаль юных душ не давали старшие из 'коалиций', которые ценили спокойствие и предсказуемость. Поэтому 'владение' выражалось главным образом в мелком вандализме (опять же без экстремизма, здесь ведь людям жить и платить взносы на благоустройство территории) и многочисленных надписях различной степени непристойности. От самых примитивных граффити до полотен, способных проиллюстрировать учебник по сексологии и гинекологии.

Шелупонь, которой нечем было заняться хмурым утром, ошивалась на лестничных площадках, гыгыкала над микротелевизорами. Жадно затягивалась самыми дешевыми 'черноморинами', украдкой занюхивала столь же дешевые порошки - этакий условный аналог слайсов. Украдкой - потому что коалиции не поощряли моду на синтетическую наркоту. Впрочем, поправил себя Алекс, не 'наркота', а 'дурь'. Наркотиками традиционно называли достаточно качественную лабораторную продукцию или натуральный товар, производный от опиатов. Постников невольно улыбнулся, вспомнив один забавный диалог годовой давности.

'Я не наркоман!' - возмутился работник в ответ на очередную шутку Глинского относительно криворукости нанятого бездаря, который небось от заката до рассвета пыхает 'красным перцем'.

'Конечно не наркоман' - искренне согласился инструктор. - 'Откуда у тебя деньги на наркоту? Тебе только занюхивать, бестолочь.'

Все еще продолжая улыбаться, Алекс миновал еще три пролета. Юные гопники вежливо его приветствовали, стараясь, чтобы писклявые голоса городских недокормышей звучали посолиднее. Выражаясь родным для Постникова языком, сам Алекс был здесь в некотором авторитете. Его знали старшие как помощника 'самого Эла' и пару раз видели вместе с Коллегой. Кроме того, Постников аккуратно платил все поборы и не лез в чужие дела. Этого хватало для вежливого нейтралитета сторон. Конечно, уважения здесь не было ни на грош, скорее имело место признание должной опасности между хищниками-шакалами.

Достаточно, чтобы не конфликтовать без весомого повода.

Алекс глянул на полупрозрачный гибкий экранчик, вшитый прямо в ткань куртки немного выше запястья, мигавший цифрами хронометра. Судя по времени, Постников успевал и даже не впритык. Словно аккомпанируя его мыслям, зеленоватый прямоугольник мигнул пиктограммой - водила уже ждал внизу. Тем лучше. Но, подумал пришелец, все-таки надо что-то решать с глазом и его опциями. А то работодатели не поймут...

Ни Доктор Эл, ни Глинский особо не интересовались происхождением работника, однако некое представление о Постникове конечно составили. Алекс не спрашивал, но судя по всему доктор и стрелок считали пришельца жертвой 'лабораторки'. То есть молодым 'ездецом' из перманентно вымирающих сельских районов, который приехал в большой город за удачей, да и попал на работу 'белой мышью', то есть тестировщиком всевозможных хромо-медицинских задумок. Иногда таким удавалось заработать немного башмалы и вовремя соскочить с испытаний. Гораздо чаще - нет. Ну а испытатели церебральных девайсов традиционно заканчивали 'цефалами', то есть попросту говоря идиотами с разрушенной психикой и необратимыми изменениями мозга.

Постников не возражал, потому что таким образом объяснялись почти все странности в его поведении - примитивное знакомство с техникой, слабый, однако заметный акцент, протезы хорошей сборки, но без лицензии. И конечно плохое знание бытовых мелочей. Иногда это самое незнание приводило к проблемам, скажем, когда Постников понял, что он не может найти самые обычные часы и в конце концов освоил примитивный инфограф - тот самый экран на рукаве. А иногда создавало комические ситуации, как с 'наркотиками'.

На втором этаже юного поколения не наблюдалось. Зато настоящий, живой дворник меланхолично изводил с белого кафеля большую красную надпись: 'Смерть буржуям! Огонь в синие зоны!' на самом верху стены, под серо-белым потолком. На первом Постникова уже ждали милиционеры.

Алекс был 'в авторитете', но все-таки скорее заемном, от Доктора. То есть не настолько, чтобы избавиться совсем от внимания мелких (точнее самых низких) милицейских чинов. Поэтому раз в неделю заносил долю малую в опорный пункт милиции. В этот раз милиционеры заглянули сами. Скорее всего решили собрать дань оптом, сразу с нескольких 'подопечных'.

'Баскаки' представляли собой пару уставших, забитых жизнью служак в мятых кителях старого образца, почти без синтетики. И конечно без всяких приблуд вроде бронежилетов и нормального

оружия. Не считать же таковым старые электропистолеты десятилетней давности в наглухо застегнутых кобурах - а то еще выпадет и потеряется подотчетное имущество... Никакого сравнения с подтянутыми, вооруженными до зубов и всегда готовыми патрулями 'МВ', в просторечии 'молодыми волками'. Постников вспомнил милицейскую команду, что 'приняла' и оштрафовала его в первый день новой вольной жизни, сравнил с милиционерами-баскаками и улыбнулся. Впрочем, его улыбку истолковали как проявление вежливости.

Договаривающиеся стороны обменялись дежурными и неискренними заверениями во взаимном уважении, перекинулись парой фраз о тяготах жизни, посетовали на падающие доходы. Затем свернутая банкнота перекочевала в карман, вернее в фуражку старшего из двух милиционеров. Для полной гармонии, в качестве финального штриха, Постников предъявил по требованию свою справку, которая была изучена так, словно увидена в первый раз. На том акт приема-передачи денег завершился.

Постников вежливо распрощался и спустился еще ниже, в подвал, который давно был переоборудован под общедомовой гараж. Там его ждали.

Несмотря на перенаселенность мегаполиса, пробки, привычные Алексу по старой жизни, встречались достаточно редко. Сказывалась многоуровневая планировка города и вынос транспорта на самостоятельные опорно-подвесные трассы, которые могли проходить на высоте до пятидесяти метров и даже выше. Поэтому тот, кто хотел путешествовать оперативно и быстро, садился на машину. Собственного автомобиля у Постникова не было, так что он пользовался услугами бомбил. Точнее одного, знакомого и проверенного.

Строго говоря, частный извоз был запрещен 'со всей строгостью закона' - сначала советским законодательством, а затем и специальными нормами, проведенными по инициативе трестов, приватизировавших общественный транспорт. Минтранспорт вообще нанимал команды районщиков, чтобы те без лишней волокиты громили нелегальных возничих. Но конечно же запрет обходился множеством разных способов.

Старенькая машина удивительно бодро вырулила на подъем, а затем встроилась в поток автомобилей на вынесенной трассе уровня 'плюс два'. Машина бомбилы влилась в общее движение, ничем не выделяясь - за исключением 'Белого круга' на дороге все были равны и новый ультрасовременный электромобиль вполне мог катить колесо к колесу с раритетом, заставшим еще смерть Сталина в шестидесятом.

Негромко бурчало радио, а такт ему сердито бурчал водила, и было от чего. Верховный совет наконец-то сподобился пройтись в ногу со временем и перенять опыт капиталистических монополий, которые конечно загнивают, но иногда все же подают полезный пример. Например, буржуи ломят громадные пошлины на автомобили старше определенного возраста. Тем самым потребитель вынужден менять авто чаще, обогащая монополистов. Советский Союз преломит эту порочную практику через собственное прогрессивное видение, используя общую идею для загрузки производственных мощностей и повышения благосостояния трудящихся.

Водила продолжал негромко, но выразительно рассказывать, где он видел эту прогрессивную инициативу и заботу о благосостоянии трудящихся. Постников откинулся на тощую, продавленную спинку кресла и закрыл глаз. Он уже научился абстрагироваться от электронного изображения, как будто того и не было. Алексу хотелось немного покоя и возможности подумать. Но мысли о работе разбегались по углам, как испуганные тараканы. Радионовости поневоле навели на воспоминаниях о попытке разобраться с историей этого мира...

Почему война не переросла в тотальный пожар ядерного угара Постников так и не понял. Видимо, сказалась разница военных доктрин и психологии в целом. Похоже здесь 'немирным атомом' гвоздили не столько по городам, сколько по районам сосредоточения войск. Но и это не объясняло, почему били мало и словно нехотя, как по обязанности. Война велась в основном традиционными методами, так, будто противостоящие титаны подчеркнуто решали разногласия на сторонних территориях. США и СССР получили по десятку МБР и тем в общем ограничилось. Европе повезло куда меньше... А затем война истаяла, как сосулька, растратившая весь запас холода, запасенного долгой зимой. Руководство двух титанов встало перед дилеммой - конфликт не разрешим конвенционным вооружением, и никто не решился браться за дубину ядерной эскалации.

Дальше началось самое, с точки зрения Алекса, интересное и странное... Не непонятное, а именно странное.

Взаимное уничтожение не состоялось, но послевоенная жизнь от этого отнюдь не стала сытой и привольной. Обычный осколок убивает не хуже ударной волны ядерного взрыва, и потери соперников все равно исчислялись сотнями тысяч. Экономика мировых лидеров шаталась, толпы беженцев ломали устоявшиеся границы, умножая хаос. Мировые лидеры смогли удержать мир на

краю, обуздав войну, но хронически не справлялись с послевоенным обустройством. И тогда за дело взялись военные.

Диктатур никто особо не объявлял. Они просто начали расти, как пресловутые грибы после дождя, во многих странах, включая Союз и Штаты. Наполовину стихийно, как ответ на слабосилие гражданских властей, наполовину как логичное продолжение военного положения. А в СССР формировалась странная и довольно жуткая с точки зрения Алекса экономическая система. Никто не собирался отказываться от 'достижений социализма', никто не собирался отдавать власть. Не было даже тени капитулянтства и готовности сдаваться на милость капиталистического победителя. Однако новая послевоенная жизнь требовала новых решений, а идеалы социализма уже поблекли и мало что значили. Министерства начали укрупняться или наоборот, дробиться, принимая на себя новые функции, сражаясь за долю общего бюджета, а потом и потихоньку 'монетизируя' открывающиеся возможности. По сути, началась 'перестройка', только без всякой капитуляции. Система не ломалась, она приспосабливалась.

Однажды Постников как бы невзначай спросил у Глинского, что тот думает насчет ... и далее обрисовал начало девяностых из своего родного мира. Как фантазию, разумеется. Немолодой инструктор, похоже, еще более утвердился в мысли, что работник стал жертвой бесчеловечных экспериментов над мозгом, потому что посмотрел на Алекса как на клинического идиота. И ответил встречным вопросом - кто же, будучи в своем уме, добровольно отдаст власть и богатство?

А в Штатах шел обратный процесс. Что-то произошло в Америке на грани между войной и миром, что-то очень важное, в самых верхах, но тщательно скрываемое и не афишируемое... То, чего не смогли толком раскопать даже всепроникающие репортеры-гонзагамо. Но старая финансово-экономическая гвардия отошла в тень, уступила буйству новых хозяев звездно-полосатой экономики. Корпорации меняли владельцев, превращались в настоящие синдикаты, укрупнялись, пожирая более слабых конкурентов. Принимали на вооружение методы красных противников - план, государственные гарантии, еще раз план и упорядоченность, замешанные на новом поколении электроники и экономической прогностики.

Военные диктатуры понемногу размывались, 'цивилизовались' - по мере того, как милитаристы открывали в себе вкус к роскоши и деньгам, входили в правления корпораций, выписывали 'золотые парашюты' и обеспечивали будущее своих детей в новой элите.

К двадцать первому веку формально непримиримые противники - капиталисты и социалисты - окончательно утратили сколь-нибудь существенное различие. Они стали зеркально и страшно похожи. В этом новом мире идеалы и идеологии превратились в мишуру, пустой фасад, прикрывающий реальные дела. Только один лозунг, только одна идея овладела планетой - экспансия. Ресурсы, власть, технологии... и готовность принять ответственность за попытку отобрать у ближнего.

- Приехали, - все так же угрюмо и неприветливо сообщил водитель.

Алекс очнулся от мыслей и обнаружил, что - да, почти приехали. От силы еще пара минут езды. Радиоприемник, старенький, но бодрый, как сам автомобиль, давно сменил волну и транслировал выдержки какой-то беседы. Похоже, это был недорогой подписной канал для 'интеллектуалов'. Передача очень подходила облику водителя, словно списанного с собирательного образа позднесоветского интеллигента при бороде, очках и свитере крупной вязки.

- Мы становимся свидетелями нового поворота мировой экономической истории, которая сама по себе есть мировая история, ибо все суть производное от экономики, - вещал динамик. Голос невидимого диктора был очень хорошо поставлен, но при этом казался голосом смертельно уставшего человека. Или скорее даже проповедника, отчаявшегося привнести истину в этот суетный мир косных людей.

- Мало кто воспринимает ситуацию комплексно. Практически никто не представляет сколь-нибудь отчетливо, какие последствия возымеет окончательная легализация, можно сказать, институционализация практики так называемого 'одностороннего урегулирования деловых разногласий'. Сейчас агенты капиталистических синдикатов и арбитры наших трестов представляют собой скорее фигуру умолчания, овеянную романтическим ореолом. Это новые рыцари, паладины века электроники. Но я советую вспомнить старую формулировку, которую кодекс Арбитров заимствовал полностью, добавив лишь одно слово. 'При принятии решений арбитражи руководствуются не только правовыми предписаниями, но и экономической целесообразностью.'

Скрипнули тормоза. Приехали. Постников утратил интерес к трансляции и расплатился, мысленно уже пребывая в конторе Доктора. Он покинул автомобиль, а сквозь полуоткрытое окно в автомобильной двери вслед ему донеслись финальные слова неизвестного ведущего неведомой передачи. Впрочем, Алекс все

равно не слушал.

- Конкуренция синдикатов обретает все более устрашающие формы. Близится эпоха новой войны, безжалостного противоборства всех со всеми, когда полем боя станут не линии фронтов, но улицы, кварталы и целые города. А солдатами - арбитры, агенты и наемники. Это - наше скорое и неизбежное будущее... Это - грядущий 'золотой век'.

* * *

Былое

Доктора Постников опасался, что, впрочем, уже стало нормальным состоянием пришельца. И было отчего. Эл являлся клиническим, рафинированно чистым примером адаптации человека к идеалам бесконтрольной и бескомпромиссной наживы. Говаривали, что в старые добрые времена Доктор действительно был дипломированным медиком, подвижником и энтузиастом. Однако на рубеже восьмидесятых и девяностых годов, когда коммерциализация медицины двинулась семимильными шагами, у доктора словно переключили тумблер - одним щелчком и бесповоротно. Подвижника и энтузиаста не стало, а миру явился хладнокровный делец, намеренный выжать из своих навыков максимально возможную прибыль, до последней копейки. Может быть Эл был таким всегда, до поры успешно скрывая истинное лицо. Может быть случилось нечто, изменившее до неузнаваемости талантливого хирурга. Кто теперь скажет...

Так или иначе, уже к середине девяностых забылось и настоящее имя медика, и его прошлые заслуги. Он стал Доктором Эл или просто Доктором, одним из лучших 'черных' трансплантологов СССР, а может быть и мира. Доктор с одинаковой легкостью работал и с плотью, и с только появившимся хромом, не чурался никакой работы и был абсолютно лишен морали. Нельзя сказать, что Эл был жесток. Им просто двигала расчетливость, всегда и во всем - хладнокровие паука, который неизменно голоден и вечно жаждет добычу. Во имя этой расчетливости Доктор творил такие вещи, которых устыдился бы иной маньяк-садист. Самым удивительным с точки зрения Постникова было то, что Эл не являлся упырем-социопатом. В общении это был вполне милый и душевный человек, временами даже не чуждый доброжелательным порывам души (разумеется, если благотворительность не стоила слишком много денег).

Последние лет пять или шесть Доктор 'работал' одним из

координаторов 'Красной дороги', то есть мировой нелегальной сети трансплантатов и аугментаций. Эл специализировался на поставках из 'Кровавого угла' - так на жаргоне международных вивисекторов назывался регион Кореи, северо-восточного Китая и Японии. Парадиз для 'грязной' медицины, край лютой нищеты, исчезающе малых налогов и вседозволенности. Китай и Корея поставляли самый дешевый 'материал'. Экономнее был только африканский и индийский товар, но с ним связывалось лишь полное отребье, специализировавшееся на костях, 'подержанных' связках и полуфабрикатах вроде биологического клея из хрящей. Страна Ямато, задыхавшаяся от перенаселенности и беженцев из нищей Азии, тоже вносила свою лепту, а помимо того обеспечивала технологическое сопровождение 'процесса'. После расцвета восьмидесятых Япония с трудом удерживалась в табеле стран условного 'второго мира' и старалась привлечь капиталы всеми мыслимыми способами. В том числе противными законам божьим и человеческим.

Ныне Эл брался за скальпель редко, по особым случаям. Своей операционной он не держал, предпочитая работать на выезде или арендовать необходимую площадь в солидной клинике с хорошим оборудованием. Впрочем, время от времени доктор внезапно решал тряхнуть стариной и отправлялся на 'распиловку' просто ради поддержания навыков и контактов, в самые темные трущобы, сопровождаемый телохранителем Коллегой.

Иногда Доктор давал Постникову простейшие задания вроде 'отнести контейнер туда, дождаться посредника, отдать и вернуться с отчетом'. Оплачивались такие труды копеечно, но Алексей был рад и тому. Теперь же он набрался смелости просить о большем. Постникова крепко перепахал образ нищего на танталовых ногах. Настолько, что впервые за время пребывания в новом мире Алексей от мыслей о выживании перешел к думам о будущем. Об обеспечении какой-никакой финансовой стабильности.

Но чтобы попасть к Доктору в неурочный и не назначенный заранее час следовало преодолеть препятствие...

- Что тебе нужно? - спросил Коллега. Спросил как обычно, с пристальным взглядом ничего не выражающих глаз за стеклами роговых очков. Ровно, подчеркнуто вежливо, без эмоций, но так, что у Постникова волоски на руках встали дыбом.

- Я ... - начал было Алексей и завяз на полуслове.

Речь он продумал и отрепетировал заранее, сочтя ее здравой и логичной. В ней коротко и очень адекватно описывалось, почему Постникову следует доверить более ответственные и

оплачиваемые занятия, какая от этого польза собственно Доктору и вообще. Теперь же, под спокойным змеиным взглядом Коллеги Алексей осознал, что язык буквально прилип к небу, а логичная словесная конструкция не стоит и пары французских франков.

- Я ... - повторил Алексей, стараясь разбудить в себе хотя бы малую толику львиной смелости.

- Да? - все так же спокойно вопросил Коллега, аккуратно поправляя галстук-бабочку.

Телохранитель стоял у двери в контору доктора в мягкой, расслабленной позе. Обычного человека вид очкарика в костюме и смешной розоватой рубашке мог обмануть. Но Алексея - нет.

- Мне нужно к Доктору, - решился Постников, стараясь, чтобы требование звучало настойчиво, и в то же время крайне уважительно.

- Зачем?

- Нужно, - упрямо выпалил Алексей, собирая остатки храбрости, как самолет, терпящий бедствие - остатки топлива в пустых баках.

- Если у тебя нет дела, тебе не нужно встречаться с Доктором Элом, - с мягкой настойчивостью указал Коллега. - Он вызовет тебя сам.

- Нужно...мне... - упавшим голосом выговорил Постников, понимая, что красивый и продуманный план налетел на Коллегу, как 'Титаник' на айсберг, со сходными последствиями.

- Не нужно, - человек с галстуком подвел итог одним словом, в котором сквозь бархат вежливости отчетливо читалась сталь.

Постников помялся, глядя себе под ноги, не зная куда деть руки. Он то скрещивал их у паха, то прижимал к бокам. Собственные конечности казались неловкими и бесполезными. Левая ладонь противно вспотела, правая ощутимо поскрипывала.

- Мне бы... - отчаянно импровизировал Алексей, но на этих двух словах импровизация и закончилась.

- Мне нужно больше денег, я хочу больше работать! - наконец выпалил Постников, испытывая болезненное облегчение. Главное было сказано, а дальше будь, что будет.

- Это интересно, - сказал Коллега, склонив голову и глядя на Постникова как большая хищная птица. Алексей мог бы поклясться, что зрачки за стеклами в роговой оправе неподвижны и не сокращаются, как рисованная имитация на стеклянных шариках.

- А что ты умеешь? - спросил Коллега.

- Я могу дальше быть курьером, я могу носить и передавать больше ... предметов, - торопливо заговорил Постников.

Коллега остановил его быстрым движением руки,

одновременно плавным и стремительным, как взмах тореадора.

- Я не спросил, что ты хочешь, - терпеливо и все так же мягко уточнил телохранитель. - Я спросил, что ты умеешь. Например, умеешь ли ты стрелять?

- Стрелять... - замялся Постников.

- Да, стрелять. Например, ты работаешь в стрелковом клубе, где работникам предоставляются скидки. Ты брал в руки пистолет?

- Я не левша... - мрачно отозвался Постников, приподнимая протезированную руку.

- Ну и что? - спросил Коллега с некоторым недоумением.

На это Алексей ответа сразу не нашел. После короткого раздумья он заметил:

- Но я действительно не левша... с левой стрелять буду плохо... да и со скидками патроны все равно дороговаты...

- Разве это забота Доктора? - удивился Коллега, причем похоже искренне.

- Нет, - Алексей склонил голову.

- Именно. Ты выполняешь ту работу, к которой пригоден, - с холодным спокойствием сообщил телохранитель. - Для более ответственных поручений есть более квалифицированные исполнители.

Постников хотел что-то сказать, но промолчал. Говорить было нечего и по большому счету некому. Алексея опалил приступ яростной, не рассуждающей злобы, вспышка ненависти, обращенная на весь мир. Он не видел себя со стороны, однако почувствовал, что краснеет. Губы сами собой вздернулись, а механические пальцы машинально сжались в кулак, громко скрипнув приводами. Коллега не изменился в лице и не сделал ни единого движения. Он даже не смотрел на Постникова, уставившись чуть выше левого уха пришельца из иного мира.

И Алексей ушел. Просто развернулся и молча ушел, потому что никто не ждал от него никаких слов. Все, достойное внимания, Коллега изложил в нескольких кратких фразах. И ничего нельзя было изменить.

'Ты выполняешь ту работу, к которой пригоден'

Все.

В этот вечер Постников впервые с самого первого дня пребывания в Городе выбрался в центр, на те же улицы, по которым не так давно прошел, снедаемый жаждой, голодом и непониманием. Ныне он двигался среди света и огня реклам, толкался среди людей в прозрачных плащах и прозрачных дыхательных масках. Алексею было уже наплевать, что его может остановить патруль МВ, наплевать, что у него нет денег на

штраф. Его гнали вперед тоска и отчаяние.

Мужчины не замечали ссутуленного, плохо одетого человека, у которого даже не было кольца ЧБР - 'чипа безналичных расчетов'. И тем более не замечали женщины. Алексей хотел ощутить себя живым. Хоть кому-то нужным, интересным. Но снова обрел лишь равнодушное безразличие Города, сияющего яркими огнями для всех сразу - и для никого.

Глава 15

Настоящее

Планы несколько изменились. Работа для которой требовалось прихватить 'инструментарий', откладывалась на полдень. А сейчас Постников понадобился Доктору для иного дела. Намечалась внеплановая встреча соратников, на которой требовалось присутствие кого-нибудь из сопровождающих. Обычно с Элом отправлялся Коллега, но сегодня телохранитель был в отъезде и досягаем исключительно по международной связи. Почему Эл решил заменить соратника Постниковым - Алекс не понял. В конце концов Доктор мог купить эскорт профессиональных телохранителей почти любого уровня. Скорее всего медик не ждал ничего плохого от встречи и счел возможным сэкономить. Так или иначе, Алекс воспринял замену со сдержанным энтузиазмом - это указывало на его вполне устойчивое положение в иерархии маленькой империи Доктора и к тому же сулило небольшую премию. А еще Постникову очень не хотелось заниматься тем, что ему предстояло позже, то есть 'планеркой', поэтому любая отсрочка представлялась благом.

Встречались в небольшой пельменной, зажатой среди прочих присутственных заведений на небольшой площади между тремя громадными башнями-призмами жилых комплексов. За стенами бурлила жизнь мегаполиса, внутри же царило спокойствие и какая-то особая, словно законсервированная неторопливость.

Специфика развития 'советского бизнеса' наложила отпечаток на терминологию и традиции. Еще со времен первых цеховиков обычные переговоры не слишком высокого уровня назывались 'преферансом', поскольку именно под эту игру как правило маскировались. 'Бильярд' - это уже междусобойчики птиц высокого полета, собиравшихся в соответствующих заведениях. Соответственно 'бильярдистом' именовали человека достаточно высокого статуса и возможностей, но не из высшего эшелона деловой элиты. А настоящая элита решала свои вопросы в фешенебельных клубах за игрой в шахматы - единственную игру, достойную их отточенного интеллекта. Ну или по крайней мере просто за шахматной доской, инкрустированной драгоценными породами настоящего дерева и с фигурками ручной работы из благородных материалов. Отсюда и пошло слово 'шахматист' в качестве определения деловой элиты общества. Причем 'коммэрсантов' (именно через "э"), а не просто 'богатых и знатных'.

'Игроцалами' презрительно называли всякую мелочь, то есть людей, которые даже не имеют 'своей' игры, достойной их статуса и занятий.

Заведение, где собрались 'стоматологи' Красной дороги, было не просто пельменной, но очень хорошей пельменной, небольшим ресторанчиком, вполне достойным собрания бильярдистов от нелегальной медицины. Оно разумеется не поднималось до уровня полноценного шахматного клуба, где решались по-настоящему большие дела и пара небрежных слов могла стоить десятки миллионов рублей. Однако это была полноценная 'бильярдная' для серьезных людей и внушительных бесед. Никаких автоматиков, только живая прислуга. И конечно же возможность сыграть в статусную игру, буде возникнет таковое желание.

За небольшим овальным столом собрались шестеро. Обычные, непримечательные люди, из которых существенно выделялся разве что Доктор - своим специфическим хромом. У остальных видимых имплантатов не имелось вовсе или приращения ограничивались небольшими, малозаметными устройствами - замаскированный под старомодные очки инфограф, мнемо-приставка и так далее. Двое приезжих обошлись вообще без сопровождения. За спинами остальных маячили люди похожие на самого Постникова - неброские, незаметные, способные сойти за своих и в трущобах, и в относительно приличных районах. Алекс подумал было 'и столь же опасные', но решительно одернул себя - знакомство с Глинским научило его многому, в том числе приучило смирять грех гордыни.

На сине-зеленом сукне стола, имитирующего бильярдный, стояли бокалы, из которых никто не пил, и тарелки со скромной фирменной закуской, к которой никто не притрагивался. Разговор, против ожиданий, очень быстро принял не сказать, чтобы напряженный оборот... скорее в воздухе повисла некая недосказанность. Так, словно за каждой фразой скрывалась угрюмая тень, значившая куда больше обычных слов.

В зеленоватых линзах Доктора нельзя было прочитать ни единой мысли, а сегментированные пальцы-щупальца лежали на столе неподвижно, как мертвые осьминоги. Однако в коротких словах хирурга отчетливо звучала нервозность. Постникову вся встреча с определенного момента стала напоминать воровской сходняк в постановке талантливого западного режиссера - лица и декорации иные, но суть в целом передана точно.

- Леонид, - внушительно и размеренно басил жабообразный здоровяк, которого Алекс назвал про себя 'Ниро Вульфом' (от

имен договаривающиеся персоны воздерживались за единственным исключением, которое сейчас и прозвучало).

- Леонид, так не поступают. Один человек сам по себе ничего не значит и мало что может. Только в коллективе - сила. Объединение - это прогресс.

Жабочеловек пошлепал губами, прочие внимательно слушали чавкающие звуки. Очевидно 'Ниро Вульф' являлся весьма значимой особой, возможно самой авторитетной за этим столом. Доктор хитрым образом переплел пальцы обеих рук, сложные суставы едва слышно пощелкивали. Впрочем, в тишине эти звуки казались щелчками затвора. Постников едва удержался от того, чтобы проверить наличие пистолета - оружие сдали еще при входе.

- Ты отрываешься от коллектива, - продолжил 'Вульф'. - Пытаешься поднимать в одиночку дела, с которыми не всякая коалиция управится. Леонид, это неправильно. Или ты с коллективом, или против.

Жабоид снова помолчал, и все терпеливо подождали, по каким-то неведомым Алексу признакам определяя, что мысль еще не завершена.

- Время выбирать, - с подчеркнутым миролюбием закончил 'Ниро', разволя пухлые ладони. Сказано было предельно мягко, даже мило, однако потаенный вздох пронесся над столом. Очевидно по меркам сборища вопрос был поставлен остро, как хирургический скальпель.

- Я выбрал, - почти без паузы ответил Доктор. Очевидно он давно обдумал и претензию, и возможную оборону. - Или, быть может, к моей работе есть нарекания?

- К тебе нет фуфла, - миролюбиво поднял ладони азиат с роскошной бородой до середины груди и столь же роскошным черепом, выбритым до сияния. Он говорил с едва уловимым акцентом, который, однако не походил на обычный гортанный говор 'басмачей'. Скорее у бородатого стоял кламмер голосового аппарата.

- Фуфла нет, но у нас большие планы. Очень большие. Сегодня - не завтра. А завтра - не сегодня. Мы думаем о будущем.

- Я справлялся ранее. Справлюсь и дальше, - Доктор говорил, как очереди отбивал, по два-три слова-патрона за раз.

- Ты едва справляешься, - мрачно проквакал 'Вульф'. Очевидно беседа дошла до той грани, когда вежливость пошла по боку и претензии озвучивались открытым текстом.

- Пора заканчивать с гордым одиночеством, - сказал третий участник, похожий на седую овчарку с оттопыривающими губу клыками (Постников поймал себя на том, что почти каждый в

этом сборище вивисекторов ассоциируется с каким-нибудь животным). - Входи в коллектив, делись доходами, получай контакты. Живи как положено, в коалиции и рука об руку с людьми. Будет порядок.

- Нет, - отрезал Доктор.

Жабоид снова махнул ладошкой, разом погасив поднявшийся гул, который походил то ли на рокот далекой волны, то ли на шум разъяренного пчелиного роя.

- Подумай, - с морозным холодом в голосе предложил он. И, после короткой заминки, сказал, словно выдавая секрет, которому лучше бы оставаться неназванным. - Видишь ли... теперь кое-что поменялось... В деле арбитры от мытарей. Не при доле, но в числе.

Постников навострил уши, стараясь понять, о чем речь.

- Это вы напрасно... - очень тихо вымолвил Доктор, сжав хромовые пальцы до звонкого хруста. - Очень зря... Этих только пусти к раздаче.

- С арбитрами проще работать, - сумрачно произнес жирный вожак. - Они решают вопросы. И у них есть непонятие насчет тебя.

Эл откинулся на резную спинку, не размыкая сцепленные пальцы, озирая собрание слепым взглядом линз.

- Так вы говорите от себя или ... мытарей? - Доктор едва заметно, но в то же время ощутимо выделил последнее слово странной интонацией. Видимо, присутствующие поняли его в точности, как задумывалось. Вивисекторы вновь зашумели, как просыпающееся осиное гнездо, а Доктор слабо улыбнулся бледными губами.

- Мы это мы, - вымолвил жабоид, теперь в его словах не осталось и тени доброжелательности. Только жесткая целеустремленность и угроза. - Арбитры есть арбитры. Мы делаем товар, арбитры решают вопросы. Больше товара - больше денег и вопросов, которые надо решать. И больше работы у арбитров. Просто, как яга. Нам нужны мытари, они нужны нам. Поэтому мы слушаем их слова и пожелания. Это хорошо для дела. И я тебе говорю...

'Вульф' обвел пристальным взглядом маленьких глазок всех присутствующих, и каждый из звероподобных вивисекторов кивнул, молчаливо соглашаясь.

- Я говорю от имени коалиции, от коллектива. Всему приходит конец. Любое дело начинают одиночки, а двигают дальше - люди. Ты был один, как игла в шприце, и был хорош. Но время одиночек ушло.

- Встать под вас? - уточнил Эл без всякого энтузиазма, старательно изображая скучающее безразличие. - Под процент и

долю?

- Да.

- Никогда, - Доктор снова ответил без паузы и раздумий. А вот 'Вульф' наоборот, молчал долго, с минуту или больше. Молчали и его коллеги, буравя Доктора взглядами одинаково волчьих глаз в которых читалось что угодно, кроме миролюбия и готовности к договору.

- Как скажешь, - сказал, наконец, толстый вожак, с видимой неохотой и тяжестью в голосе. - Как скажешь...

- Война? - отрывисто бросил Доктор.

- Нет, - теперь лидерство в разговоре принял бородатый азиат, приглаживая черную гриву, раскинувшуюся на груди. - Мы с тобой враждовать не будем. Но...

Он вздохнул и буквально дернул бороду, как персонаж сказки про репку.

- Мытари с нами в деле, пусть и на числе. У них будет к тебе хляст. Мы не станем с тобой разбивать и винтить сплит. Но и масковать от арбитров не станем. Теперь это твоя забота.

- Договорились, - решительно бросил Доктор и начал вставать.

- Леонид, - остановил его бородач, вернувшись от малопонятного жаргона к правильной и хорошо поставленной речи. - Это твой выбор, мы с ним не согласны, но принимаем его. И все-таки подумай... Тебе не остановить прогресс. Тебе не остановить будущее.

Доктор не ответил. Он вышел в полном молчании, а вслед за патроном торопливо последовал Алекс.

* * *

Былое

Красноватый свет заливал подвесной вагончик, превращая его в декорацию к фильму ужасов. Словно здесь учинили кровавую резню, забрызгав кровью каждый сантиметр. Последний рейс воскресной ночью, точнее очень ранним утром понедельника... Людей было мало - даже праздные гуляки уже отбродили свое, остальные же давно заснули, готовясь к началу нового рабочего дня. Ближе к центру людей, конечно, было побольше, и на улицах, и в транспорте. Но на то он и центр, чтобы собирать прожигателей жизни, для которых время не имеет значения.

Ближе к конечной станции в распоряжении Постникова оказалась половина вагона. Он сидел в углу, сгорбившись, подняв воротник и глубоко засунув руки в карманы. Было не холодно, но

Алексея все равно морозило, как при хорошей лихорадке - организм не выдерживал стресса и всячески указывал хозяину на свое неблагополучие. Постников бездумно отсчитывал стыки рельса над крышей состава, ориентируясь на характерное постукивание, почти как у обычного трамвая. Один, два, три, пять... и заново. Даже десятки оказывались слишком сложной задачей для измученного и воспаленного разума.

Сегодня Постников пытался устроиться на работу. Снова верхолазом, как без малого пять месяцев назад. Найти специализированные 'круги', то есть подписные сети промальпинистов в местном 'интернете' он не смог - видимо неправильно формулировал запрос или туда можно было вписаться только по рекомендации. Но подготовился старательно, по мере сил - почитал кое-что из профильной литературы, выучил терминологию. Теперь Алекс был уверен, что поднялся хотя бы до уровня хорошего местного подсобника или начинающего высотника-'висюна'.

Но получилось все равно плохо.

Не было никаких тестов и проверок. Алексею просто с ходу предложили сделать диагностику трубы древней котельной, которую теперь приспособили под централизованную вентиляционную вытяжку сразу два конторских блока. Старую кирпичную постройку изрядно ушатало время, а запустить внутрь и снаружи автоматиков не позволяли структура стен и диаметр трубы. Несложная работа для опытного специалиста за очень неплохие деньги - немногим меньше месячной зарплаты у Глинского. Была лишь одна маленькая оговорка - высота трубы составляла ровно сто пять метров, сантиметр в сантиметр, и ветер на вершине соответствовал. Спустившись на первые десять метров и поставив первые два датчика Постников понял, что ... дальше просто не может. Со страхом он еще мог бороться, но болтанка вкупе с общей нервозностью процесса (непривычное оборудование, большой перерыв, ограниченная работоспособность правой руки и одноглазость) вызвали чисто физиологическую реакцию. На альпиниста одновременно навалились клаустрофобия, приступы лютой тошноты и дрожь в левой, 'живой' руке.

Страшно было не выдворение с позором и без копейки денег. Страшно было предательство собственного тела - последнего и единственного, что Постников еще худо-бедно мог считать своим в этом страшном мире. даже с оговорками на хром, части которого он уже лишился. Это было уже слишком, и несчастный пришелец впал в состояние бездумного ступора. Потом начал откровенно чудить - пару часов Алексей в самом прямом смысле

искал деньги на улице, бродя по асфальту и не поднимая головы. Он и в самом деле нашел две монеты - семидесятых годов, еще довоенной чеканки - в одну и три копейки. Теперь Постников возвращался 'домой', вяло раздумывая над тем, чтобы подняться на крышу общаги и шагнуть в пропасть. Благо высота здания не оставляла сомнения в скором и однозначном результате этого мероприятия.

Настойчивое шушуканье вывело Алексея из замкнутого круга мыслей. Он сжал в кармане отвертку - не для защиты, а машинально, Постников уже привык реагировать именно так на любое непривычное событие. Твердая пластмассовая рукоять со сколотым краем придавала некоторой уверенности.

В вагончике осталось, если так можно выразиться, три 'юнита' - сам Алексей, небольшая группа подростков не старше двенадцати-тринадцати лет, и явно подвыпивший гуляка. Хотя... Постников сощурил уставший глаз и подумал, что скорее не пьяница, а перебравший 'ампул' 'вершок' - человек достаточно обеспеченный, чтобы более-менее регулярно видеть солнце из окон нормального дома и конторы. В мире Постникова таких называли 'средним классом'. Здесь же - только жаргонизмом, поскольку официально все советские граждане имели одинаковый доступ к благам.

Обдолбанный гуляка находился в состоянии благостного миролюбия и перманентного счастья. Он разметался по всей скамье, счастливо улыбаясь в пустоту и что-то невнятно бормоча под нос. Маска респиратора криво повисла на одной петле, цепляясь за ухо. Хороший костюм переливался мягким отраженным цветом качественной синтетики 'под шелк'. Галстук был модным - 'техасский шнурок' с витыми черно-золотыми нитями. А еще на пальцах 'наркомана' не было видно кольца с чипом безналичных расчетов. И это означало, что либо некто уже избавил бедолагу от электронной башмалы, либо ...

Похоже подростки (числом трое, все мальчишки) пришли к сходным выводам. Явные выходцы из самых низов, нездорово растолстевшие на самой дешевой и калорийной еде, в бросовой одежде с третьесортных распродаж. И происходили, судя по всему, даже не из трущоб, а вообще из дальних пригородных районов. Что их занесло сюда, в не самую худшую и беднейшую часть города - бог весть. Но занесло. И теперь оборвыши исподтишка бросали на гуляку очень специфические взгляды. Такое выражение Алексей видел у гиен в передачах про живую природу - жутковатая смесь детской опаски, взрослой алчности и звериной осторожности мелких стайных хищников.

Собравшись в компактную группу, буквально носом к носу,

мелкие начали колдовать над какой-то штукой. Судя по всему, коммуникатором или инфографом, которого у шпаны появиться просто не могло в силу не копеечной стоимости. Постников подобрался - незаметно, насколько мог, наблюдая за соседями по вагону поверх поднятого воротника куртки. Алексею очень не понравился оборот событий. У шпаны явно не получалось заставить свежекраденый (а как же иначе) агрегат работать, и это их ощутимо злило. Они шушукались высокими раздраженными голосами, попеременно оглядываясь то на обдолбанного мужчину, то на ... Постникова. Алексей крепче и вполне осознанно сжал отвертку.

Вагон задергался сильнее и остановился на предпоследней остановке. Мужик раскинулся еще вольготнее и что-то ритмично замычал. Видимо душевно пел. В последний момент стайка юных гиен сорвалась с места и дисциплинированно покинула вагон. Зашипела пневматика дверей, состав двинулся дальше, к финальной точке маршрута, очень медленно.

Постников низко склонил голову, чувствуя болезненный жар во всем теле. Но это была уже не лихорадка изнуренного тела и разума, а какой-то странный, болезненный азарт. Пальцы живой руки дрожали, словно каждую жилку били электричеством. Мертвая, металлическая рука наоборот, замерла в неподвижности - устаревшая электроника не могла адекватно интерпретировать хаотические нервные импульсы владельца, а потому просто игнорировала их.

У развалившегося наркомана нет кредитного кольца... Значит либо чип украли, либо в поезд сел человек с наличными - таковых было еще много, несмотря на широчайшее распространение цифровых денег. Человек с деньгами... Мужик в шелковом костюме не казался нищебродом и если не растратил все, то у него есть какой-то нал. Вряд ли много - после бурного вечера карманы имеют свойство пустеть. Но для Постникова и пара рублей - уже внушительная сумма.

Деньги.

На что можно пойти ради денег?

Постников лихорадочно соображал, старательно вешая на мысли ярлычок 'если бы я вдруг решился...' - это помогало не отвлекаться на рефлексию 'как же я могу даже думать о таком?!'. Мелкие шакалята могли бы сами обворовать беднягу, но вероятно опасались попутчика, то есть самого Алексея. Пытались позвонить, наверняка хотели обратиться за помощью к кому-то постарше и посильнее, но не сумели. Значит скорее всего вышли, чтобы сбегать к ближайшему телефону. Найти их сложно, однако все еще можно.

Но кому они могли позвонить?.. Или он уже бредит, отпустив на волю больное воображение? Может быть Постников все истолковал неверное и мальчишки просто вышли на своей остановке?..

Алексея продолжал бить озноб. Пришелец поднялся, ссутулившись еще больше, совсем как больной сколиозом. Сделал шаг в сторону наркомана. Еще один. Постников оказался рядом с мужиком как-то незаметно для самого себя, словно вынырнув из бездумной прострации. Тот по-прежнему бормотал непонятный речитатив, глотая звуки и бурча. Глаза его были закрыты, лицо раскраснелось. Алексей глубоко вздохнул, стараясь хоть чуть-чуть пригасить внутренний огонь. Левая рука тряслась все больше. Глаз слезился, его будто заволокло пеленой. Приходилось часто моргать, чтобы хоть что-то видеть. От мужика отчетливо пахло. Чем-то удушливо-парфюмерным, с явным цветочным оттенком. Запах лез в нос, неприятно скреб слизистую, вызывая раздражение и злость.

Эта злость стала последней каплей, сточившей тонкую льдинку между 'а смог бы я?' и 'никогда!' в мозгу Алексея. Постников склонился над жертвой.

'Только глянуть в карманы... только самую малость... чуть-чуть... немного денег...'

Мысли мешались, кружились в дикой пляске. Постникову не хватало воздуха, он дышал ртом, втягивая горький воздух через сомкнутые зубы. Правая рука затряслась механической дрожью, Алексей торопливо заложил ее за спину, как фехтовальщик, чувствуя, как железные пальцы стучат по пояснице.

Бумажник он нащупал почти сразу, но подцепить смог только с третьей попытки. Пальцы стали мокрыми и скользкими от пота, будто намасленными. От жертвы веяло жаром, как от печки. Хотя возможно Алексею это лишь казалось - от него самого сейчас можно было добывать энергию, как от термальной станции. Наконец он зацепил добычу и вытянул из внутреннего кармана пиджака. Солидный прямоугольник из хорошей кожи, солидно поскрипывающий, приятно пухлый. И все-таки Алексей его уронил - рука стала как из ваты. Постников осторожно перевел дух, чувствуя, как скользит по губе и подбородку струйка слюны - он забыл сглотнуть. Присел, нащупывая бумажник вслепую, боясь оторваться взглядом от лица обворованной жертвы. Будто стоило отвести глаза - и пребывающий в наркотическом забытье вернется в мир живых.

Постников коснулся добычи и моргнул. А когда снова глянул на мужика, тот смотрел на Алексея.

- Ых! - неожиданно отчетливо, разборчиво сказал человек и

схватил Постникова за воротник.

Алексей выл. Страшно, однотонно. Воздух вырывался через глотку, пылающую болью и горечью, как из мехов баяна. Рвался наружу, сквозь закушенный рукав, порождая глухой звук в котором не было ничего человеческого.

Постников выл, раскачиваясь на коленях, слезы струились по щекам, обильно заливая куртку, мешаясь с красной жидкостью, густо заляпавшей одежду. В полутьме помойки красное казалось черным, маслянисто поблескивающим под мягким рассеянным светом далеких реклам и редких местных фонарей. Пришелец скорчился в позе не то роденовского мыслителя, не то эмбриона, скрутившись едва ли не в узел. Как насекомое, неосознанно закрывающееся от зловещего мира единственно доступным рефлекторным способом.

Он двинул рукой, что-то откатилось в сторону, тихо брякнув металлом об осколок древнего унитаза. Отвертка. Такая же черная и блестящая, как и куртка Алексея. Кровь на ней уже подсыхала и стала отвратительно липкой. Хозяин спохватился, зашарил вслепую, пока не зацепил инструмент. Суетливо начал затирать следы полой куртки, лишь размазывая липкую жижу. Движения, поначалу лихорадочные, рвущие, все замедлялись. Пока Алексей опять не выронил оружие из ватной, безвольной руки.

Снова бряк... Постников привалился к мусорному баку, поднял голову к небу, мерцающему среди громад зданий серой пеленой отраженного света. Шум не засыпавших центральных районов доносился тихим, неумолчным жужжанием. Алексей замер в положении упыря, готового завыть на луну, протяжно всхлипывая. От случайного движения по грязному асфальту, почти скрытому слоем мусора, рассыпались бумажки. Мятые, скомканные, похожие на небрежно развернутые фантики от конфет. Очень большие фантики.

Лавируя между шпилями домов прогудел мотором летательный аппарат, похожий на вертолет. В свете его прожекторов "фантики" тускло блеснули кирпично-красным. Как маленькие зловещие мухоморы сверкнули голограммки Ленина. Легкий ветерок налетел, потащил мятые банкноты, на которых красное мешалось с красным - типографская краска с мутно-бордовыми потеками. Но порыв сразу увяз в густом желе помойной вони.

Постников собирал деньги, скрипя зубами до хруста эмали. Прикосновение к грязным, окровавленным деньгам заставляло вспомнить то, что он хотел любой ценой забыть. То, что с

радостью вырезал бы чем угодно, хоть тупым ножом, хоть даже куском стекла, если бы это было возможно.

Страшный хрип, вырывающийся из рваных ран, из шеи, пробитой несколькими неумелыми и от того еще более страшными ударами. Кровь, хлынувшую сразу и в изобилии, как вода из открытого крана. так, что даже сквозь панику пробилось удивление - откуда ее столько в человеческом теле?.. Кровь казалась горячей, как лава, от нее пахло медью и от этого тяжелого, страшного запаха немедленно начинала кружиться голова.

Конвульсии тела, уже мертвого, убитого неумелым грабителем, страшным в торопливой, панической и слепой жестокости. У жертвы были скрытые имплантаты, очередной удар повредил что-то в районе ключицы, и тело умирающего изогнулось в чудовищной, анатомически невозможной судороге.

Ничего этого уже нельзя изменить. Ничего нельзя исправить.

Постников поднялся, рассовывая пластиковые банкноты по карманам, не заботясь о тех купюрах, которые не сумел собрать в полутьме.

И отчетливо понял, что новая жизнь началась для него не в тот момент, когда их машина возникла в чужом мире, оказавшись между яростными противниками. Не когда автоматик подорвал их всех, отправив Алексея в кому, а затем на операционный стол. Ни в один день из миновавших недель и месяцев, что были прожиты в агломерате Москва-Ленинград.

Прежняя жизнь закончилась для него сегодня, полчаса назад, когда Постников убил человека. Почти случайно, не желая того, движимый приступом неодолимого страха и паническим желанием всего лишь освободиться от железной хватки хромированной руки.

Но - убил. Отнял жизнь, которую никогда не вернуть.

Отныне и навсегда он обречен быть убийцей. Быть и помнить.

Навсегда. Как мертвец, который умер и восстал из небытия, вернувшись нежитью, внешним подобием себя прежнего.

Постников закричал. Бешено, во всю силу надсаженной глотки, потрясая руками, посылая нечленораздельное проклятие небу, домам, миллионам людей, которым не было до него и его поступка никакого дела. Всему городу и миру. Но ничего не случилось. И никто ему не ответил.

Лишь крысы тихо зашебуршали в дальнем углу. Они терпеливо ждали, когда с их территории уйдет человек, пропавший пластмассой, кровью и смертью.

Глава 16

Настоящее

Для 'планерки' пришлось ехать на северо-запад, огибая 'Белый круг' по широкой дуге, так что Постников едва успел. Но все-таки успел.

Арендованная лаборатория собственно лабораторией не была. Просто небольшую двухкомнатную квартиру в тихом районе арендовали и переоборудовали под операционную. По так называемому 'стандарту малой военной палатки', с помощью армейского же оборудования, выкупленного со скидкой. Уже более-менее наметанным глазом Алекс оценил удобство 'точки' - лифт близко от двери и лестницы, старая постройка с толстыми капитальными стенами - не надо ставить мощную звукоизоляцию. Легко работать, а в случае чего - быстро свернуться или сразу удариться в бега, все бросив. Благо оборудование стандартное и легко заменяемое.

Вообще местная медицина по сию пору приводила Постникова в почти суеверный ужас. Имея в прошлой жизни несколько знакомых медиков, он более-менее представлял, насколько сложно вторжение в храм души, скольких громоздких и дорогих ухищрений оно требует. И потому сама идея, что операционную (пусть и очень специфическую) можно оборудовать в обычной квартире казалась дикой фантазией. Даже киборгизация и протезирование любых органов воспринимались как-то ... проще, естественнее.

Но человек привыкает ко всему - и к нелегальным 'точкам', и к тому, что в них время от времени происходит. Хотя Постников все равно предпочитал работать в арендованных палатах нормальных медицинских заведений. Там было как-то спокойнее и естественнее.

- Вы припозднились..

'Стоматолог' был сдержан и демонстративно сух. Он нетерпеливо шевелил пальцами, похожими на руки Доктора, только попроще и подешевле, с ограниченными степенями свободы. Типичный инструмент, взятый по специальному "учебному" кредиту в счет будущих заработков. Неужели вчерашний выпускник?..

- Дела, - столь же кратко и сухо отозвался Алекс, раскладывая чемоданчик 'EVO'

- Коммерция не терпит сторонних забот, - сообщил роспиловщик, но чуть пережал с интонацией. Вышло слишком высокопарно и весь пафос вылетел в трубу.

Постников безразлично глянул на стоматолога и не удержался от укола.

- У Эла получалось выразительнее.

Приглашенный на разовую работу специалист скуксился и ощутимо расстроился. Он был еще совсем молод, скорее всего еще даже университет не закончил и подрабатывал в свободное время. Наверное, ему очень хотелось походить на подлинного, притягательно-страшного 'демона хрома и плоти', как их называли в кабуки. А здесь какой-то боевик-подвальник смотрел на него, как на пустое место.

- Я все принес, - сказал Алекс с ноткой примирения, чтобы сгладить впечатление. Кто знает, как еще судьба сведет с недорослем от медицины... Общение с Доктором и его окружением приучило Постникова к тому что не следует обзаводиться врагами собственноручно и на пустом месте. Они и так появятся.

- Вижу, - буркнул стоматолог, придвигая к себе чемоданчик с контейнерами.

Постников посмотрел в угол, где на настоящем стоматологическом кресле мычал и бессильно бился в коконе фиксирующих бинтов белый сверток, похожий на мумию.

Алекс вздохнул и достал из кармана пластмассовый пенал-'тройник'. В нем оставалась одна большая стеклянная ампула, заполненная прозрачной жидкостью с легким желтоватым оттенком.

- Вколи ему, - Постников протянул ампулу медику. Тот не глядя принял и сноровисто заправил в безыгольный инъектор, похожий на крошечное переломное ружье. Медик сделал укол прямо сквозь бинты, но точно. Буквально через пару минут после щелчка инъекции мумия успокоилась.

- Благодарю, так будет проще, - по-прежнему не глядя на Постникова, едва ли не сквозь зубы проговорил медик и зачем-то добавил. - Печеночный блок от 'Шеррафа', очень хороший.

- Пожалуйста, - вежливо отозвался Алекс.

Пока роспиловщик раскладывал инструменты, Постников скучающе созерцал стены, обтянутые белой бактерицидной пленкой, и стойки с ультрафиолетовыми лампами по углам. Демонстративное безразличие было на лице курьера. В животе все закручивалось плотным комом, словно кишки выжимали на барабане стиральной машины. Впрочем, к этому он тоже привык и не без некоторого удовлетворения отмечал, что каждый такой

поход обходился все легче и проще для психики. Постников старательно поправил перчатку на правой руке, снова оглядел комнату.

Единственное окно было плотно занавешено, свет в комнате-операционной происходил от гирлянд светящихся трубок-люминофоров. Они давали неяркий, но ровный и мягкий свет, почти без теней. Почему здесь игнорировали электричество Алекс спрашивать не стал. Зато неожиданно задал вопрос медик. Видно ему было не по себе и хотелось упокоить нервы разговором.

- Добренький? - молодой человек натягивал через голову старый медицинский халат, который, наверное, помнил еще времена Пирогова и диссонировал с довольно-таки технологичным убранством операционной. Поэтому кивок в сторону жертвы утонул в складках, но Алекс понял, о чем речь. Понял и задумался, что бы ему ответить... Вопрос прозвучал откровенно хамски, он мог быть как попыткой уязвить, так и нервным порывом новичка.

- Да, я добренький, - коротко ответил наконец Постников, решив быть дипломатичным и сдержанным даже при явном оскорблении. В конце концов он был не настолько нужен и важен для Доктора, чтобы привносить в коллектив конфликт. Работа в команде вивисекторов уже научила Алекса, что заменяемы все, кроме Коллеги и самого Доктора. Но рядовые курьеры и боевики - товар куда менее дефицитный, чем даже самые плохие медикусы.

- Извини... те, - неожиданно буркнул медикус, бренча чем-то похожим на никелированную птичью лапу с тремя кривыми когтями.

- Бывает... - неопределенно отозвался Постников. Это безадресное 'бывает' вообще было хорошим ответом для самых разных случаев. Каждый может вложить в него свое понимание момента по собственному усмотрению.

Молодой медик, замер посреди операционной, неловко подняв руки в странной позе. Постников уже знал, что она называется 'позой хирурга' и вырабатывается привычкой к антисептике перед операциями, когда руки уже продезинфицированы и трогать сторонние предметы нельзя.

- У меня первый раз, - вдруг сказал юноша, глядя на Постникова исподлобья, почти угрожающе. Тем жалобнее и несчастнее прозвучали его слова.

- И так бывает, - все так же нейтрально отозвался Постников, лихорадочно соображая, что делать и как все это решать. Если мозгляк пойдет вразнос, то 'планерка' может быть сорвана, а это проблемы... За них кому-то придется отвечать, а дальше смотри пункт о сравнительной ценности курьера и медика.

Парня тем временем понесло. Он заговорил быстро, почти захлебываясь словами. Из потока болтовни человека на грани нервного срыва Алекс вычленил главное. Действительно - почти выпускник, но все-таки студент. Первый опыт такой работы. Крайняя нужда в деньгах. И внезапно проснувшаяся совесть человека, который сейчас должен разделать на части другого человека, настоящего, живого, пусть и успокоенного дозой хорошего снотворного.

Этого Алекс не понимал. Вообще ничего не понимал в сегодняшней 'планерке'.

'Стоматологи' и 'трансецы' - то есть соответственно роспиловщики на протезы и органы - заслужили мрачную славу в массовом сознании. Они были красочно описаны в книгах, фильмах, сериалах и прочей кабуке, регулярно отражались в новостных сводках и правоохранительных рапортах. Однако как обычно и случается, реальность имела мало общего с фантазией. 'Роспиловка' в больших мегаполисах никогда не была по-настоящему распространенным явлением, да и не могла стать. Тот, с кого возможно втихаря спилить годный хром, как правило мог позволить себе просто не появляться в опасных местах. Или сам укомплектовывался такими приращениями, что связываться с ним оказывалось себе дороже. Что же касается биоматериалов и органов, то здесь имело место избыточное предложение со стороны 'второго' и 'третьего' мира. Вплоть до специальных 'ферм', скрытых в дальних уголках Африки, для клиентов высшего уровня. Разумеется, все это считалось совершенно незаконным и преследовалось 'по всей строгости', но система давно была отлажена и работала как часы.

Поэтому, чтобы попасть под хирургическую пилу или резак нужно было оказаться очень невезучим человеком или влететь в очень темную историю. Как сам Постников осенью минувшего, тринадцатого года. Для коалиций и тем более районщиков роспиловка никогда не становилась существенным источником дохода. Скорее мелочью в общую копилку и статусной возможностью - дескать, мы можем привлечь советующих специалистов, знаем нужных людей для сбыта, мы круты и в авторитете!

Таким образом не было никакого смысла в организации 'красной' операционной в приличном районе, привлечении хирурга-неофита с дрожащими руками, да еще среди белого дня. Все это делалось куда проще, давно отработанными и проверенными схемами.

Неправильно... все неправильно...

Но выбора не было.

И Алекс сделал то, чего и сам от себя не ожидал. Он шагнул вперед и крепко обнял отчаянно рефлексирующего студиоза. Обнял, прижал, и тихо сказал с предельной мягкостью, как брат или скорее даже любящий отец:

- Все, спокойнее, спокойнее... Все в порядке, все хорошо... Все спокойно...

Медик, словно только и ждал этого момента, всхлипнул и разрыдался прямо на плече у Постникова, впрочем, рефлекторно держа руки на весу. Наверное, он действительно был хорошим, профессиональным врачом, несмотря на молодость. Алекс крепко обнимал бедолагу, шептал успокаивающие, бессвязные слова, потому что здесь тон был важнее смысла. И мрачно думал, что с ним сделает Доктор, если операция таки провалится. Оставалось лишь понадеяться на то, что профессионализм и нужда победят срыв молодого хирурга.

Постников понадеялся и в целом почти не ошибся. Разве что вместо ожидаемого часа 'планерка' заняла почти два, с учетом душевной беседы и сеанса психотерапии перед собственно операцией. Ну и еще Постникову пришлось продезинфицироваться и остаться в операционной на протяжении всего процесса, неся самую разнообразную ерунду. Как ни удивительно, хирург от этого успокаивался. Видимо чужие слова отвлекали его от голосов в собственной голове.

- Кто это был? - спросил медик, когда все закончилось. Дрожащими пальцами он вытянул 'черноморину' и втянул полной грудью. Закашлялся - видимо там была не простая кассета, а что-то перезаряженное. Надо сказать, держался он на удивление хорошо. Впрочем, главное, что работу сделал, а дальше пусть хоть зарежется прямо здесь электрорезаком для первичной обработки ампутируемого хрома... Хотя нет, полная уверенность будет только когда курьер покинет квартиру.

- Граф, - после паузы ответил Алекс, взвешивая на руке чемоданчик от 'EVO' номер пять. Искусственная печень действительно оказалась хороша, насколько Постников разбирался в клеймах. Как владелец такого хрома попал на стол роспиловщика - оставалось лишь гадать. Алекс некстати вспомнил нищего с хорошими ногами, которого встретил несколько месяцев назад - а казалось, годы прошли...

- Граф?.. - не понял медик

- Да, граф. Ломал игры от 'Магистрали', перепробивал под японские кальки, сбывал корейцам. Так что к тебе претензий не будет.

Медик понимающе кивнул. Ломка электронных игр была одним из самых распространенных мелких цифровых

преступлений. На ней набивали руку многие начинающие 'графы', то есть цифровые преступники, большинство из которых так и не поднимались выше этого уровня. Игры от треста 'Магистраль', названного по имени своего первого хита, считались самыми защищенными и сложными. Торговля ими могла принести хорошие деньги... или большие неприятности. Вместе с возмещением ущерба всеми имеющимися у ломщика активами.

Медик опять кивнул, теперь уже самому себе. Постников наконец-то перевел дух.

- Все, я пошел, - сказал курьер, натягивая поверх медицинского чемоданчика невзрачный чехол.

- А как же ... - студент кивнул в сторону кресла, поднятого на максимальную высоту.

- Не наша забота, - отрезал Алекс. - Жди пятнадцать минут и иди по своим делам.

Теперь можно было уже не разыгрывать понимающего и душевного человека, поэтому Постников не оборачивался и не прощался. Просто вышел, прикрыв за собой дверь. Чемодан Алекс держал в правой руке, чтобы левая оставалась свободной.

На этот раз пришлось вызывать официальное такси. Это было не запрещено, однако не поощрялось - в машинах таксопарков 'Гортранспорта' стояли камеры с записью прямо в закрытую сеть треста, мелькать на видео без лишней нужды не следовало. Но достойного доверия бомбилы рядом не обнаружилось, а время поджимало.

Ожидая машину Алекс сделал два звонка. Сначала кратко и предельно обтекаемо, иносказательно отчитался по 'планерке', затем сообщил Глинскому, что скоро заедет. Почти сразу после этого ему пришел вызов от Коллеги.

- Вечером все меняется, - телохранитель не тратил ни времени, ни лишних слов. Его голос будто гулял внутри черепа Алекса, отражаясь от стенок, как звон колокола под куполом собора. Это было неприятно и сильно раздражало, как от чесотки, которую нельзя почесать. Но Постников сдержался.

- Слушаю, - коротко сказал он, показывая, что готов к новым инструкциям.

- Во-первых все переносится на три часа позже. Во-вторых, место другое, о нем позже. В-третьих, ты будешь не в стороне, а с передастом.

- Понял, - Алекс постарался быть столь же лаконичен, сдерживая проснувшийся азарт.

- И еще... Купи костюм, а то в приличном обществе стыдно с тобой появиться.

Коллега отключился без уведомления, так что колокольчик

отбоя звякнул неожиданно, заставив Постникова вздрогнуть. Впрочем, Алекс и так дрожал, как зверь перед прыжком. Адреналин требовал действия, активности, побед.

Вечером предстояла важная встреча. Очень важная. Алекса иногда привлекали к таким, но исключительно 'постоять в сторонке', на всякий случай. Теперь ему доверили присутствовать бок о бок с персоной, непосредственно проводящей передачу. Это сулило новую ступеньку в коллективе и соответствующее повышение жалования.

В свете происшедшего 'планерка' смотрелась уже по-иному. Необычные и неправильные условия, дерганый и неподготовленный исполнитель - это больше всего походило на ... проверку. Да, именно на тест в полевых условиях. Вполне в духе Доктора, устроить 'прогон', что называется, не отходя от кассы. Проверить кандидата в стоматологи и курьера на профессионализм и выдержку, готовность к стрессу и быстрым решениям. Судя по изменению вводных от Коллеги этот тест Алекс прошел. Как и предыдущие 'проверки боем', как...

Его накрыло сразу, без подготовки и тревожных симптомов. Горький, противно склизкий ком застрял в горле, желчь заполнила рот, обволакивая язык. Постников привалился к стене, тяжело дыша сквозь стиснутые зубы и часто сглатывая, пытаясь удержать приступ тошноты.

'Кто это был?..'

Кто это был...

* * *

Былое

Выстрел. Выстрел. Выстрел.

- Бестолочь, - сурово говорит Глинский. - До упора палец будешь совать себе в жопу. А крючок жмут последней фалангой, кончиком пальца, кон-чи-ком, уяснил, пустая башка?

Выстрел. Перезарядка. Трудно делать все левой, когда ты урожденный правша. Но другого пути нет. Только очень хорошие протезы элитных производителей могут сравняться или превзойти живую плоть в тонкой моторике. А 'хороший' и 'элитный' - это явно не про железную руку Постникова. Поэтому стрелять - с левой, только с левой.

Выстрел. Их уже было столько, что голова начинает болеть несмотря на поролоновые 'уши'. По меньшей мере двести патронов за тренировку, вечерами, когда обычные клиенты расходятся. И это, не считая 'холощения' ММГ в свободное время. Левая рука отказывает - мышцы сводит, связки, кажется,

костенеют.

- Запомни, чудило, нет такой проблемы, которую нельзя решить, передернув затвор. Если же такая находится, считай, что ты уже сдох и суетиться бесполезно. Осечка - дергай затвор. Любая заминка - дергай затвор. Только в одном случае делаешь по-иному. Помнишь, в каком?

Постников помнит. Это 'свечка', когда гильза экстрагируется криво и встает торчком, прищемленная затвором. В этом случае свободная рука резко бьет вдоль-по стволу к себе, основанием и первой фалангой указательного пальца, выбивая 'свечку'.

Выстрел. Еще выстрел.

- Твою ж мать, урод косорылый, косорукий! Не срывай спуск! Не дергай! Мягко, плавно, кончиком пальца. Кончиком! И не выворачивай ствол плашмя, так стреляют одни обезьяны в других обезьян.

Правильная стрельба идет с двух рук, методом 'треугольника'. Макаров - хороший пистолет. Но держать его надо чуть по-особенному, чтобы откатывающий затвор не задевал вспомогательную руку. Это несложно, если знать - как. Постников знает, но бог мой, как же это трудно, когда единственный глаз слезится от усталости, а живая рука дрожит. Основание большого пальца исцарапано и посинело от гематомы. Пальцы черные от порохового налета. Пороховая гарь дерет носоглотку, как наждаком. Глинский носит маску-фильтр, которая ни на йоту не приглушает его злобный рык. У Алексея такой маски нет... Пока нет. Надо купить.

- Теперь двойками. В металл, потом в ближнюю бумагу, затем в дальнюю. Понял? Бам-бам в металл, затем перенос. Бам-бам, бам-бам. Еще раз попадешь в 'дельту' - урою, бестолочь.

'Бамбамами' инструктор обозначает выстрелы. Бам - один выстрел, бам-бам - два, удобно и наглядно. 'Металл' - металлический гонг, 'бумага' - мишени из плотного картона. 'Дельта' - дальняя зона мишени, туда попадают только криворукие и детективные цефалы. Пули нужно и можно класть только в 'альфу'.

Специальная терминология не дается Постникову. Он никак не может запомнить дословно четыре основных правила обращения с оружием, что такое 'билл-дрилл' и прочая галиматья. Но он очень старается - стараться легко, когда каждый выстрел, каждая минута инструкторского времени оплачена в прямом смысле 'кровавыми' деньгами, за которые однажды ночью ты продал душу. Деньгами, которые ты сэкономил на еде, на обогреве, на всем.

- Палец вдоль ствола. Только вдоль ствола, до последнего

мгновения, до момента, когда понимаешь, что время стрелять. Ты теряешь во времени, но столько, что, считай, не теряешь ничего. Зато меньше шансов, что пристрелишь товарища или случайного гражданина... который оказался рядом с таким дефективным дебилом! Я что сказал, идиот!? Я сказал прижать палец к скобе? Нет, мудак, я сказал вдоль ствола!

Алекс уже понял, что из него не выйдет хорошего стрелка. Слишком поздно начал, слишком мешает протез, не те рефлексы. Но он старается, очень старается. В конце концов, что ему еще остается?..

Тренировки совмещаются с блиц-лекциями по стрелковке.

- Ты стреляешь с однорядным магазином. В принципе сейчас стволы пилят все больше под двухрядки, но, как говорится, возможен выбор... Двойные, конечно, более емкие. Это полезно. Но они чуть менее надежные. Самую малость, если из прямых рук вышли... прямых, а не как у тебя, из жопы, якудза-пистольеро недоделанный. Но все же есть такое.

- А как быть с малой емкостью? - сегодня инструктор вроде в умеренно хорошем настроении, посему Алексей позволяет себе задать осторожный вопрос.

- Так перезаряжай быстрее! Бам-бам, сброс, рука уже чуть подвернута шахтой к подаче. Ствол в районе кадыка, руки собраны в кучку, не разбрасывайся! Все, вынос ствола вперед, ты готов! Тренируй быструю перезарядку и будет тебе счастье.

Рука болит... По-настоящему болит. А инструктор только звереет.

- Никаких перчаток, никаких цифровых гляделок с разбивкой секторов и прочих электрицких цацек. Чувствуй ствол - кожей, шкурой, нутром. Никогда не привыкай к костылям, любым. Всегда чувствуй оружие, в реальной месиловке тебе это спасет жизнь.

Тренировка за тренировкой. День за днем...

- Пойдем.

Коллега был, как всегда. То есть спокоен, сдержан, по-крокодильи целеустремлен. Только рубашка на сей раз не с легким розоватым оттенком, а темно-синяя. И в левой руке зажат чемоданчик.

- Куда? - Постников так устал, что соображает не слишком хорошо. Точнее даже совсем плохо. В ушах все никак не закончат щелкать выстрелы. Сегодня он отжег сто пятьдесят, но трудными двойками, с перемещениями. Телохранитель Доктора пришел тренироваться, зачем ему уборщик?..

И тут Алексей понял, что Коллега пришел отнюдь не стрелять в тире. Понял и Глинский. Инструктор вздохнул и молча пошел за

стойку, прихватив по дороге коробку с ветошью для чистки стволов. Он не произнес ни слова. Не взглянул ни на своего помощника, ни на человека в очках, как и не было их.

- У нас визит к графу, - Коллега все-таки снизошел до объяснений, глядя на Постникова через стекла очков.

- Графу... - Алексей замялся, пытаясь вспомнить, кого здесь было принято так называть.

- Да, к графу. Ломал игры от 'Магистрали', перепробивал под японские кальки, сбывал корейцам. Нам его отдали в счет уплаты долга. Ты хотел больше работать и больше зарабатывать? У тебя есть такая возможность.

Потом Алекс долго блевал в пустое мусорное ведро, пока желудок не опустел. Так стало еще хуже, потому что мучительные спазмы не прекратились, скручивая в тугой узел внутренности, от живота до языка. Но это было уже потом.

Коллега прошел мимо, бросив на ходу:

- Убери за собой. Милиции не будет до рассвета, но образцы своей рвоты им оставлять не следует.

Телохранитель остановился у выхода из маленькой подвальной квартирки, почти чулана. В процессе работы он воспользовался одноразовым балахоном из прозрачного пластика, с капюшоном и бахилами. Поэтому несмотря на то, что Коллега работал очень грубо и без всяких изысков, обычной ампутационной пилой, на костюме не осталось ни единого пятнышка. Чемоданчик подручный Доктора держал легко, едва ли не тремя пальцами. 'Ноги' нового поколения без камуфлирующих накладок, сложенные и отмытые, занимали удивительно мало места и весили от силы три-четыре килограмма каждая. Видимо работа графа хорошо оплачивалась...

Коллега посмотрел на Постникова сверху-вниз, чуть кривя губы в брезгливой гримасе. Было от чего, воняло в квартире отвратно - смесь бойни и сортира, медицинской палаты и кислой рвоты. Телохранитель Доктора тяжело вздохнул и медленно, словно взвешивая каждое слово, вымолвил:

- Мы отправим в клуб другого уборщика. Будешь тренироваться в отдельные часы, я договорюсь. Завтра к десяти в контору. Доктор будет говорить с тобой.

Глава 17

Настоящее

Когда Коллега скинул координаты нового места встречи, у Постникова осталось две задачи - переодеться и зайти к Глинскому. Курьер решил начать с одежды.

С костюмом не заладилось. Алекс попробовал оформить заказ в автоматической примерочной, но снова запутался в управлении. Сначала он заказал три пиджака вместо одного, а в попытках 'урезать осетра' слетели все настройки цвета, и конечный итог стал попугайским, как у коверного клоуна. После получаса мучений Постников решительно плюнул на процесс и пошел в магазин готового платья. Точнее в заведение, где с помощью той же самой программы и за полуторную цену с него сняли мерку, а потом в течение двадцати минут скроили костюм-двойку. Костюм был из породы 'неделек', то есть не шился, а с помощью лазера резался и сплавлялся из пластмассового эластика, текстурно и по цвету схожего с настоящей тканью. Такие вещи оказывались очень недолговечны из-за реакции эластика с воздухом и водой (отсюда и прозвище, обыгрывающее 'недельную' носку), однако помогали решить вопрос, когда переодеться нужно было недорого, быстро и достаточно прилично. Кроме того, они свидетельствовали об определенном достатке пользователя, который мог позволить себе потратиться на довольно неплохую одежду с коротким сроком жизни. Зачастую даже высокооплачиваемые трестовые работники заказывали себе 'недельки' для разовых мероприятий, не желая обременять гардероб.

Разумеется, в приличное общество Постникова не пустили бы, но для вечернего дела костюм вполне подходил. За рубль мастер аккуратно отделил от куртки прямоугольник инфографа и наклеил на рукав пиджака. Точнее не совсем наклеил, тут использовалось что-то связанное с электростатикой, но гибкий "планшет" держался достаточно прочно. Старую одежду Алекс отправил "длинной" посылкой через пневмопочту на районный пересылочный узел.

Оставалось зайти к инструктору и забрать что-то более приличное, чем керамический японо-китайский пистолет.

- Туда проходи, - Глинский приветствовал гостя не сказать, чтобы тепло, но и без особой сердитости. Постников прошел в небольшую комнатку без окон, которую стрелок освоил под небольшую каптерку. Тут хранилось мелкое расходное имущество

вроде стопок мишеней, пустых патронных коробок и прочего в том же духе. Здесь же можно было согреть чаю на древней спиральной электроплитке и прилечь на складной походной кровати (ни в коем случае не на 'раскладушке', это слово Глинский ненавидел).

- Дерни, - не столько предложил, сколько скомандовал стрелок, плеснув горького теплого отвара в стакан. Горячее Глинский тоже терпеть не мог. Постников присел на стул и послушно принял стакан. Питье пахло приятно - не столько традиционный чай, сколько травяной отвар. Постников с трудом узнал, точнее вспомнил из прошлой жизни вкус чабреца и мяты, остальные ингредиенты были ему незнакомы.

- 'Байкал'? - вежливо спросил Алексей. Формально он еще числился в клубе, практически же ограничивался ведением некоторой отчетности. Однако по-прежнему питал к пузатому стрелку опасливое уважение.

- Ща я тебе его в рожу выплесну, - мрачно пообещал Глинский, словно взвешивая свой стакан в пухлой ладони. - Хрень всякую тут несешь... Нет, это не богомерзкая химия, мне друзья присылают.

- Вкусно, - дипломатично заметил Алекс. Кривить душой не понадобилось, напиток имел сильный вяжущий привкус, но после третьего глотка буквально 'раскрылся', обволакивая рот и желудок приятной - с легкой кислинкой - теплотой.

- А то, - все еще сердито согласился Глинский, отхлебывая.

- Мне бы... - Постников замолчал, с вежливой иносказательностью напоминая, что он по делу.

- Погодишь, - сурово одернул его стрелок. - У тебя еще полтора часа.

- А вы знаете... - Постников опять не закончил фразу.

- Конечно знаю, - усмехнулся Глинский. - Я много чего знаю. Лучше скажи, чего так вырядился.

Алексей машинально провел левой рукой по лацкану пиджака. Пластик казался почти совсем как настоящая ткань, скользил под ладонью гладко, как шелк, без противного ощущения намасленности, которое сопровождало дешевый уличный ширпореб.

- Как в трупный мешок зашился, - подытожил Глинский с кривой усмешкой. Постников не решился спорить.

- Ладно, не обращай внимания, - буркнул инструктор, допивая настой. - День сегодня ... гнилой какой-то. Все из рук валится. Народ мажет, патроны клинит...

- Опять 'порноул' завезли? - догадливо качнул головой Постников. Патроны одного из огромных советских предприятий

давно стали притчей во языцех, потому что представляли собой клинически чистый случай мобилизационной продукции самого низкого качества. В свое время их наштамповали сотнями миллионов и уже третье десятилетие распродавали за сущие копейки по всему свету.

Глинский неопределенно хмыкнул и так же неопределенно махнул рукой.

- Двину я скоро отсюда, - неожиданно сказал инструктор, когда Постников опять собрался напомнить о себе и цели визита. Глинский смотрел поверх головы Алекса, на большие настенные часы, такие же старые, как электроплитка, с длинной трещиной через все стекло. Часы давно остановились, наверное, они о чем-то напоминали стрелку, поэтому он сохранял бесполезный механизм. Но и чинить не спешил.

- Куда?

- Подальше, - исчерпывающе пояснил Глинский. Но все же снизошел до пояснения. - на восток, в 'красную' зону. Подальше.

Что такое 'синие' и 'красные' зоны Алекс уже знал.

Мегаполисы и агломерации в СССР неофициально делились на три категории. Определения никогда не использовались в официозе, но все о них знали. В 'синих' регионах господствовала классическая корпоративная культура, усреднено-стандартная для всего мира. Там правили 'коммэрсы', то есть люди нового послевоенного мира, и сосредотачивалось высокотехнологическое производство (не все, но очень многое). А вот 'красные' представляли собой в какой-то мере острова старой советской жизни, чуть слабее затронутые чумой всеобщей коммерциализации. В них заправляли 'деловые' или, как назвали бы их в мире Алекса - 'красные директора'. На красных территориях культивировалась советская эстетика и атрибутика, было несколько лучше с социальной поддержкой и чуть больше обычного житейского порядка. Денег там крутилось меньше из-за меньшей рыночной маржи. Однако 'красные' были сильны, потому что владели высокозатратной и так называемой 'старой" индустрией, связанной с ресурсами и материальным производством. Уголь, металлургия, химпром, промышленный космос, гиганты советской индустрии вроде Магнитки или Уралмаша, атомная энергетика - без этого 'синие' обойтись не могли при всем своем лидерстве и богатстве. Между собой 'старые' и 'новые' находились в сложных отношениях любви и ненависти, то есть плотно сотрудничали ради общей прибыли и непрерывно боролись по всем правилам ожесточенной конкуренции. Синие ввели в моду использование 'агрессивного арбитража' и диверсии, красные ответили формированием

добровольных народных дружин (ДНД) и оперативных комсомольских отрядов (ОКОД). Кроме того, на востоке страны ДОСААФ превратился в нечто наподобие национальной гвардии США. И когда агенты агломерации Москва-Ленинград что-нибудь взрывали на Урале, в обратную сторону приходили экспроприаторы из 'Красной гвардии', 'Реввоенсовета' и подобных им.

Нечто подобное происходило и в Штатах, где богатые и хайтековые побережья регулярно пытались прогнуть под себя индустриальный 'ржавый пояс', подкошенный, однако не убитый конкуренцией с азиатами. Поэтому бизнесмен с американского Среднего Запада оказывался для делового человека с русского Дальнего Востока ближе и полезнее, чем московский соотечественник.

И наконец 'черными' назывались регионы, на которые все махнули рукой в силу их экономической бесперспективности. В чистом виде практически не встречались, представляя собой скорее анклавы среди синих и красных агломераций.

Насколько представлял Постников, стрелковый инструктор вполне преуспевал. С чего вдруг ему могло понадобиться оставить устоявшееся дело и уехать - непонятно... Если только Глинский не шутил. Но он, похоже, был совершенно серьезен.

- Достало меня это скотство, - с неожиданной грустью сказал стрелок. Учитывая его профессию и связи прозвучало с оттенком жутковатого гротеска.

- Достало...

Странное дело, но Алексу показалось, что это самое 'достало' не связано с намерением отбыть в дальние края. Скорее в одной короткой фразе Глинский выразил все свое отношение к ... а к чему, собственно? К чему-то...

Постников счел за лучшее промолчать, благо на дне стакана еще осталось немного остро, приятно пахнущей жидкости.

- Как дальше думаешь жить? - спросил Глинский. Он держал пустой стакан, плотно обхватив его ладонями, словно грея пальцы. Стрелок смотрел по-прежнему поверх головы Постникова, однако Алексу показалось, что в словах толстяка не просто вопрос. Точнее - не только вежливый вопрос для поддержания разговора. Было что-то еще...

- Да как получится... - неопределенно отозвался Постников, но устыдился собственной нерешительности и решительно поправил себя. - Больше и лучше.

- Заниматься чем планируешь?

Алекс украдкой глянул на инфограф, тускло светящийся в свете единственной лампочки под низким потолком. Время не то,

чтобы поджимало, однако поторапливало. Но Глинский сегодня был какой-то странный, словно сам не свой. Что-то было не так, и Постников откровенно опасался форсировать беседу.

- Будешь и дальше пилить человечков на запчасти? - прямо спросил Глинский. Спросил нейтрально, без осуждения или антипатии, очень спокойно и почти доброжелательно.

Постников немного поразмыслил. Слова инструктора звучали как прелюдия к предложению поработать. Или нет... Слишком все расплывчато, туманно и неясно.

- Как получится, - повторил Алекс, теперь куда более уверенно и так же прямо. - Как у нас говорят, 'от добра добра не ищут'.

- У вас, - отозвался Глинский, ставя стакан рядом с плиткой, на столик, сделанный из куска фанеры и трех лакированных ножек от старого телевизора. - А рискнуть не готов? Изменить жизнь, попробовать что-то новое?

Постников еще немного подумал.

- Не готов, - честно ответил он. - Хватит с меня резких поворотов. Хочу пожить...

Алекс сделал паузу, поняв, что 'спокойно' применительно к промыслу Доктора звучит по меньшей мере странно.

- Предсказуемо, - вымолвил он, наконец, так и не подобрав самого правильного, исчерпывающего слова. - Найти место в жизни без суеты и не с нуля опять.

Глинский прищурился, глянув на лампочку, шевельнул губами, почесал шишку шрама на голове. Дважды моргнул - медленно, тяжело, как удав Каа.

- Что ж, как знаешь, - решительно подытожил стрелок, словно приняв для себя какое-то решение. Глинский пошарил под столом и достал небольшой, но даже на вид увесистый сверток. Оберточная бумага, простенький шапагатик и узелок с двумя петлями.

- Держи. Завтра отдашь, - почти безразлично сказал он, протянув сверток Постникову. - Да открой! Чудило...

Алекс послушно развязал узелок, развернул обертку. И с трудом сдержал возглас изумления. Постников ожидал увидеть проверенного 'макаровца', но получил во временное пользование вещь куда более годную и даже, можно сказать, статусную - пистолет Барышева. Причем новый, не изношенный, с двумя отдельными магазинами на тринадцать патронов каждый. Барышевы были оружием редким - слишком мало их было выпущено перед войной, а после вообще сняли с производства - и специфическим. Куда менее надежные чем ПМ, сложные и крайне требовательные к качеству патронов. Однако с очень 'мягкой'

отдачей и отменной точностью боя. Настолько отменной, что в просторечии их иногда называли 'механическим бластером'.

- Патроны ГДР-овские. Магазины ранние, чешские, уже снаряжены, - пояснил Глинский. - Я их почистил и насиликонил, так что пульки отщелкаются, как часы.

- Спасибо! - искренне выдохнул Постников, осторожно заворачивая оружие обратно в бумагу.

- Не за что, - Глинский скупо улыбнулся, оценив обращение ученика с оружием. - Это не подарок, отдашь. И всяко лучше, чем твой глиняный 'китаец'.

Инструктор горестно вздохнул.

- Керамика... - пробормотал он с явным отвращением. - Скоро я начну скучать по старой доброй пластмассе, не то, что о нормальном железе. Ладно, заболтался я с тобой. Давай, двигай куда шел. Завтра отзвонишься.

* * *

Алекс глянул на инфограф. Десять часов, пятьдесят шесть минут вечера.

В клубе ему не нравилось, категорически не нравилось. Здесь было слишком светло, слишком шумно, слишком ... нервно. Все кругом непрерывно двигалось, светилось, мерцало, гремело. Лазерные лучи резали воздух, который и сам будто сиял изнутри. Океан искусственного пламени перехлестывал через границы танцевальной площадки, жадно тянулся в зал. Красные, зеленые, желтые нити сходились и разбегались, скользили по стойке, зеркальным стенам, теням танцующих... И снова, и снова. Не запасись Алекс заранее линзой-фильтром, он бы давно ослеп на живой, настоящий глаз. Однако и с линзой было неудобно, модель была не самая дешевая, однако максимально бюджетная из приличного ассортимента. Непосредственную опасность для зрачка отсекала, но не более того.

Такое с позволения сказать 'веселье' трезвому человеку противопоказано. Алекс немного позавидовал тем, кто надирался 'блескучей' водкой и опилочным коньяком за столиками, занюхивался синтетической дурью в туалете и жрал таблетки по углам. Свобода, чтоб ее, абсолютная свобода. Если у тебя есть деньги или абонемент на детоксикацию организма - твое дело, чем будешь себя убивать. Если денег нет - тем более.

Динамиков как таковых не было, вместо них использовались специальные панели, которые располагались везде - на стенах, на потолке, в зеркальном полу, отражающем вспышки лазеров. Даже в столешницах неярко светились круглые и прямоугольные

плитки, трамбующие уши однообразным электронным музоном. Музыка не ввинчивалась в уши, она тяжело молотила по голове и всему телу, заставляя вибрировать даже кости.

Они сидели вдвоем - посредник и сопровождавший его Постников. Еще два охранника подпирали собой тонкие колонны, окружающие танцпол - стеклянно-прозрачные стержни, в которых пульсировали вспышками многоцветные световоды. Наверное, встречу страховал кто-то еще, но их Постников вычислить не сумел. Его функции были скорее декоративными - присутствовать доверенной персоной, которую знали все участники процедуры, символизировать и фиксировать сделку. Придут люди, принесут некий чемоданчик, получат карту с 'госбанковскими' конвертируемыми рублями. Все просто.

Жарко. Очень жарко. Вентиляция не справлялась, и, хотя ноздри Постникова закрыты изнутри шариками-фильтрами, казалось, что тяжелая смесь ароматов и пота проникает непосредственно в мозг. А вот трем девушкам, что сидели в некотором отдалении, за маленьким круглым столиком, похоже совсем не душно. Хотя при их с позволения сказать одеянии... Матроски, самые настоящие матроски в тонкую полосочку, с широкими отложными воротниками. Белые полосы светятся отраженным ультрафиолетом, синие кажутся почти черными, словно тонкие тела девчонок нашинкованы огромным лезвием на идеально ровные части.

Девчонки не пьют, они изящно затягиваются 'черноморками', отставив мизинцы, с претензией на аристократизм. До чего же эти фильтры с кислородными капсулами похожи на папиросы... Дамы красиво подносят белые палочки к ярко-накрашенным губам, неназойливо, но вполне откровенно выставляя напоказ маленькие 'гости'. Дескать - могут себе позволить настоящий товар, не индийскую или японскую подделку.

Прямо настоящие кавайные лоли, подумал Постников, и что-то царапнуло сознание, на самых задворках сознания. Что-то связанное с 'лолями'. Но что именно - оставалось непонятным, мысль ускользала, как поплавок на легкой волне. В шуме и духоте Алекс никак не мог сосредоточиться. Он вытер рукавом взмокший лоб и пожалел, что не взял носовой платок. Влага расплылась по 'ткани' пиджака, пошла темными некрасивыми пятнами, которые не высыхали и не впитывались в гладкий плотный эластик. Капля пота скатилась по обрезанному хирургом веку и попала точно в объектив камеры протеза. Алекс шепотом выматерился и попытался протереть линзу оттянутым воротом футболки. Кое-как получилось, но мир разбился на сеть осколков, словно витраж, в котором чередовалось обычное и матовое стекло.

- Держи, - посредник протянул Алексу одноразовую оптическую салфетку в прозрачном пакетике.

Вытирая окуляр Постников снова глянул на 'лолей'. Милые девочки... Лица определенно азиатские, но в то же время с отчетливой европейской ноткой. Глаза узкие, но кажется, что это не природные черты, а причуды макияжа и теней. Скорее всего кореянки, корейцы вроде самые красивые из всех азиатов, и в агломерации таких много после войны. Лет по шестнадцать, не более. Самая старшая сидит по центру и явно лидирует - остальные двое подхватывают ее смех и податливо кивают в ответ на ее неслышимые замечания.

Чертова музыка... Постников помотал головой, как будто это могло помочь вытрясти из ушей застрявшие звуки электронного синтезатора. Дентофон неприятно вибрировал, отзываясь на излучение звуковых панелей. Как будто левую половину нижней челюсти сверлили под наркозом - вроде и не больно, однако весьма неприятно.

Без одной минуты одиннадцать. Постников протер левую руку о штаны, уже не заботясь о пятнах. Черт с ним, костюмом, закончить бы сделку поскорее. И пусть думает кто что хочет. Напрасно он повелся на требование Коллеги обзавестись костюмом. В привычной куртке с обилием карманов было бы куда удобнее. И морду рукавом протереть можно, и оружие не так заметно.

При заказе костюма Постников не подумал о такой малости, поэтому сейчас ему казалось, что все замечают пистолеты, засунутые за пояс под пиджаком - 'глиняный китаец' слева, Барышев справа. Вообще все этим вечером шло через задницу - тесный костюм, оружие (зачем ему два ствола?.. ведь вполне мог обойтись одним), громыхающая дрожка. Откуда в голове всплыло слово 'дрожка' Алекс не помнил, но оно оказалось крайне подходящим, полностью описывая все окружающее. Дрожка и есть - трехмерный перекресток на втором уровне, где пересекались два больших лифта-подъемника, развязка трех автотрасс и остановка подвесного монорельса. Удобное место для популярного клуба, снаружи мрачно-темного, облицованного матовыми панелями регулируемой прозрачности, внутри же истекающего ядовитым злым светом. А еще - сюда пускали с оружием. Точнее просто не тормозили на входе, от слова 'совсем'. Еще одно удивительное чудо - в этом мире с одной стороны существовали даже специальные авиарейсы для хромированных пассажиров, дабы не подвергать остальных опасности совместного полета с потенциальными агентами и прочими убийцами. С другой, безопасность на входе в разные злачные места практически

отсутствовала. И самое странное - никто не торопился их взрывать.

Алексей встретился взорами со старшей 'лолей'. Словно кресало, бьющее по кремню, как бронебойная пуля, рикошетящая от легированной стали. Аристотель считал, что из глаз исходят невидимые щупальца, которыми мы собственно и видим, ощупывая мир вокруг. Наверное, он был прав, иначе никак не объяснить это ощущение, когда взгляды разминулись, но ... в тоже время так и не разомкнулись. Два человека старательно избегают взглядов, но при этом уже связаны воедино незримыми нитями, которые не разъединить. Оба понимают этого и боятся.

Потому что такая связь - всегда к несчастью. И оба это знают.

- Надо выпить, - прошептал Постников, борясь с искушением - стопка стояла прямо у правого локтя. И даже не просто стояла, но манила, призывно искрилась медово-коричневым.

'Выпей меня, ведь работа почти закончена...'

- Алекс, - коротко сказал напарник-лидер. Точнее шевельнул губами, но дентофон передал звук прямо на кости черепа. И даже частично воспроизвел интонацию - неодобрение, предостережение. Черепные телефоны были переведены в режим радиосвязи. Маленькие передатчики обеспечивали связь на расстоянии не более двадцати-тридцати метров, зато получалось надежно и экономно.

Постников молча качнул головой и тем же локтем чуть отодвинул стопку. Автоматик-сервитор раздвинул губы из мягкого пористого пластика в безликой улыбке механизма. Точным движением переправил стеклянный сосуд другому потенциальному клиенту, 'для разогрева'.

- И не собирался, - так же тихо проговорил Алексей, только для дентофона и напарника. - На службе не пью.

- Это правильно.

Девушка, что сидела за круглым столом, чуть подправила прическу в виде короткого 'каре' с непропорционально длинными прядями у висков. Постников снова ощутил, как незримая ледяная рука коснулась его сердца. Это была не симпатия, не влечение, даже не вожделение. Странное, болезненное ощущение, что твоя судьба связана именно с этим человеком - милой девчушкой в матросском костюмчике, с черной ленточкой-бархоткой на белой шее. И связь эта предопределена с того самого момента, когда они посмотрели друг на друга.

- Уже на подходе, - сказал напарник и неожиданно подмигнул Алексу, гоняя по гладкому пластику стойки высокий бокал с ярко-оранжевым 'лимонадом'.

- Мне неспокойно, - пробормотал Постников, чувствуя, как

глупо это звучит. Но лидер, казалось, вообще не обратил внимание на призрачные слова, транслируемые дентофоном.

- Все, они пришли, - тяжко, напряженно сказал напарник, сжав губы в тонкую бледную линию. - Сейчас будет передача. Страхуй.

Одиннадцать часов, ровно. Алекс внутренне подобрался, пообещав себе, что обязательно вынесет все необходимые уроки из этого вечера. Но потом. А сейчас - дело. Дело прежде всего, и плевать, как он выглядит, насколько отвратительны пятна на пластиковом костюме и сколько стволов предательски выступают под пиджаком.

Представитель передающей стороны появился в одну минуту двенадцатого, словно подгадал к смене дискотечной композиции. Заунывный долбящий ритм поднялся до высочайших нот и рассыпался хрустальным перезвоном, переходя в атональный наигрыш. Сторонний 'передаст' был скучен, невзрачен и очень тосклив. А вот его сопровождающий - наоборот. Высокий, в легком плаще, настолько легком, что тот широко развевался в такт шагам, как это бывает только в аниме. Воротник щегольски приподнят, пояс завязан сзади на пояснице в прихотливый узел. Длинные светлые волосы с полосатым мелированием были собраны в хвост, смещенный к правому уху. А на висках сверкали отраженным светом крохотные блестящие 'шляпки' шестиугольных контактов, соединенные золотистыми нитями. Постников уже видел их в рекламе - именно таким образом выглядели пресловутые 'Навыки в мозг'. Наверняка под понтовым плащом скрывался целый арсенал...

Постников вздрогнул, но быстро собрался. Сурово (по крайней мере ему так показалось) сжал челюсти, неосознанно провел руками по пиджаку, проверяя оружие. Как ни крути, через несколько минут он станет главным действующим лицом мероприятия. По неписанному обычаю только после слова представителя принимающей стороны сделка считалась завершенной. А таковым представителем сегодня вместо Коллеги выступал Алекс. Уже не Алексей, а просто Алекс - коротко, звучно, как выстрел из пистолета.

Всего несколько минут, и сделка завершится.

'Напьюсь' - подумал Постников. - 'Доберусь домой и напьюсь по-настоящему!'

Передающие направились к стойке, а звуковые панели взорвались первыми битами сверхмодной на этой неделе композиции '111-999' от Саши Олдбери.

'Нет, не буду напиваться'.

Алекс твердо решил, что после мероприятия пойдет

знакомиться с девушками и постарается взять координаты старшей. Просто так. А дальше...

Девчонка смотрела прямо на него. Точнее на них двоих - самого Алексея и его напарника. Ее губы по-прежнему двигались, произнося что-то неслышное из-за шума танцпола. Пальцы с белой палочкой выписывали в воздухе летящий узор, как будто девушка дирижировала нитями лазерных лучей. Кожа светилась в полутьме, отливая всеми цветами радуги - в зависимости от мерцающей подсветки стробопроекторов. Вот она кокетливым жестом поправила отложной воротничок. Тряхнула прядями перед аккуратными ушками. Губы улыбались, но в глазах улыбки не было. Вообще ничего не было, и если до того при каждом взгляде Постникову казалось, что едва ли не искры сыплются, то сейчас его взор утонул в темных, ничего не выражающих провалах тьмы. И глядя в ее мертвые глаза Постников с леденящим ужасом вспомнил, что у слова 'лоли' в этом мире есть еще одно, куда более страшное значение.

- О, черт, - прошептал Алексей, начиная понимать.

'Этого не может быть, просто не может! Это всего лишь новая городская легенда, телевизионная сказка!'

Он потерял самое меньшее три, может даже четыре секунды, стараясь убедить себя, что такого просто не может быть. Танки не работают на ремонте дорожного покрытия, старые здания не сносят стратосферными бомбардировками. А такие милые девочки не вмешиваются в мелкие контрабандные дела. Тем более, что 'лоли' - продукт телевидения, кто их видел в живую?..

Три секунды. Или даже четыре.

- Боже...

Кто это сказал, Постников так и не понял - радиопередатчик в дентофоне донес тихий голос, похожий на умирающее эхо. Аппарат сгладил интонации, поэтому слова отдались под черепом Алексея с монотонностью авто-кондуктора. Все три девчонки уже поднимались из-за своего столика. Вставали одновременно, разворачиваясь в классический 'трезубец' городского боя. Синхронно, как марионетки, связанные прочнейшими нитями. С одинаково остановившимися глазами и одинаковыми бледными лицами, на которых не отражалось ни тени эмоций. С одинаковыми 'Каратами-М' в 'пистолетной' - максимально облегченной и укороченной - компоновке и со шнековыми магазинами над корпусом.

Зеленый луч лазерного прицела, усиленного для поражения вражеской оптики, скользнул по залу невероятно тонкой, яркой нитью. И вонзился точно в киберглаз Постникова, мгновенно выжигая фотодиодную матрицу.

Глава 18

Многие говорили, что так называемые 'лолиты' (или просто лоли) - городская легенда, наподобие искусственного интеллекта, клонов или страшноужасных бойцов якудза. На то имелись все основания - истории о 'боевых девочках' слишком отдавали балаганом и масскультом. Кроме того, что это за удивительная и уникальная технология, о которой снимают фильмы и слезовыжимательные сериалы (с отрывающей увертюрой от 'Кейона')? Однако Доктор Эл отзывался о 'лолях' сдержанно, без критики и насмешек. Исходя из его обмолвок Алекс уяснил, что в принципе такое вполне возможно.

Классическая интерпретация гласила, что специальные медицинские команды отбирают здоровых девочек-подростков в неблагополучных местах планеты, где родители готовы не то, что продавать детей, но просто отдавать их за обещание подкормить кроху. Это непросто, потому что нищета редко идет рука об руку со здоровьем, но, если предложение велико, всегда можно выбрать годный 'товар' в ассортименте. Мальчики тоже годились, но по чисто медицинским показаниям работать было проще с девчонками.

А затем начинался конвейер... Специальное питание, тщательно разработанные программы тренировок и прочая, и прочая. Венцом подготовки являлось частичное хромирование и массированная бомбардировка организма специальными препаратами. Рост и развитие 'лолей' искусственно останавливались на пике подросткового тонуса, а зачастую еще и дополнялись медикаментозной программой, поддерживавшей гормональный уровень, соответствующий примерно второму-третьему месяцу беременности.

Правильным образом подготовленная лолита становилась уникальным бойцом и могла творить удивительные, страшные вещи. С одним лишь 'но' - срок ее действительной 'годности' ограничивался самое большее шестью годами. Дальше изношенный организм буквально рассыпался, стремительно старея и накручивая букет заболеваний, начиная с доброкачественных опухолей. Тем не менее даже за пару лет службы испытуемые окупали все расходы и приносили существенную прибыль. Тем более, что работали они не за страх, а за совесть - по истечении пяти лет службы, выжившие могли выйти в 'отставку' с небольшой пенсией и более спокойной

административной работой. Вполне пристойная перспектива для детей, которым на родине светили изнурительный рабский труд, проституция и та же ранняя смерть. А создатели этого жуткого конвейера были по-своему честны, исполняя все обязательства перед питомцами и получая беззаветно верных убийц в обличье кавайных подростков.

Несмотря на комментарии Доктора сам Постников считал, что 'лоли' не более чем выдумка изощренной фантазии телевизионщиков. Истории о милых девочках, непременно с трагической любовью, всегда хорошо продаются. Теперь же он увидел коммерческий миф воочию. И если хотя бы часть историй о лолитах была правдой, шансы на выживание у самого Алекса и его спутников оказывались даже не нулевыми, а скорее уходящими в область отрицательных чисел.

* * *

Зеленый луч ужалил в глаз, как оса, Постников с криком отшатнулся, и это непроизвольное движение спасло ему жизнь. Уже свалившись со высокого стула Алекс почувствовал резкую боль и жар в виске - пуля скользнула буквально впритирку. Постников не стал изображать героя, собственно эта мысль даже не пришла ему в голову. Он забился за стойку, путаясь в скользких полах пиджака, пытаясь нащупать оружие. Движения, которые на тренировке получались (не сразу, конечно, но все же со временем получались) быстрыми и точными, теперь буквально вязли в воздухе, как в киселе.

Глядя снизу-вверх Алексей видел слегка мятые - сообразно новой моде - штаны лидера и коричневые ботинки с черными шнурками. Ноги дернулись, правый ботинок отбил короткую и яростную дробь, а затем обладатель штанов и обуви свалился рядом с Постниковым - мертвее мертвого, с аккуратным входным отверстием точно по центру лба и полностью отсутствующим затылком. Алексея не стошнило только из-за того, что в голове у него крутилась одна-единственная мысль о выживании, которая отсекла все сторонние соображенния и желания.

'Господи, пронеси!' - взмолился Алексей, и заполз под стойку еще дальше, скрываясь от внешних ужасов под ее нависающим козырьком. Таким образом события следующей минуты прошли мимо него, отражаясь главным образом в звуках.

На фоне какофонии дискача выстрелы казались глухими и безобидными - словно кто-то часто открывал бутылки с шампанским, только хлопки чуть резче, 'суше' чем от газированного вина. Поначалу мало кто из веселящихся понял,

что происходит - в стробоскопическом свете брызги крови казались бело-синими, светящимися яркими химическим светом. А то, что кто-то падает... мало ли от чего может свалиться на пол человек в увеселительном клубе?

'Кавайные лоли' с ходу положили обоих охранников у колонн, видимо у 'девочек' был сообщник-оператор в зале, наводивший боевиков на заранее вычисленные цели. А может быть и не один сообщник... Во всяком случае действовали девочки с автоматами так, словно находились под внешним управлением. 'Передаст' с чемоданчиком проявил похвальную скорость мысли и действия, он сразу повалился на четвереньки и пополз в сторону, волоча за собой груз. А понтовый боец в плаще стильно шагнул вперед, стильно распахнул полы и быстрым, но в то же время плавно-текучим движением достал оружие из кобур сзади за поясом. Два пистолета, сверкающие никелем и блеском перламутровых накладок, с голографическими прицелами, ЛЦУ и пламегасителями. Осталось непонятным, как раньше две здоровенные пушки со всевозможными наворотами оставались незаметными (ну, почти незаметными) под плащом.

Он был крут и стилен настолько, что увидь его сейчас Постников, то решил бы, что победа сил добра неизбежна. Скрестив руки у запястий так, что оба ствола целили в одну точку, стрелок развернулся корпусом, ловя в прицел ближайшую девочку. Выстрел жахнул дуплетом, но девчонка, как и ее 'подружки', вообще не обратила внимания на противника. Она лишь сместилась чуть в сторону, передвигаясь на полусогнутых ногах, как кузнечик в полосатых гольфах. Лолиты перестреливались с подоспевшей охраной клуба, а точнее - отстреливали не сориентировавшихся в ситуации вышибал со скоростью профессиональных киберспортсменов ('десять команд в секунду, сможете ли вы побить рекорд?!').

'Передаст' полз на четвереньках к одной из автоматических барных стоек, обслуживаемых роботами. Как раз к той, где прятался Постников. Толпа заволновалась, и тут длинная очередь одной из 'лоль' хлестнула по людям, свалив сразу нескольких. Пули 'Актиния' при попадании в тело раскрывались 'когтями', которые в свою очередь дробились на отдельные сегменты и не оставляли жертвам ни единого шанса. Паника вспыхнула, как бензиновая лужа под выхлопом огнемета. Слитный вопль насмерть перепуганных людей повис густым туманом, казалось, почти физически ощутимым. Толпа обезумела, разом обратившись в многоликое чудовище одержимое страхом и единственным желанием - спастись во что бы то ни стало.

'Девочки' маневрировали в толпе, словно косатки в стае

перепуганных рыб, находясь в постоянном движении, но при этом сохраняя боевой порядок - в линию, центральная чуть впереди. Она же первая легко запрыгнула на столик, чтобы подняться над толпой, перекрывающей обстрел.

Понтовый стрелок постарался повторить ее трюк, усложнив его - прыжок на стол, затем на высокий шестигранник звуковой колонки, похожей на обелиск. Первая часть получилась очень эффектной и почти кинематографической, причем лолиты эти действия по-прежнему игнорировали. Они замедленно - из-за разбегавшихся людей - но целеустремленно продвигались к 'передасту', смыкая полукольцо. А вот дальше случилось непонятное. Прыжок на обелиск закончился, едва начавшись. Казалось, что ноги бойца внезапно зажили собственной самостоятельной жизнью, пойдя вразнос. Перекрутившись в пояснице, как игрушка на шарнире, прыгун подскочил самым нелепым образом, загребая в воздухе асинхронно дергающимися ступнями. И свалился на пол, словно цепляясь за невидимые преграды. Понтовый еще пытался как-то справиться с идущими вразнобой конечностями, когда противники наконец переключились на него. Вынырнувшая словно из пустоты девочка в матроске расстреляла беднягу почти в упор и сразу перезарядила оружие со сноровкой опытного бойца - не дожидаясь, когда магазин опустеет.

Всего этого Постников не видел, но слышал, как быстрые хлопки одиночных выстрелов стали чаще и злее, а затем - очень быстро - вообще сменились треском очередей. Слышал, как одиночные крики раненых, почти неслышимые на фоне музыки, вдруг сразу, как по щелчку тумблера, превратились в сплошной вой смертельно испуганной толпы. Затем музыка не стихла, но убавилась одним скачком - рука убитого случайной пулей оператора скользнула по колесику регулятора. Зато Алексей очень хорошо увидел 'передаста' с чемоданчиком, который резво полз в укрытие, прямо к скрючившемуся пришельцу из иного мира. Его пинали бегущие, о него спотыкались, падая, но ползущий двигался очень целеустремленно.

'Твою мать'

- Пошел отсюда! - прошипел Постников, стараясь, чтобы прозвучало не слишком громко, но очень внушительно. Видимо у него не вышло, потому что невзрачный тип с грузом только быстрее задвигал локтями, огибая опрокинутые стулья, как жук - мелкие камешки на пути. Алексей зло ощерился и показал опасному спутнику пистолет. 'Передаст' на мгновение замер, мотая головой, глядя на Постникова с отчаянной надеждой и немой просьбой. Но Алексей очень хотел жить и очень хорошо

понимал, за кем пришли милые девочки, косящие совершенно сторонних людей с легкостью демонов-убийц.

- Нахер пошел! - заорал Постников уже в голос, целясь в невзрачного человека с чемоданчиком.

А в следующее мгновение вопрос стал неактуален. Две коротких очереди с разных сторон ударили несчастного посредника в спину и бок. Страшные 'актинии' буквально подбросили тело в воздух, переворачивая. Мертвец тяжело упал, забрызгав все вокруг карминно-красным - не каплями, но обильной россыпью мельчайших точек. Словно все вокруг него полили краской из пульверизатора. Конвульсивно дернувшаяся рука покойника подтолкнула чемоданчик еще ближе к Постникову, и тот вздрогнул.

Девочки пришли за грузом, так что у Алексея были какие-то шансы отсидеться в стороне. Но если он окажется рядом с проклятым чемоданом, то убийцы уже не отпустят Постникова и хлопнут просто так, за компанию со остальными.

Пришло время умирать...

Выстрелы стихли, воплей тоже поубавилось - большая часть публики столпилась у выхода, ломая и топча друг друга в попытках скорее сбежать. Благодаря акустике зала шум оттуда приглушался и слабел, становясь не очень заметным фоном. 'Кейон' наконец-то отыграл свое, и музыкальная композиция автоматически сменилась. Клуб заполнил монотонный перебор, в котором электроника сливалась с барабанной долбежкой - словно металлический лист в жестком быстром ритме одновременно колотили пробойниками и резали громадными ножницами.

А еще на фоне убавленной громкости отчетливо послышался хруст стекла под легкими девичьими ножками - Постникова обходили с двух сторон.

- Господи, господи, господи, спаси... - прошептал Алексей немеющими губами. Больше всего на свете ему хотелось свернуться в клубок, закрыть голову полой пиджака и так замереть, в бездумной надежде. Так ребенок прячется под одеялом от чудовищ. Только три дьявольских отородья вряд ли обманутся таким фокусом...

- Э-э-э-э-а-а-а-а-а...

Страшный звук, похожий на хриплое завывание, монотонный и нечеловеческий, разнесся по залу, перекрывая музыку. Некое создание вышло из-за колонны, пошатываясь и держа руки перед собой, прямо как хирург перед операцией. Постников вздрогнул и машинально направил на создание пистолет. Только благодаря намертво вбитой Глинским привычке держать палец вдоль ствола Алексей не застрелил на месте существо. И правильно сделал,

поскольку это оказалась девушка. Высокая, тонкая блондинка - наверное она была очень красивой еще пару минут назад. Теперь же белая блузка стала ярко-алой с мерзкими сероватыми вкраплениями - как и лицо, руки, высокая прическа. Причем, похоже, она не была ранена. Надо полагать, несчастная повредилась в уме или впала в шок, когда по ходу веселого не напряжного времяпровождения ее неожиданно забрызгало чужой кровью и мозгами. Она брела по залу, спотыкаясь о трупы и завывая на одной высокой ноте, как сирена пожарной или полицейской машины.

Выстрел. 'Актиния' вырвала у девушки кусок шеи - буквально разбрызгала фонтаном от ключицы до челюсти. Одна пуля - один труп. Точнее смертельно раненый, потому что бедняга была еще жива, против всех законов анатомии. И пока она умирала - очень быстро по строгому бегу неостановимого времени, очень медленно по субъективному ощущению Алексея - Постников отчетливо понял, что значит 'моя судьба в моих руках'. Понимание, что ему никто не поможет и никто не спасет превратилось в исчерпывающее, безапелляционное знание.

Хруп. Хруп. Хрустит стекло под ботиночками 'лолей'. Они обходят стойку подобно гиенам, окружающим раненую жертву. Еще несколько секунд - и все. Постников закрыл глаза, вспоминая диспозицию клуба. Как ни странно, монотонный ритм клубного музона помог собраться, он словно концентрировал мысли, строя их четкими рядами.

Метраж зала ... черт его знает, просто большой, на много десятков человек. Но недостаточно большой, чтобы его нельзя было с легкостью простреливать на всю глубину. Это плохо. Ландшафт... двойной - прямоугольник в прямоугольнике. По центру расположена главная танцевальная площадка в виде огромного зеркала. Она окаймлена чередующимися стойками с роботами-барменами. Между стойками в форме скобок расстояние метра по три, может чуть больше или меньше. Дальше малые танцевальные уголки человек на пять-десять и столики для малых компаний. Это уже несущественно - там не спрятаться, да и не добежать.

'Я хочу жить!'

Остается лишь одно...

- Бля! - резко выдохнул Алексей, пиная чемодан и сразу бросившись на полусогнутых в противоположную сторону, стреляя на ходу.

Один шаг - выстрел, шаг - выстрел. Постников не был настолько хорош и тренирован, чтобы действовать аритмично. Он полностью вложился в короткий спринт-бросок, перемещаясь от

'своей' стойки к другой, расположенной чуть ближе к выходу. К счастью трупов на его пути не попалось. Алексей упал, буквально свалился за стойку, бесконечно медленно заползая за укрытие. Собственное тело казалось тяжелым и неуклюжим, как у моржа на суше. Прямо-таки туша, вопиющая 'не промахнись в меня!'.

Но они промахнулись. 'Лоли' были профессионалами высшей пробы и это накладывало определенный отпечаток на их образ действий. Сами убийцы никогда не оставили бы ценный груз, поэтому, когда чемоданчик отправился в одну сторону, а последний сопровождающий в другую - это чуть сбило слаженный ритм. Пули ударили в стойку мгновением позже того, как Постников спрятался за ней. Обычные боеприпасы прошили бы ее насквозь, однако 'актинии' рассчитывались в первую очередь на фатальное повреждение тканей и усиление динамического удара по легкой броне. Прочная пластмасса под 'полированный гранит' устояла, растрескавшись, от нее отлетала крошка и куски фурнитуры. По Алексу били в два ствола, поочередно, короткими отсечками по два-три патрона. Значит третья девчонка сейчас подходит к чемодану.

Его позиция чуть улучшилась, но только 'чуть'. Все еще слишком близко к опасному грузу, слишком близко к наемным перехватчикам. Алекс попробовал вспомнить, сколько раз он выстрелил из 'глиняного' пистолета, но не смог. Четыре, может быть пять или даже шесть. Впрочем, неважно. Левой рукой он достал из-за пояса Барышева, который каким-то чудом не вывалился в процессе падений и забегов. Рука судьбы, не иначе. Еще одна перебежка, еще по крайней мере один бросок... Чтобы его перестали рассматривать как непосредственную угрозу и полностью переключились на хренов чемодан.

Пот заливал лицо, футболка под плотным эластиком пиджака промокла насквозь. Страх - совсем как пот - пропитал каждую клеточку Постникова, но в то же время как будто чуть отступил, заливаемый адреналином и жаждой действия. Давным-давно Алексей иронически ухмылялся, читая про солдат, которые даже получив смертельные раны какое-то время сражались, не чувствуя ничего. Теперь - вспомни он ту иронию - поверил бы безоговорочно.

'Глиняный китаец' взлетел над стойкой, словно брошенная в сторону лолей граната. И сразу разлетелся на куски, расстрелянный в воздухе. Постников закусил губу - прокусил насквозь, до крови, но не почувствовал этого, только во рту сразу стало солоно и появился отчетливый медный привкус - и ринулся вторым броском, к следующей стойке, стреляя на ходу из Барышева. Снова неприцельно, 'в ту сторону', только чтобы сбить

врага, заставить дрогнуть и выиграть мгновение.

Бам. Бам. Бам. Бам. И еще один. Пять выстрелов, быстро, почти в автоматическом темпе. На Барышеве это легко - у него очень легкий спуск. Глинский говорил, что из Макарова или Барышева можно даже стрелять 'в полном автомате', но открыть секрет соглашался лишь за бутылку хорошего коньяка. Дескать - обычай такой, секрет передается по цепочке, от человека к человеку, и только за коньяк. Надо было все-таки собраться, подкопить на хороший пузырь, и узнать тайну...

Последнюю случайную, непрошенную мысль Алексей додумал уже за стойкой, стукнувшись с разбегу головой о гладкую пластмассу. Темно-красный, с ветвистыми черными прожилками 'гранит' показался ледяным - по контрасту с пылающим лицом. Следом пришла мысль номер два, точнее осознание образа - того, что рефлекторно выхватил глаз при броске-прыжке. Девочка-лолита - размытое пятно, черно-белая тень с тонкой иглой зеленого прицела. И вспышка по центру дьявольской фигуры - выхлоп из короткого ствола Карата. Третья мысль была проста и незамысловата. Точнее то была даже не мысль, а ощущение.

Его все-таки зацепили.

Первая пробежка удалась благодаря неожиданным и непрофессиональным действиям, которые не укладывались в шаблон наемников высшей квалификации, коими без сомнения являлись 'лоли'. Второй раз фокус не удался, несмотря на отвлекающий заброс пистолета и адреналиновую скорость. Пуля скользнула по правому бедру, буквально 'поцеловала' - и это было великой удачей, потому что буквально на пару сантиметров ближе и ... Во всяком случае руки 'актинии' отрывали на раз. Еще одна пуля не попала, но отколола кусок пластмассы от стойки, который больно ударил в живот справа, чуть ниже ребра.

Работая на вивисектора 'Красной дороги' Постников набрался кое-каких знаний по анатомии и примерно представлял себе, что такое ранение и как оно действует на человека. Но ощутить самолично - это было совсем иное дело. Нога враз отяжелела, холодное онемение распространилось до самого таза, а все, что ниже колена Алексей вообще не чувствовал. Как будто вместо ноги ему пришили нечто совершенно чужое, мокрое и с трудом волочащееся. Боль пока не чувствовалась - организм еще пережигал щедро выброшенные в кровь эндорфины, но бедро начало покалывать сквозь холодок, словно горсть углей прожигала штанину - ожога еще нет, но плоть уже чувствует злой жар.

'Господи, неужели это все?..'

Постников точно понимал, что сейчас, в этом месте бога точно нет. И помянул Всевышнего скорее по привычке. Выставив руку из-за стойки, как развернутый горизонтально перископ, Алексей трижды выстрелил наугад, опять вслепую, отгоняя врага. И еще несколько патронов в другую сторону, скорее для 'морального воздействия на противника'. Старая формулировка всплыла в памяти неизвестно откуда и сразу забылась опять. Постников действовал заученно, как в тире - сброс магазина, новый достать. В первом еще оставались патроны, ну и черт с ними, потом можно подобрать. Главное, чтобы здесь и сейчас пистолет был заряжен под завязку. Хотя еще главнее - не думать, что 'потом' для него уже не будет. Совсем не будет, никогда.

Затвор передергивать не надо - патрон и так в стволе. Встать Алексей не мог, нога окончательно потеряла чувствительность, полыхая разрастающейся болью. Он лежал на спине, вплотную к гладкой плите стойки, частично прикрытый со стороны головы и ступней загибающимися бортиками стойки.

- Желаете что-нибудь вы... - механический голос автоматика-бармена оборвался одиночным выстрелом, на пришельца посыпался металлический мусор. Музыка стихла совсем - запрограммированный список композиций подошел к концу, и ничья рука не спешила к 'варежке' контролера, чтобы запустить новый.

Хруп. Хруп.

Уже никто не кричит. Толпа у выхода все-таки проломилась наружу, затоптав тех, кто оказался послабее. Мертвые молчат, раненые либо умерли, либо в шоке от страшной кровопотери. В зале еще оставались живые и невредимые, однако они попрятались по углам, притворившись покойниками. Самая верная стратегия. Когда волкам нужны строго определенные овцы, нет смысла убегать - зарежут просто за компанию, на всякий случай.

Хруп...

Снова хрустит стекло, оно покрыло почти весь пол - мелкие осколки, хрустальная пыль, играющая мириадами отблесков отраженного света. Убийцы могли бы прыгать, передвигаясь по чистым местам, но не делают этого. Не нужно, да и небезопасно - на полу много крови, скача по гладкой поверхности легко поскользнуться.

Шаги все ближе. Из-за хитрой акустики зала определить направление невозможно. Понятно лишь примерное расстояние. В любом случае палить наугад, на звук больше не имело смысла - с его ногой... Сама по себе рана, насколько мог судить Алексей, была не опасна для жизни, но боль и кровопотеря начали

сказываться. Уже нет ни скорости, ни подвижности.

Он ухватил пистолет двумя руками, как положено - главная рука держит рукоять плотно, ствол будто прямое продолжение предплечья. Вспомогательная кисть подвывернута, чтобы компенсировать момент отдачи, внимание на правильное положение больших пальцев. Глинский был бы доволен тем, как ученик усвоил стрелковую науку.

Алексей понимал, что вряд ли сможет хотя бы ранить кого-то, тем более захватить с собой на тот свет. Его убийцам достаточно дать очередь из-за угла стойки, вслепую. Слишком мало места для укрытия, хоть пара пуль найдет цель, а больше и не нужно.

И все же Постников намеревался попробовать.

Еще хотя бы один выстрел, только один. Иногда ведь и подброшенная монета упав остается на ребре. Кто знает, какие чудеса может сотворить всего лишь одна пуля...

Указательный палец выбрал свободный ход крючка и словно замер на порожке - еще пара миллиметров и прогремит выстрел. Вдох - и плавный выдох, воздух мягко, ровно выходит из легких Вдох, выдох.

Три светящиеся белые точки - на целике и мушке Барышева - заполнили весь мир. Вот в этом Постников нарушил указания Глинского - смотреть сначала на мишень. Но учитывая обстоятельства, некоторое несовершенство было для Постникова вполне простительно.

Хруст. Шаги. До врага оставалось от силы метр-полтора и плюс несколько сантиметров пластмассы 'под полированный гранит'.

Постников выбрал спуск еще на миллиметр и приготовился совершить чудо единственной пули.

Глава 19

Секунды шли, одна за другой, но ничего не происходило.

- Бросайте оружие и уходите.

Почему Постников не выстрелил от неожиданности, он и сам не смог бы сказать - палец был на спуске, нервы на взводе, и плюс к тому отчаянное желание сделать еще хоть что-то перед смертью. Но все же - не выстрелил.

- Финансовая инспекция, отдел взысканий и досудебного урегулирования претензий, - сказал кто-то в зале, громко, звучно, с абсолютным спокойствием. Словно находился в служебном кабинете, а не в клубе, ставшем бойней. Постников медленно, стараясь даже не дышать, снял палец с крючка. Связки от напряжения словно замерзли, и движения получались рваными, дергаными.

'Господи, неужели обошлось?..'

Очень осторожно, помогая локтями - нога онемела до паха - Алексей подтянулся к краю стойки и выглянул, буквально одним - левым - глазом. И увидел. Их было двое, и Постникову сразу показалось, что он уже где-то когда-то видел эту пару. Или кого-то похожего.

Один был мужчиной, без вариантов, хотя голова скрывалось под большим зеркальным шлемом без видимых щелей и забрала. Очень высокий, квадратный в длинном плаще, достающем почти до пола. Плащ оказался не простой, а с длинной пелериной, жесткий и почти негнущийся даже на вид. Пуговиц заметно не было - только клапаны и шнуровка 'внахлест'. Высокий поднятый воротник защищал и так невидимую шею и к тому же перекрывал нижнюю часть шлема.

Кисти рук скрывались в длинных рукавах, наружу торчали только два револьверных ствола каких-то совершенно эпических габаритов. В общем первая же ассоциация, приходившая на ум при виде громилы, исчерпывалась одним словом - танк.

- Это не ваша территория и не ваше дело, - продолжил второй член маленькой команды. Точнее вторая, поскольку это была женщина. Ощущение дежа-вю у Постникова усилилось. Женщина была не то, чтобы маленькой или миниатюрной... лучше всего ей подошло бы определение 'компактная'. В сравнении с бронированным от пяток до макушки напарником она казалась почти обнаженной - в обтягивающем комбинезоне наподобие мотоциклетного, кирпично-красного цвета, с широкими черными

полосами на сгибах, поясе и у шеи. Девушка качнула головой, увенчанной копной рыжеватых волос, чуть повернулась, и стало видно, что за спиной у нее небольшой, смешного школьного вида рюкзачок - круглый, как большая таблетка. А к рюкзачку приторочен черный стержень, похожий на тонкий тубус для переноски чертежей.

Девушка казалась очень мирной, совершенно не воинственной. Однако мирное впечатление немного смазывал длинноствольный пистолет в ее руке, похожий на 'люгер' времен Первой мировой с неестественно длинным магазином в рукояти.

- Уходите, не создавая угрозы гражданским, - очень по-военному посоветовала рыжая со спокойной властностью. Как человек, привыкший, что его слова имеют вес и очень внимательно оцениваются всеми окружающими.

- В противном случае нам придется смириться с риском для граждан и перейти к процедуре задержания.

Женщина протянула вперед левую руку, и в воздухе развернулась голограмма - золотой символ рубля, а по обе стороны от него буквы поменьше - 'Ф' плюс 'И'.

'Финансовая инспекция...'

Постников слышал о них. Да и кто не слышал об арбитрах?..

Перестройка системы госуправления после большой войны сопровождалась в том числе неиллюзорным правовым бардаком. Принцип 'кто смел, тот и съел' воплощался во всей красе. И фининспекторы свое отхватили по максимуму. Согласно старой, не применявшейся с шестидесятых годов оговорке, документы, утвержденные в Министерстве юстиции, обретали силу закона. Пользуясь этим служба финансовой инспекции очень быстро наштамповала нужные акты и оперативно, буквально в один заход, провела их утверждение. Таким образом создалась фактически самостоятельная подзаконная система, идущая в лучшем случае параллельно с нормами и кодексами, утвержденными Верховным Советом СССР.

Само по себе это было не уникально, в восьмидесятых и начале девяностых случались куда более занимательные вещи. Однако советские налоговики не только обеспечили себе формальные привилегии, но и быстро, очень эффективно вписались в систему нарождающихся трестов. А затем дали второе дыхание институту 'внесудебного урегулирования' и арбитров. Тех самых, которые 'при принятии решений руководствуются не только правовыми предписаниями, но и экономической целесообразностью'. По сути арбитры совместили функции аудита, взыскания, третейского судьи, а также - по

необходимости и кошельку заказчика - жесткой наемной силы. Так у агентов капиталистических синдикатов появился мощный конкурент в виде социалистических арбитров. Арбитров было меньше и работали они главным образом внутри страны, но за ними стояло больше ресурсов и тень государства, пусть ослабленного эрозией власти. А обычные наемники были против инспекторов как пионерское звено против секретариата ЦК. Так что сравниться с финансовой службой СССР могли разве что структуры, выросшие на телах организаций вроде ЦРУ.

С практической точки зрения появление в клубе арбитров означало, что возможно Постников еще немного поживет. 'Лоли' встретили равного противника. По меньшей мере равного.

Все было сказано, и лишние слова оказались ни к чему. Три вооруженные девочки не советовались и даже не переглядывались. Действуя как единое целое, они двинулись вперед и в стороны, расходясь трехзвенной цепью. Теперь лоли походили не на касаток, а скорее на крокодилов, движущихся с подчеркнутой медлительностью и осторожностью. Готовых в любой миг сорваться в стремительный атакующий бросок. Отступать и отказываться от груза наемники явно не собирались.

Беззвучно шевеля губами, Постников перехватил пистолет в правую руку - он лежал на левом боку, выглядывая из-за стойки, и стрелять с левой было совсем неудобно.

- Не вздумай, идиот.

Бесплотный голос ударил в череп, отдаваясь в затылке. Алексей вздрогнул. Кто-то - скорее всего новые участники - перехватил радиоволну дентофона и вышел на прямую связь. Голос

показался женским, скорее всего то была рыжая арбитресса.

- Притихни мышью, - посоветовал голос.

Шкафообразный мужик в плаще остался недвижим, только чуть приподнял руки. Теперь револьверы смотрели не строго вниз, а под углом градусов в сорок к изрядно побитому и потрескавшемуся зеркальному полу. Рыжая чуть сместилась к его правому плечу, почти скрывшись из поля зрения Постникова. Почему арбитры ничего не делают, Алексей не понимал. Их просто окружали с трех сторон, а инспекторы словно чего-то ждали.

Подмоги?..

Все началось очень быстро, и большая часть действия случилась прежде, чем Постников осознал увиденное. Так что для пришельца все происходящее выглядело как вспышка звука и действия. Словно фейерверк - яркий и зрелищный, сотканный из

множества мелких огоньков, рассматривать которые по отдельности нет никакой возможности. А вот для профессионала действия сторон были понятны и математически точны.

Девочки напали разом, по незаметной команде - рывком в сторону и вперед, сбивая возможный прицел, стреляя в движении. Громила атаковал центральную лолиту, выстрелил сразу с двух рук, одновременно с тем рыжая скользнула ему за спину, приседая и выглядывая из-под правой руки стрелка. Пламя жахнуло из револьверных стволов, как из гаубиц, едва ли не на полметра, отдача шатнула даже плащеносца, в котором было вместе с броней центнера полтора. Здоровяк не попал, да и не пытался. Он работал командно и задачей для впечатляющего залпа было не столько сразить конкретного врага, сколько замедлить, ошеломить. Поэтому он стрелял не в лолиту, а по обе стороны от нее. Девчонка присела, нажимая на спуск, полосуя длинной очередью крупную фигуру револьверщика и прозевала короткое, неслышимое на фоне револьверного грома тявканье пистолета арбитрессы.

'Люгер' метнул фиксированную очередь в три патрона - экспансивная пуля типа 'паучок', бронебойная и снова 'паучок'. Лоля схватила все три. Последняя задела щеку и выбила все зубы с правой стороны, вторая - бронебойная - прошла у основания шеи без видимого результата. А вот начинающий очередь 'паучок' разнес плечевой сустав вдребезги. 'Паучки' действовали немного по иному принципу, нежели 'актинии' - попав в тело они не дробились на сегменты, а разделялись по продольным швам крест-накрест почти до самого донца пули. Получившийся четырехлепестковый снарядик и в самом деле походил на паучка. И эффект от нормального попадания был весьма впечатляющим. Руку не оторвало только благодаря тонким нитям каркасного хрома, внедренным под кожу.

Раненая лолита пошатнулась, отступая на твердых, негнущихся ногах, разом утратив пластику и точность движений прирожденного хищника. Поврежденная рука безвольно болталась на соединительных кабелях и остатках каркаса, автомат остался в левой. Ужасающая рана на лице сделала девочку похожей на злобного клоуна с кровавым оскалом. Пять-семь секунд, и она оправилась бы - скрытые в теле медикаментозные кассеты уже выбросили в кровь адский коктейль из обезболивающих препаратов и 'разгонщиков', а электроника перекрыла основные кровеносные сосуды, снизив кровопотерю до условно приемлемого уровня. Но этих секунд арбитры ей не дали.

Рыжая двигалась, как метроном, она выглядывала из-за

корпуса напарника - вправо-влево - стреляя в двух оставшихся противников. Темп в ущерб точности - не стремясь попасть, но опять вынуждая постоянно двигаться, не позволяя как следует прицелиться. Ее напарник принимал на себя вражеский огонь, словно настоящий танк - 'актинии' вязли в многослойной броне, словно камешки в омуте. Еще один сдвоенный залп из револьверов, и лолита, что без руки, свалилась на пол, убитая на месте. Центральная позиция нападавших была выбита.

Третья "лоля", что находилась на условном левом фланге девочек-ассассинов, побежала по широкой дуге, пригибаясь и не тратя времени на стрельбу. Она пыталась выйти за спину верзиле и лишить рыжую преимуществ живого щита. А первая, правофланговая, рванула вперед, прямо на верзилу. Ее Карат был редкой, малораспространенной модификации - у него имелся электронный блок, позволявший регулировать темп стрельбы. В долю секунды владелица выставила предельное значение и нажала спуск. Автомат в ее руках даже не загремел... он издал жуткий звук, похожий на многократно усиленный визг циркулярной пилы, выпустив за полсекунды почти три десятка пуль - как однозарядный дробовик, заряженный восьмимиллиметровой картечью. И большая часть пуль-картечин пришлась в грудь верзиле. Физику не обманешь - броня выдержала и это, но импульс оказался слишком силен. Верзилу словно кувалдой с размаха приложило, и он рухнул навзничь.

Рыжая извернулась гибкой змеей, выскользнув из-под падающего напарника, выцеливая бегущую по дуге противницу. А свалившая громилу лолита отбросила бесполезный автомат - перегретую механику заклинило - и метнулась мимо, как американский футболист за мячом. Только стремилась она к чемоданчику, про который, казалось, все забыли.

Неожиданно быстро для своих габаритов и положения громила выбросил в сторону здоровенную лапищу и зацепил пробегавшую мимо лолиту. Пальцы в толстой перчатке сомкнулись на лодыжке, сминая и плюща мышцы, как пластилин. Хватка у человека-танка была отнюдь не из костей и плоти. Девочка выгнулась так, словно в ее теле не было ни единой кости, и ткнула здоровяка чем-то, похожим то ли на толстый короткий стилет, то ли на карандаш. Ударила туда, куда дотянулась - в схватившую руку. На самом деле это был не карандаш, а карликовый кумулятивный заряд, такие использовали для вышибания замков, пробивания стен. А при должной сноровке он мог сгодиться и как одноразовый нож против кибернетического противника. Громко хлопнуло, направленный взрыв огненным шилом пронзил бронированную ткань рукава и повредил

лучезапястный сустав. Девчонка освободилась, но утратила часть подвижности из-за поврежденной ноги.

Бам-бам.

Как говаривал Глинский - настоящему стрелку все равно, где он и кто против него. Правильные, годные тренировки вбивают правильные рефлексы настолько глубоко и прочно, что потом можно сражаться хоть с марсианином с бластером в щупальцах из жопы. Так и вышло. Постников не был по-настоящему хорошим стрелком, но грамотно поставленная техника плюс немного везения - и классическая 'двоечка' пришлась боевой лолите между лопаток. Девчонка совсем потеряла темп и рухнула на колено, крутя головой, будто разогнанной решеткой радара в поисках тактического выхода. Но не успела - громила навалился на нее, как медведь, всеми полутора центнерами мышц и гибкой композитной брони.

Последняя лолита мелькала, перебегая от стойки к стойке, совсем как Алексей чуть ранее. Только получалось у нее куда быстрее и ловчее. Левая рука рыжей нырнула за спину, к стержню-тубусу. Правая же следила за движениями лоли, как привязанная. Трехпатронная очередь - мимо. Еще одна - снова мимо, прозрачная световая колонна брызнула хрустальным крошевом, издав протяжный мелодичный звук. Бросок лоли за стойку совпал со щелчком бойка в пустом патроннике. Девочка в матроске поднялась над стойкой, вынырнув, будто змея из норы, с автоматом наготове, в готовности расстрелять 'пустого' соперника, пока тот не перезарядился. Но рыжая арбитресса уже держала наготове тубус, вытянув его, словно Гарри Поттер волшебную палочку.

Внешне это выглядело как сноп холодного сине-белого огня, сорвавшегося с торца стержня. Так в компьютерных играх, бывает, показывают выстрел из плазмомета или иного энергетического оружия. Удар белого пламени шарахнул по лоле и автомату, кроша пластмассовую стойку, превращая матроску в пылающие лоскуты, а волосы в пепел. Эффект от использованного 'тубуса' походил на взрыв гранаты. Двое или трое человек, притворявшиеся мертвыми, были обожжены и ранены осколками. Они с криками боли заметались, ища спасение. Израненная лолита, похожая на оплавленную в огне пластмассовую куклу, захромала, пытаясь укрыться за гражданскими, отчаянно дергая затвор Карата - шнековый магазин не был рассчитан на такие испытания и 'зажевал' патрон.

Рыжая снова завела левую руку за спину, на сей раз к смешному круглому рюкзачку. Арбитрессу, похоже, совершенно не смущало, что использованный тубус расплавился у нее прямо в

руке. Стальные пальцы почти не утратили подвижности, а из нижней застежки рюкзачка буквально сам собой выпал дисковый магазин-'улитка', специально для пистолетов.

Один щелчок - диск стал на место. Второй - передернутый затвор. Как две-три минуты назад лоля не обращала внимания на сторонние жертвы, так сейчас арбитресса не принимала во внимание живой щит лолиты. Рыжая стреляла так, словно между ней и целью ничего не было. Четыре очереди, слившиеся в одну, двенадцать патронов. Диск был снаряжен также, как предыдущий магазин, из каждой тройной отсечки два экспансивных 'паучка' вязли в телах несчастных жертв, за которыми укрывалась обожженная убийца. Но бронебойные проходили навылет, настигая мишень.

Рыжая валькирия не прекратила стрельбу даже когда лоля осела на пол, покрытый осколками и кровавыми пятнами. Арбитресса целила в корпус, кровь из ран лолиты не хлестала в ритме сердцебиения, а текла ровными ручейками, словно в торсе девочки вместо бьющегося сердца работал механический насос. Хотя скорее всего так и было.

Несмотря на кинетическую энергию попаданий девочка в матроске так и не упала, оставшись на коленях, чуть завалившись на бок. Она посмотрела на Постникова - случайно, просто дернула головой в агонии. Их взгляды встретились. Удивительным образом лицо и глаза девочки почти не пострадали от ожога, в отличие от скальпа и шеи. Больше не было ни искусной актерской игры, ни мертвенной маски убийцы на работе. Даже естественного и понятного отчаяния не оказалось в ее глазах. Только безмерная, безнадежная усталость. Это был взгляд очень старого человека, который видел мало хорошего в жизни, и ничего не ждал после смерти.

Мгновение Постников не мог оторваться от темных глаз девочки, а затем очередная тройка из 'люгера' попала ей в лоб. Тошнота вновь подступила к горлу Алексея, он отвернулся, но очень неудачно, потому что теперь увидел сцепившихся верзилу и последнюю лолиту. Громила в плаще методично вколачивал в пол голову противницы, как копр, забивающий сваю. От повреждений электронику в мозгу лолиты окончательно переклинило и включился режим аврального перезапуска, а благодаря обширным и все умножающимся травмам процесс пошел циклично. Руки и ноги девочки дергались асинхронно, во всю мощь мускулов, усиленных кибернетическими приводами. В этих движениях уже не было ничего человеческого, как и в методично разбиваемом черепе, где мешались кости, пластик и металл.

Алекса вырвало кислой желчью. На службе у Доктора он повидал всякого, но вивисекторы все же были медиками и старались избежать ненужного натурализма. В конце концов работать по уши в крови, посреди разбросанных внутренностей просто неудобно и септично. Здесь же, вокруг, была настоящая бойня, в самом прямом смысле слова.

Даже когда желудок полностью опустел, судорожные спазмы продолжали сотрясать Постникова. Диафрагма и ребра болели так, словно его накрыл приступ острого аппендицита. Но все-таки Алексей попробовал встать. Он уже не скрывался и не пытался скрыться. Было очевидно, что, если арбитры захотят его убить, он умрет. Когда они решат и таким образом, как они решат. Встать ему удалось, несмотря на раненую ногу и пистолет в левой руке.

Постников тяжело оперся о стойку, покосился на расстрелянного автоматика-бармена. Сунул Барышева за пояс.

'Надо отдать Глинскому'.

Мысли путались, словно с окончанием резни иссякла некая батарейка в голове. А может быть организм истратил запас адреналинового драйва и теперь валился в неизбежный отходняк. Да и кровопотеря наверняка сказывалась. Снаружи выли сирены, доносился странный шум, словно океан подступил едва ли не к самому порогу клуба. Толпа? Скорее всего...

Алексей посмотрел на клуб. Посмотрел на себя и грустно усмехнулся, думая, что он снова одноглазый. Должно быть, это судьба. Фатум. От пиджака несло рвотой, а помещение уже насквозь провоняло жутким, ни с чем не сравнимым запахом обильно пролитой крови и вывернутых внутренностей. Постников понял, что уже никуда не уйдет, с такой то ногой... Он сел прямо на пол, поврежденную ногу кольнуло, но как будто издалека, почти неощутимо. В животе нарастало жжение. Алексей провел рукой по пиджаку и почувствовал обилие мокрой теплой жидкости. Кровь... много крови. Даже очень много. Наверное...

Что именно 'наверное' он не подумал, точнее не додумал. Мысль потерялась, растворилась на фоне других. Некстати - или наоборот, очень кстати? - вспомнилась недавняя рекламка.

'И неясно прохожим в этот день непогожий почему я веселый такой! Новейший, совершенно легальный эликсир счастья и веселья - 'Чебурашка'! Не вызывает привыкания'

- Я его помню, - сказала рыжая.

Когда она подошла, почему Алексей ее не заметил?.. Да какая разница... Ему было уже все равно. Хотелось просто посидеть и отдохнуть. Немного отдохнуть...

- Бывает же такое, - согласился вставший с другой стороны верзила. Шлем он снял, явив миру крупную лобастую голову -

скорее 'башку' - с мутными белесыми глазками и короткой щетиной рыжих волос. Лицо мужчины кривилось от боли, поврежденная рука висела плетью.

Арбитры переговаривались голосом, а не дентофонами. Почему?.. Мысль показалась Постникову очень смешной, но сил смеяться уже не оставалось. Поэтому веселье переплавилось в ощущение тихого апатичного счастья. Все вокруг обрело резкость и контрастность. И еще монохромность, как в стильном черно-белом нуаре. Город, в котором постоянно идет дождь и очень много искусственного света, обольстительные женщины убийцы, утрированные для большей выразительности образы.

Какой хороший фильм... Сейчас он заснет, это будет очень долгий, очень глубокий сон без сновидений. А затем проснется, отдохнувший, молодой, бодрый. И забудет этот мир, этот затянувшийся сон. Нечего будет обсуждать с друзьями, нечего будет рассказать Инге, но это и к лучшему. Некоторые сны лучше забыть, никогда не вспоминая.

- Все, поплыл, - констатировал арбитр.

Рыжая наклонилась к Постникову и подержала его за палец левой руки. Недолго, секунд пять-семь. Затем неожиданно мазнула пальцем расплывающееся на пиджаке кровавое пятно и попробовала на вкус.

- Пульс слабый, частый, - заметила она мягким, неожиданно приятным голосом с едва заметными неестественно-металлическими нотками. - Гемоглобин низкий.

- Не понимаю, - сказал арбитр, встряхивая раненой рукой. - Чем его зацепило?.. Пуля разворотила бы живот до позвоночника.

- Видимо отдельный сегмент. Но и его хватило.

- Отходит?

Завывание сирен становилось все громче и ближе. Силы правопорядка подоспели быстро, очень быстро для огромного мегаполиса. Но все же слишком поздно.

- Да. Обширное внутреннее кровотечение в брюшной полости, - арбитресса дала диагноз с точностью и спокойствием автоматика. - Без немедленной помощи через пять минут кровопотеря станет критической. А через десять он умрет.

- И что же нам с ним делать?..

Арбитр толкнул Постникова носком тяжелого ботинка.

- Эй, дефективный, у тебя есть медицинский абонемент? Помрешь сейчас.

- Откуда у него абонемент, - укорила партнера за недогадливость рыжая. - Посмотри на него. Уличная торпеда в одноразовом мешке 'на выход'.

- Даже жаль... Он мне немного помог. И стрелял очень

прилично... для мелкой гопы, конечно. Интересно, кто ему ставил технику... - меланхолично вопросил здоровяк.

- Уже не важно, - так же меланхолично отозвалась рыжая, сгибая и разгибая металлические пальцы обожженной руки. - Уже не важно... Я заберу чемодан.

* * *

Их разговор было невозможно прослушать. Точнее, почти невозможно. Но это самое 'почти' составляло настолько малую долю вероятности, что один из двух собеседников дал волю чувствам. Маленький, обшарпанный и незаметный рафик на деле являлся передвижным пунктом радиоэлектронного обеспечения, набитым под завязку самым лучшим в мире оборудованием. Электроники в нем было столько, что едва хватало места для двух операторов. Однако сейчас вместо техников за узким складным столиком сидел только один человек и в голос орал на невидимого собеседника.

- Ты рехнулся! - вопиял первый заместитель начальника агломеративной службы МВ. - Ты вообще понимаешь, что произошло?!

- Понимаю, - с видимым спокойствием отозвался из своего кабинета директор филиала 'Москва-Ленинград' Управления Финансовой инспекции. Впрочем, спокойствие было только видимым.

- Это резня, мать вашу, - рявкнул милицейский чин. Формально он находился на более низкой ступени, чем фининспектор, однако обстоятельства были экстраординарными, это меняло расстановку сил и тонкий баланс взаимоотношений среди властных структур.

Директор чуть склонил голову, не то соглашаясь, не то выражая готовность слушать.

- Это. Гребаная. Кровавая. Резня, - повторил милиционер, четко разделяя слова, как гвозди вбивал. - И это даже не работяги с окраин! - сорвался он вторично. - Самый что ни на есть средний класс, 'синие воротнички'! Да там трупы будут десятками вывозить! Гонзагамо уже сбегаются со всего города, они с ходу гонят репортажи в прямом эфире! И твои мясники все в белом прямо на месте массовой бойни! Ты понимаешь, что такого не было даже в Нью-Йорке и Токио?!

- Все когда-нибудь случается в первый раз, - спокойно отозвался директор.

- Только не в моей ответственности, - со злой язвительностью отрезал милиционер.

Снаружи разворачивалось оцепление, выгружался отряд быстрого реагирования 'Пламя' - бойцы в полных доспехах городского боя, напоминавших скафандры, с новейшим адаптивным камуфляжем. Из транспортного фургона техники при помощи ручной тяги и душевного поминания чьей-то матери выгружали штурмового автоматика, похожего на многолапую гусеницу. Все шло по установленному протоколу, и у начальства еще было несколько минут на перелай и разборку.

- Не в твоей ответственности? - перешел в контратаку инспектор. - Вы прохлопали бандитский сходняк и передачу контрафакта посреди города, в приличном районе. А благодаря моим людям сходка была сорвана, и мирные граждане спасены...

Тут директор сделал паузу, поняв, что чуть перебрал.

- Да, те, кто успел унести ноги, - снова съязвил заместитель. - И какое удивительное совпадение, арбитры оказались ну прямо там, где был сходняк, чудеса просто! В решете.

- Неважно, - отрубил директор. - Повесить на нашу службу всю вину у вас не выйдет. Два арбитра случайно оказались рядом с местом преступления и вмешались.

- Такая у вас версия?

- Именно такая. И мы в одной лодке, так что не напирай.

Милицейский чин остыл как свинец, пролитый в ледяной бассейн - сразу и наверняка. Теперь, сбросив пар, он снова рассуждал быстро и хладнокровно.

- Притянуто, - сказал милиционер. - Слишком притянуто. И записи будут против вас. Мы уже переливаем цифру, там ясно видно, что твои появились быстро, при рабочем снаряжении. В случайность никто не поверит...

Несказанное тем не менее повисло в воздухе ощутимым пониманием. В обычных обстоятельствах службе финансовой инспекции было бы совершенно все равно, что о ней подумают и скажут. Однако на этот раз масштабы случившегося били все рекорды. Жесточайшее побоище посреди города со множеством совершенно непричастных жертв... Как совершенно справедливо заметил милицейский, такого не было в Нью-Йорке и Токио времен Войны Дзайбацу, а в тот год поубивали немало народу. Если подумать, случившееся было жестче, чем конфликт между 'Biotechnica' и 'Innovative Genetics Scientific' за индийские заводы и монополию на производство 'витакриона'. Даже в прошлом году, когда 'Правитель' попытался отжать у Союзпочты Плесецк в рамках борьбы на рынке метеоспутников и космической связи - и тогда масштабы оказались меньше. А ведь конфликт трестов дошел до вооруженного штурма испытательного полигона.

Негласное правило войны трестов и синдикатов гласило -

необходимо всеми силами минимизировать потери среди сторонних. Большие деньги терпимы к большой крови, но не выносят громкого шума. А сейчас шум обещал стать грандиозным. И в центре событий оказывались арбитры... Однако следовало учитывать, что беспрецедентная резня бросала тень на все правоохранительные службы. Так что топить арбитров вчистую милицейским было не выгодно. Следовательно, имело смысл постараться найти точку взаимного интереса.

- Нет никаких записей, - решительно предложил директор. - Камеры были отключены руководством клуба, которое вступило в сговор с преступным элементом. Липовый акт о неисправности с подписью заведующего и все такое. Имела место встреча двух группировок, которая не поделила контрафакт и устроила перестрелку. Возможно это были даже какие-нибудь террористы. Служба МВ пресекла конфликт и защитила ... оставшихся.

- И арбитров не было?

- Даже близко не проходили. Милиция всегда настороже и хранит мирный покой граждан.

- Что ж... - заместитель на две минуты ушел со связи, заставив директора понервничать. Затем вернулся. - Технически это возможно... Однако...

- Договоримся, - директор понял многозначительную паузу совершенно правильно.

- На чем будем договариваться? - пустил пробный шар заместитель.

- Договоримся, - повторил директор брюзгливо и с ноткой тоскливой обреченности в голосе. Он был просящей стороной, и обе стороны это прекрасно понимали. - Дай с этим бардаком чуть разобраться.

- Дело твое, - неожиданно миролюбиво согласился заместитель. - Только не забудь, что записи не горят.

- Не забуду. Завтра встретимся и порешаем.

- Отлично. Но этого мало.

- Что еще?

- Если записей нет, то вам нужны свидетели. Хорошие свидетели, которые скажут правильные вещи. И это уже ваша забота, где их взять.

- У нас есть свидетель, - после короткой паузы вымолвил директор. - Хороший, годный свидетель, прямо с места событий.

- Кто такой? - подозрительно осведомился милиционер.

- Не гражданин, но твердо ставший на путь служения обществу и общественно-полезной работы. Случайно оказался на месте событий, обезоружил одну ... одного из террористов и оказал вооруженный отпор преступникам. Тяжело ранен врагами

общества.

- Очень достойный человек... - согласился заместитель. - Настоящий пример для подражания.

- Да. Если только эта скотина не сдохнет.

Часть третья
Город света

Глава 20

- ... Совместные действия МУУР и СОГ-ФИ при поддержке ОБР 'Пламя' по задержанию членов ОПГ, занимавшихся нелегальной трансплантологией... Преступники оказали вооруженное сопротивление. Есть жертвы среди граждан... Преступники обезврежены ...

Постников щелкнул пальцами, приглушая звук. Официальные новости были унылы до невозможности, к тому же все аббревиатуры проговаривались скороговоркой, без расшифровки. 'Хроника текущих событий', рассылаемая по 'черной подписке', вносила немного ясности. Из нее становилось понятно, что МУУР это межрайоное управление уголовного розыска, СОГ-ФИ - специальная оперативная группа финансовой инспекции, ОБР - отряд быстрого реагирования. И так далее. Впрочем, судя по новостям, доступным Постникову, до самого дна событий не докопался никто, даже гонзагамо. Оно и к лучшему.

Алекс сполз с кровати, неприятно похожей на 'станок' из камеры медицинского заключения в 'Правителе'. Вообще вся палата напоминала то достославное заведение, вплоть до телевизионного экрана, похожего на узкую прорезь в стене. Все это не прибавляло Постникову душевного спокойствия. Алекс прошлепал босыми ногами к столику у наглухо запертой двери, плеснул себе воды из бутылки в одноразовый прозрачный стакан. Обуваться в тапки-'однодневки' пациент поленился. Вода была кисловатая и странно пощипывала язык, как будто газированная, хотя газа в ней точно не имелось. Но выбирать было не из чего.

Надо признать, лечили пришельца хорошо, и условия содержания оказались более чем сносные. За три недели ему почти полностью восстановили ногу, причем без всякого протезирования - только легкая хромота осталась, но по словам медиков и она должна была пройти через месяц-полтора. Со второй раной вышло сложнее - пациента буквально вытащили с того света, накачав немыслимо дорогим кровезаменителем от 'КосмоМеда', варившего эксклюзивные препараты на орбитальных заводах, в невесомости. Затем последовала не менее дорогая и сложная многочасовая операция по восстановлению мелких кровеносных сосудов печени. Все нужное сшили, однако 'как новую' железу восстановить не удалось, так что теперь Постников был обречен до конца жизни принимать только самые лучшие иммуноблокаторы против отторжения хрома. Никакого эрзаца,

ничего аллергенного. Или не пользоваться протезами. Или сменить печень...

Отрабатывать благодеяния пришлось по полной программе. Алекса привели в чувство уже на следующий день после операции, и две недели он стойко держал марафон непрерывного расследования. Допросы, свидетельства, интервью тщательно отобранным журналистам. Снова допросы, Обычные допросы, пристрастные допросы, очень пристрастные допросы, когда следователь как бы случайно опирается на стойку, пережимая трубку с раствором. А все остальные, включая вроде бы 'своих' фининспекторов, в трогательном единении внимательно смотрят по сторонам, не замечая конвульсий пациента.

Но Постников очень хотел жить, очень хорошо понимал, сколько стоит его лечение (все-таки работа у злых медиков не прошла даром). И точно знал, что его новые покровители ничего не делают даром, и это не красивый оборот, а суровая правда жизни. В каждой капле настоящих, хороших лекарств, которыми заряжали его капельницы, он видел падающие рубли. Монеты и банкноты, складывавшиеся в солидную сумму, которую ему предстояло отработать до последней копейки. И Постников отрабатывал, как мог. До последней копейки. А когда становилось совсем невмоготу, он думал, что быть может вытянул свой счастливый билет, и его старания не пройдут незамеченными.

В конце концов положил же он хорошую, точную 'двоечку' в спину лолите, истекая кровью, в аду кровавой дискотеки...

Вода скользнула в глотку, словно в бездну. Постников выпил еще один полный стакан, однако жажда не отпускала. Шесть дней назад ему разрешили вставать и вообще жить относительно нормальной жизнью - в пределах просторной и запертой палаты. Кто бы мог подумать, что обычный унитаз - это так здорово... после катетеров и того, что можно было бы назвать высокомеханизированной "уткой".

Пять дней назад состоялся последний визит следователей. Судя по новостям, в которых пациента к его удивлению почти не ограничивали, информационный шум относительно 'кровавой бесчеловечной резни' шел на убыль - мир был велик и в нем постоянно происходило множество разных вещей. Госстрах выплатил щедрые компенсации жертвам. Зло было сурово наказано. 'Кейон' записал новый 'пробег' (то есть трек) в память о жертвах (ненавязчиво напомнив, что именно под композицию электронного квартета шло побоище) и запланировал два внеочередных концерта в Москве. Перестрелка потихоньку дрейфовала в прошлое, утрачивая остроту, становясь очередной

городской легендой.

А Постников все чаще задавался вопросом - что с ним теперь будет. Нужен ли он еще своим новым благодетелям. И беспристрастная подбивка баланса подсказывала - скорее нет, чем да. Оказанная услуга ничего не стоит, а свою задачу 'свидетель', судя по всему, уже выполнил.

Постников повернулся, чтобы походить немного по палате, разрабатывая ногу в дополнение к нагрузке в физиотренажере, где его истязали ежедневно по два-три часа. У него в запасе было еще минут двадцать до 'немецкого часа' - времени начала традиционных вечерних сериалов от ГДР. Алекс незаметно 'подсел' на развлекаловки от студий DEFA и Komplexbrigade. Они очень напоминали старое-доброе 'мыло' родного мира и в процессе просмотра можно было вообразить себя обычным человеком. Как будто вокруг все как прежде...

Однако на этот раз предаться телесозерцанию ему не дали.

Их было двое. Двое гостей, вошедших без предупреждения, стука и спроса. Одного, точнее одну Алекс помнил - та самая девушка-шатенка. Арбитресса. Другой походил на обычного советского бюрократа, но только на первый и очень поверхностный взгляд.

Словно по заказу, в палате оказалось всего два стула - высокие, на тройных спицеобразных ножках, которые навевали мысли не столько о медицине, сколько бдсм-баре. Гости уселись плотно и уверенно, можно сказать - по-хозяйски. Арбитресса совсем по-детски заболтала ногами в обтягивающих штанах и высоких - под колено - сапогах лайковой кожи, похожих на обувь для верховой езды. Бюрократ положил прямо на пол деревянный ящичек, похожий на ювелирную шкатулку, склонился вперед и переплел пальцы рук, не спуская с пациента внимательного взгляда немигающих глаз. Взгляд напомнил Коллегу, и Алекс, севший на кровать, не смог сдержать дрожи.

- Настоящие глаза, - пробормотал пациент, когда молчание сторон затянулось сверх всякой меры. Он собирался сказать совершенно иное, но фраза вырвалась будто сама собой, и Постников подавил желание прикрыть рот ладонью.

- Я не пользуюсь приращениями, - вполне доброжелательно ответил пришедший, скользнув взглядом по пустой глазнице самого Постникова - выжженный протез медики удалили, а новым не озаботились. Видимо это выходило за рамки оплаченной арбитрами реабилитации.

- Моя работа не требует усиления тела и физических кондиций, - пояснил меж тем бюрократ, делая странное

выкручивающее движение ладонями. Словно хотел ненавязчиво подчеркнуть качество серой ткани пиджака и тускло поблескивающих запонок желтого металла. Затем коснулся пальцем высокого лба с тройной вертикальной морщиной. - А соответствующего, как говорят у вас, "хрома", который мог бы пригодиться моей голове, еще не придумали, поэтому я обхожусь дарами естественной эволюции. Хотя возможно, со временем...

Повисла пауза, которую можно было бы назвать 'драматической'. И Постников решил рубить сплеча. В конце концов терять ему было нечего, а судьба его находилась в чужих руках, целиком и полностью.

- Что со мной будет? - спросил он как можно более спокойно и выдержанно. Вышло не идеально, однако и не совсем жалко. Девушка перестала болтать ногами и склонила голову набок, глядя на Постникова с неприкрытым любопытством.

- Это хороший и своевременный вопрос, - против ожиданий одобрил 'серый костюм' с такой уверенностью, что Алекс даже не подумал уточнить - кто же все-таки перед ним. - Надо сказать, что пока он весьма ... дискуссионный.

- Что я могу сделать для того, чтобы он стал ... - теперь паузу сделал Постников. - Менее дискуссионным?

- Он мне нравится, - неожиданно сказала девушка, склонив голову к другому плечу и по-прежнему не отводя от Постникова пристального взгляда сине-зеленых глаз. Слишком ярких и живых, чтобы быть настоящими. Только сейчас Алекс обратил внимание, что левая рука у шатенки затянута в плотную перчатку с крагой до самого локтя. Голос у арбитрессы был приятный и мелодичный, однако где-то на самой грани восприятия звенели чуть заметные металлические нотки. Определенно в горле у девушки была не только живая плоть.

- Рита весьма непосредственна, - почти извиняющимся тоном вымолвил серый человек без хрома. - И ты ей действительно понравился. Это несколько меняет ситуацию...

Снова пауза, но теперь Алекс твердо решил переждать ее до конца. В его представлении сейчас следовало продемонстрировать стойкость и умение терпеть. А когда он уже начинал сомневаться - не переждал ли, поставив гостей в неудобное положение - серый заговорил, тем же вполне добродушным тоном.

- Да, меняет. Возможно, ты пригодишься нашей ... службе.

- Я смогу войти... так сказать... - Постников смешался, запутавшись в собственной куртуазности и попытках выстроить красивую, многозначную фразу. - Вступить в ряды?

- О, нет, - серый мягко улыбнулся, все так же не отводя взгляд

от лица Постникова. Арбитресса хихикнула, тряхнув пышной шевелюрой, и Алексу стало страшно. Эта милая, непосредственная девчонка совершенно не соотносилась с демоном смерти, что хладнокровно расстреливал людей на дискаче, выцеливая противника. Было во всей этой несообразности что-то ... безумное.

- Нет, в наши ряды не вступают. Туда только принимают, по специальным, исключительным приглашениям, - серый отчетливо выделил голосом последнее слово. - И таким как ты, проход закрыт.

Вот так, предельно прямо, предельно откровенно. Алекс подавил инстинктивное желание скривить губы и спрятать лицо в ладонях. Это было бы слишком жалко, слишком слабосильно. А шестое чувство подсказывало Постникову, что сейчас он может позволить себе все, кроме проявления слабости. Вот в этом случае на нем точно поставят крест.

- Чтобы стать арбитром мало уметь быстро стрелять и летать только спецрейсами для ... людей с особенными возможностями, - пояснил человек в костюме. - Арбитр это в первую очередь юрист. Специалист высочайшей квалификации, способный оперировать как буквой нормативных актов хозяйственного права, так и многочисленными практическими нюансами. Свободно ориентирующийся в процессуальном производстве, финансах, бухгалтерии, налоговом законодательстве, психологии, этике деловых переговоров и множестве иных дисциплин. Большинство финансовых инспекторов никогда в жизни не берет в руки оружия, а ... досадное происшествие, которое собрало нас здесь - это редкостное исключение из правил.

- Пока что редкостное, - вставила арбитресса Рита, жизнерадостно улыбаясь.

- Увы, - серый усмехнулся так, словно между ним и шатенкой продолжился некий давно начатый и сугубо дружеский спор. - Впереди нас ждут лишь дикость, варварство и упадок нравов. Так что да, по-своему ты права. Но мы отвлеклись. Итак... арбитром, мой юный друг, тебе не стать никогда, это исключено.

- Но кем-то же я мог бы ... стать? - спросил Постников.

- Возможно. 'Силовое', так сказать, крыло нашей организации отчасти похоже на рыцарский орден. Это естественный ход вещей, в том случае, если некоторые деловые ... разногласия решаются небольшими группами профессиональных бойцов, а то и отдельными специалистами. Такой э-э-э ... назовем его "аннигилятор проблем" широкого профиля сам по себе представляет ценный актив и полноценную боевую единицу. Которая нуждается в, скажем так, 'свите'.

- Паладины нового времени, - тихо сказал Алекс, вспомнив радиопередачу, услышанную в такси 'бомбилы'.

- Приятно поговорить с умным, образованным человеком, - произнес арбитр, и Постников обмер. Он только сейчас сообразил, что надо как-то больше соответствовать образу полуграмотного провинциала, приехавшего в большой город за лучшей долей. С другой стороны, способен ли такой 'понаехавший' заинтересовать могущественную службу фининспекторов?..

Впрочем, если серый и заметил некую несообразность формы и содержания, то оставил соображения при себе.

- Суть ты ухватил верно. Арбитр-боец по сути своей рыцарь, глава собственного 'копья'. Ты ведь знаешь, что это такое?

- Да, - сдавать назад было уже поздно, и Постников решил выдерживать линию до конца. В конце концов даже 'негр' без паспорта мог получить приличное образование... или начитаться книг в сельской библиотеке. А есть ли здесь села вообще?..

- Свита, насколько я помню? Оруженосцы там, помощники.

- Он мне совсем-совсем нравится, - просто и панибратски заявила Рита.

- Да, - благосклонно согласился спутник арбитрессы, словно Постникова здесь не было. - Небесталанный молодой человек... Итак, 'копье', то есть свита. Помощники, расходный материал.

Серый воззрился на Алекса, определенно в ожидании какой-то реакции. Постников сглотнул, тщательно подбирая слова. Выстраивать ответ под пристальным взглядом двух пар внимательных глаз - двух живых и двух оптических приборов оказалось ... неуютно.

- Лучше быть расходным материалом в службе финансовой инспекции, чем на улице, - сказал наконец Постников. И после короткой заминки добавил. - Если это возможно.

- Деловой подход, - порадовался серый, кивнув с таким видом, словно сомневался в ответе и теперь искренне радовался правильному выбору испытуемого. - Весьма деловой. Что ж, это возможно. При соблюдении некоторых условий. Точнее... при выполнении некоторых действий.

- Что я должен сделать? - решительно вопросил Постников, готовый сделать все, что угодно 'не отходя от кассы'. Однако серый человек почему-то решил несколько отступить от прежней темы.

- Кстати... - он поднял с пола, покрытого толстой пружинящей пленкой, шкатулку. - Это, видимо, следует передать тебе.

Постников осторожно принял дар, отметив, что коробка гораздо тяжелее, чем кажется. Вместо замка створки соединял

маленький крючок, судя по блеску - латунный. Алекс осторожно взвесил шкатулку в левой руке и выжидательно глянул на серого.

- Открой, - буквально приказал тот.

- Тебе понравится, - очень мило пообещала Рита.

Алекс послушно отомкнул крючок ногтем большого пальца и откинул полированную крышку на трех петлях.

- Это ... - пробормотал пациент, не понимая, как следует реагировать и что делать в этом случае.

- Сергей Глинский оставил его на столе с запиской. Похоже, он собирался сделать тебе подарок. Мы решили, что нет причин препятствовать этому.

Алекс осторожно достал из коробки большой пистолет с хитро изогнутой 'анатомической' рукоятью. Оружие походило одновременно на классический маузер - благодаря расположению шахты магазина перед спусковой скобой - и спортивный пистолет, изготовленный на заказ, под конкретную руку.

- Странно... Наверное, стоит его поблагодарить, - осторожно предположил Алекс поднимая оружие стволом вверх. Пистолет оказался тяжелым даже в незаряженном виде.

- Это вряд ли, - отозвалась Рита. - Никак не получится.

- Да, - согласился с ней спутник. - Дело в том, что твой наставник, как оказалось, не только давал уроки практической стрельбы. Помимо этого, он вербовал террористов для 'красных'. И весьма успешно, надо признать. Видимо, положил глаз и на тебя.

- Он ничего такого со мной не обсуждал, - быстро сказал Алекс, укладывая пистолет обратно в коробку. Левая рука ощутимо дрогнула, и Постников понадеялся, что этого никто не заметил.

- Он не успел, - обаятельно улыбнулась рыжая. - Но определенно собирался.

- Товарищ Глинский оказался очень умным и хитрым человеком, - пояснил серый. - Он скрылся прежде, чем мы смогли ... побеседовать с ним. И наверное повода вдумчиво пообщаться с означенным товарищем нам уже не представится. Это печально, судя по всему, Глинский был прекрасным инструктором и отменным педагогом.

- Я не поеду за ним на Урал, - капризно надула губы Рита, и Постников почувствовал холодок между лопатками. Девушка явно шутила, но ... Алекс отчего-то совершенно точно знал, что шутливой здесь была только форма ее предположения. И достаточно одного слова человека в сером костюме, чтобы очаровательная шатенка отправилась на край света, оставляя за собой трупы.

- Он ничего мне не предлагал... - прошептал Алекс пересохшими губами. - Он просто учил меня стрелять...

'Заниматься чем планируешь?.. Будешь и дальше пилить человечков на запчасти?.. А рискнуть не готов? Изменить жизнь, попробовать что-то новое?'

- Мы верим, - усмехнулся гость.

Постников осторожно положил коробку рядом с собой, на кровать. Потер ноющий висок рядом с пустой глазницей.

- Что я должен сделать? - повторил он.

- Не должен, а можешь, - поправил серый арбитр. - Строго и сугубо по желанию.

- Что я могу сделать? - механически повторил Алекс.

- Одну вещь. Тебе надо ... решить вопрос с некой персоной, которая доставила нам всем немало проблем.

- С кем именно надо решить вопрос? - все также механически поправился пациент.

Арбитр подробно ответил. Для этого ему понадобилось примерно полминуты и пять-шесть коротких фраз.

Постников склонил голову, безнадежно махнул левой рукой. Улыбнулся без радости и усмехнулся без веселья.

- Вы издеваетесь, - прошептал он.

- Отнюдь, - сказала Рита. - Отнюдь...

- Вы посылаете меня на смерть, - все так же тихо выговорил Постников. Теперь ему хотелось разрыдаться - по-настоящему, с рычанием зверя, который отгрыз себе лапу, однако из капкана так и не вырвался. - Могли бы сразу пристрелить или что там у вас положено... Это ...

Он нечеловеческим усилием подавил всхлип. Уже не для того, чтобы произвести впечатление на 'гостей', а просто из остатков самоуважения.

- Это несправедливо, - выдавил Алексей. - Я же все сделал ... для вас... Это несправедливо...

- Друг мой, - прищурился арбитр. - О какой справедливости ты говоришь? Позволь, я кое о чем напомню.

Он встал и прошелся по палате, снова вращая кистями. Рита уперлась локтями в колени и задумчиво склонилась вперед, положив подбородок на сжатые кулачки, кажущиеся обманчиво маленькими и слабыми. Особенно тот, который проступал под тканью перчатки тонкими прутиками стального остова.

- Итак, мелкие подпункты довеска опустим, оценим пока основной состав, - арбитр поднял руку и начал отгибать пальцы в такт перечислению. - Участие в организованном преступном сообществе. Нелегальная трансплантация органов и механических протезов. Соучастие в насильственном отторжении

вышеупомянутых органов и протезов. Заметим, неоднократном отторжении, то есть числом два и более. В том числе, повлекшем увечья и смерть потерпевшего. Нелицензированная курьерская служба. Нелицензированное сопровождение в качестве телохранителя. Незаконное владение огнестрельным оружием в количестве двух единиц.

Неожиданно быстро арбитр склонился к Постникову, навис, как серая скала.

- Ты преступник, - негромко, но очень четко выговорил он, впечатывая каждое слово в уши Алексея. - Ты преступник и убийца. Многие даже назвали бы тебя подонком. И этот удел ты выбрал сам. А теперь ты взываешь к справедливости?

Инспектор склонился еще ниже, и Постникову стоило большого труда удержаться на месте, не скрючиться, как испуганному животному.

- Я мог бы засунуть тебя в дешевую районную поликлинику и держать на индийских препаратах, только чтобы ты подох не сразу, а через месяц-другой, - с холодной жесткостью описывал инспектор. - Я мог бы отдать тебя милицейским, и они бы вычистили тебе мозги до полного распада личности. Но ты - полезный и везучий подонок. И ты понравился Рите, которой нужен новый помощник, а в нашей службе принято учитывать мнение ... паладинов.

Серый распрямился, сделал легкое брезгливое движение, будто отряхнул рукав пиджака от пыли. Так, словно даже дыхание Постникова могло осквернить дорогую ткань.

- Поэтому я дам тебе шанс проявить себя. Но только один шанс. Скорее всего ты его не переживешь. Но ... дважды ты уже поймал фарт. Может словишь в третий, последний раз.

'Третий, последний' отозвалось в ушах Алекса зловещим звоном. Слишком уж двусмысленно и зловеще прозвучало.

- Ты щепка, которая плывет по течению, - сказала Рита, и на сей раз она уже не показалась Алексею веселым подростком. И голос у нее стал таким же морозным, как у ее патрона. - Но теперь придется выбирать, в какую сторону сворачивать.

- У меня нет шансов... - потерянно выговорил Постников, озираясь по сторонам так, словно где-то в стене открылась спасительная дверь и нужно было лишь найти ее. - Ни одного!

- У тебя мало шансов, - поправил инспектор. - Но мы уравняем их. Отчасти уравняем.

Он достал из кармана что-то очень маленькое. Сделал движение, словно умывая руки, и протянул их вперед, сверкнув золотыми запонками.

- Твою мать, - коротко и ясно отчеканил Постников с

безумным смешком, уставившись на две пилюли - красного и зеленого цвета, лежащие соответственно на левой и правой ладонях арбитра.

- Этого не может быть! - с трудом выдавил Алексей, давя истерический смех, подступивший к горлу. - Это шутка, это гребаная шутка...

- Нет, не шутка, - строго поправил арбитр. - А твой единственный шанс.

Глава 21

Зеленая пилюля плохо повлияла на желудок Постникова. В животе бурчало и булькало, словно там поселилась огромная жаба. У земноводного имелись длинные когтистые лапы и время от времени оно начинало ими дергать. Тогда когти больно царапали печень и кишечник. Коме того чудеса химии что-то сотворили с глазом Алекса - периодически в поле зрения возникали слепые пятна, а цветовое восприятие смещалось в спектр, который правильнее было бы назвать 'галлюциногенным'. Однако хуже всего было то, что Постников не испытывал обещанного эффекта, ни на полпальца. Разумеется, можно было представлять, что без чудесного препарата было бы еще хуже, но это утешало очень слабо.

Его высадили через дорогу от мрачного здания, где устроил свою контору Доктор. Никто не сопровождал Постникова, не произносил напутственных речей и даже не пожелал удачи. Не сказать, чтобы Алекс действительно ожидал чего-то подобного, но такое отношение - как к расходному материалу - нервировало еще больше. Хотя кем он еще мог быть для всесильной службы финансовой инспекции...

Оставив за спиной неприметный микроавтобус, Постников перешел дорогу и на слегка нетвердых ногах зашагал к зданию института. Какой именно это был институт, похоже забылось всеми за давностью. А может быть и не институт, а научная библиотека... В общем научный комплекс. Построили его в конце пятидесятых и по тем временам постройка была, прямо скажем, ультрасовременной. Только-только появившийся 'искусственный базальт' (что это такое, Алекс не понял, но его очень широко применяли по сию пору), лампы дневного света, застекленные колодцы в крышах и перекрытиях для умножения естественного освещения. Планировка типа 'полтора к одному' при которой здание составлялось из нескольких отдельных блоков, которые были смещены по уровням относительно друг друга. И еще многое, многое иное... С тех пор минуло немало лет, и модерновое здание пришло в упадок. Его захватила муравьиная орда мелких контор, обязательно именующих себя 'хозрасчетном предприятием смешанного типа на правах кооператива'. Большинство из них снимали совсем крошечные каморки, сразу вешали на двери амбарные замки и на том реальная жизнь в арендованных помещениях заканчивалась. Зато начиналось

бурное виртуальное бытие юридических лиц самого низкопробного толка, пляшущих в мутнейших деловых операциях, как атомы в бесконечном броуновском движении.

Каким образом почти в самом центре бывшей Москвы остался заповедник лихих 90-х, который все еще не прибрал к рукам какой-нибудь настоящий трест или министерство - никто не понимал, но ситуация всех вполне устраивала. Доктор Эл арендовал несколько бывших архивных помещений на двух этажах, объединив их в один офис и несколько комнат-зал - для отдыха, для переговоров и прочих надобностей. Идеальное место, чтобы крутить темные дела не привлекая внимания.

Алекс прошел над пересохшим бассейном по некогда красивому мостику, облицованному керамической плиткой. Темнело, в редком свете нескольких убогих фонарей абстрактные узоры на прямоугольниках плитки казались разводами грязи. Шаги Постникова гулко отдавались над бассейном, который действовал как хороший звукоуловитель. Высоко в подсвеченном небе плыл рекламный дирижабль, мигающий голографическими проекциями. Отблеск его света плясал по мрачным стенам четырехэтажного комплекса, из-за этого здание казалось старой крепостью в окружении костров.

Постникову пришлось остановиться и переждать острый приступ желудочных колик. То ли пилюля, то ли обычный страх... Алекс шепотом выругался в адрес 'благодетелей', подкинувших негодный товар. Похоже от их чудо-фармацевтики не стоит ждать никакой пользы, кроме вреда. Пару минут он стоял, опираясь на парапет и бездумно всматриваясь вдаль, насколько позволял близкий частокол высотных застроек. Боль в животе не прошла, но снизилась до приемлемого уровня. По крайней мере теперь Алекс мог нормально идти, не крючась от пронзительных уколов в брюшине. Заныла только-только затянувшаяся рана от осколка пули и, словно вторя ей, напомнила о себе подстреленная нога. На этот раз, для разнообразия, свежий шрам не заболел, а безумно зачесался.

- Твою мать, - тихо сказал Алекс. Пот катился по лбу и спине даже не каплями, а целыми потоками, источая вонь страха.

- Господи, за что же мне все это?.. - взмолился Постников, глядя в темно-синее небо, отражающее буйство городского света. Но там, в вышине, был только дирижабль, крестящий воздух контрастными лучами лазерной проекции.

- Квас как танк! Только квас!.. - донеслось сверху, словно в ответ.

Постников передернул плечами, вытер лоб рукавом.

'А может все бросить?..'

Мысль уже давно крутилась в голове у Алекса. Махнуть изо всех сил подальше... Нет денег, нет оружия, ничего нет. Но теперь он хотя бы понимает, что к чему в этом мире. Не пропадет... Алекс потер ладони, твердые и нечувствительные пальцы правой руки неприятно сжали левую, и прикосновение протеза привело в чувство. Слово сама смерть пожала ему руку костлявыми перстами.

Куда ему бежать? Как скрыться от новых 'друзей', которые решают вопросы на уровне министерств и государств? Можно, конечно, каким-нибудь чудом покинуть агломерацию, забиться в глухую нору, пробавляться малой копейкой там, где никого не интересуют документы и куда не заглянет всевидящее око преследователей.

Только... что это будет за жизнь?.. И сколько он там протянет, накрепко привязанный к иммуноблокаторам высшего качества?

В этот момент его накрыло.

Больше всего это походило на удар ледяной кувалдой по затылку. Бомба пронзительного, концентрированного холода взорвалась где-то в районе мозжечка, рванула вниз по позвоночному столбу. Проникла в каждую клеточку, заледенила нервы и мельчайшие кровеносные сосудики. Дыхание перехватило, и Алекс с шумным выдохом склонился вперед, опершись ладонями о собственные ноги, чуть выше колен.

- О, черт... - прерывающимся голосом пробормотал Постников, обращаясь уже к иной, не божественной силе.

Разум как будто протерли холодной мокрой тряпочкой, смывшей все комплексы и страхи. Мир вокруг стал пронзительно ясным, однозначным. Как белоснежный лист бумаги с чернильным росчерком - только два цвета, только правильное и неверное. Постникова бросало то в жар, то в холод, желудок превратился в сплошной комок боли, твердый и колючий, словно узел из морских канатов. След от раны на животе горел, как прижигаемый углями. Но странное дело, боль буквально тонула в ослепляющей ясности сознания. Физические страдания шли отдельно, как хорошо знакомый, однако чужой попутчик.

Постников улыбнулся - криво, дергано, дрожащими от напряжения губами. И шагнул вперед.

Бетонные плиты на площадке перед входом выщербились, сточились от времени, непогоды и миллионов людских шагов. Усадка почвы нарушила ровный строй квадратов, позеленевших от лишайников и плесени. В кривых щелях между ними пробилась жухлая трава. Центральный вход давно закрыли и для верности забили досками, которые среди торжества пластмасс выглядели как изъеденный древоточцем костыль рядом с

высокотехнологичным протезом. Все, кому было нужно, проходили внутрь через черный ход - обычную стеклянную дверь, двустворчатую, в алюминиевой раме с узким поручнем наискось. И конечно же действовала только одна створка из двух.

Вечерние и ночные посетители здесь были привычны, поэтому дремлющий вахтер кинул вслед Постникову мутный, непроснувшийся взгляд. И снова клюнул носом, уронив на грудь голову в мятой форменной фуражке. Шаги Постникова гуляли под пыльными потолками, будто отражаясь от редких плафонов. В их свете все казалось желто-зеленым - мутным и нереальным.

Алекс прошел привычной дорогой, миновал несколько длинных коридоров, поднялся на два этажа-уровня, а затем спустившись на один. Ноги то несли его с легкостью крыльев, то казались тяжелыми и ватными - шагни и сразу упадешь. Но каким-то чудом он не падал. Это было все равно что идти в хорошем подпитии, только с абсолютно трезвой головой. Постников настолько ушел в себя, упиваясь новым ощущением, что сам не заметил, как память тела привела его к заветной двери из тонкого пластика, обитого рваной, облезшей клеенкой. Под пластмассой скрывалась сталь, но мало кто об этом знал.

Ключа у Алекса не было, и он ткнул в умилительно древнюю, очень советскую кнопку звонка - темно-зеленый кружок на матово-сером корпусе. Ждать пришлось долго, дентофон молчал. Его отключили медики в больнице и, похоже, никто не удосужился включить обратно. Постников переминался с ноги на ногу и с трудом удерживался от того, чтобы проверить карманы. Прежний костюм пришел в полную негодность, поэтому к 'выписке' арбитры дали пациенту другую одежду. Почти такой же набор, как и прежде, до того, как Постников решил купить костюм - поношенные, но добротные куртка, брюки и ботинки с высоким голенищем и хитрой косой шнуровкой. В одном кармане лежал заряженный пистолет - одноразовый, но не индокитайский, а настоящей чешской сборки по швейцарской лицензии от 'Зиг-Зауэра'. Очень маленькая компакт-модель обтекаемой формы, словно бластер из фантастического фильма. Цельнолитая рукоять из полупрозрачной пластмассы скрывала шесть десятимиллиметровых 'актиний' - шесть гарантированных смертей для обычного человека без хорошей композитной брони. В другом кармане притаился трехзарядный безыгольный инъектор, снаряженный мощным нейротоксином. По крайней мере так сказали Постникову 'кураторы' по дороге к институту.

Наконец тихо зашумел открываемый замок. Не загремел, не залязгал, а именно зашумел - звук глушился толстой броней и походил скорее на механическое жужжание. Через открывшуюся

щель ударил поток яркого люминесцентного света.

- Заходи, - Коллега был как обычно ровен, спокоен и невозмутим, как священник на похоронах.

Обстановка за тяжелой бронированной дверью разительно отличалась от общеинститутской. Здесь все было обставлено современной мебелью из стекла и никелированного металла, а окна изнутри закрыты панелями односторонней прозрачности. По потолку змеились S-образными загибами трубки модерновых ламп с желтоватым отливом. Контора Доктора казалась причудливым, но по-своему гармоничным сочетанием строгости медицинской палаты и неброской роскоши шахматного клуба для деловых 'гроссмейстеров'.

Постников никогда не был упертым метросексуалом и не комплексовал относительно одежды. Но каждый раз, оказываясь тут (а это происходило нечасто), испытывал явственное чувство собственной неполноценности. Так случилось и сейчас - Алекс вспомнил, что ботинки у него стоптаны, а шнурки на них лохматятся длинными рваными ворсинками. Брюки мешковаты и длинноваты, не по размеру большая куртка висит на худых плечах пришельца, как на проволочной вешалке.

Щелкнул запираемый замок, Алекс вздрогнул, машинально сунул руки в карманы.

- Рады тебя видеть, - сообщил Коллега, смотря в сторону и чуть поверх левого уха Постникова. - Тебя долго не было.

- Отсутствовал, - пробормотал Алекс. Левая рука невыносимо потела, будто ладонь сунули под кран с горячей водой. С правой было хуже - похоже металлические пальцы запутались в рваной многослойной подкладке, так что достать в случае чего инъектор не получится. По крайней мере достать быстро.

- Правда? - с легкой иронией удивился Коллега. Подручный и телохранитель Доктора стоял ровно и легко, отлично пошитый костюм - пошитый, а не сплавленный лазером из пластика - сидел на нем как влитой, с небрежной естественностью. Постников машинально отметил, что жутковатый вивисектор застегнул нижнюю пуговицу пиджака.

- Меня ... в больнице ... не выпускали... - с запинками пояснил Постников, сутулясь и горбясь, словно на плечах у него появились крылья, которыми можно было закрыться от мира.

- Мы в курсе, - сказал Коллега, теперь он смотрел куда-то под ноги Алекса, в пальцах телохранителя извивалась и скользила тонкая проволока в металлизированной оплетке - совсем как длинная змея с холодным отливом чешуи. - Мы внимательно следили за всем, что ... происходило.

- Я раньше не мог, - не столько выговорил, сколько пискнул Алекс. Его опять залихорадило, а губы мелко затряслись, немея.

- Верю, - согласился Коллега, теперь уже от собственного лица, единолично. Он вздохнул и быстрым движением свернул проволоку, наматывая на ладонь. Алекс вздрогнул и отступил на шаг - предмет в руках подручного слишком сильно и гнусно напоминал удавку. Но телохранитель перекрутил получившийся моток в 'восьмерку' и спрятал в карман. А может в рукав - Алекс так и не понял. Коллега просто сделал движение, как фокусник, достающий из воздуха монету, и проволочная 'змея' испарилась.

- Залатали тебя хорошо, - отметил телохранитель. Стекла его очков сильно бликовали в ярком желтоватом свете ламп, поэтому Алекс никак не мог разобрать выражения лица Коллеги. - А вот реабилитировали плохо. Слишком быстро и небрежно. Воды?

- Э-э-э... что? - не понял Постников и умолк, почувствовав, что срывается на блеяние.

- Воды налить? - неожиданно, почти дружелюбно пояснил Коллега, кивнув в сторону пищеблока с раковиной и цилиндром водофильтра. - У тебя обезвоживание.

- Д-д-да, - выдавил Постников, только чтобы избавиться от размытого очками взгляда профессионального убийцы.

Пока Коллега шел в угол комнаты к фильтру, Алекс с трудом выпутал правую руку из рваного кармана. Телохранитель стоял к нему спиной, тонкая струйка воды с мягким журчанием лилась в стакан - Доктор не признавал пластмассовой и одноразовой посуды. Только граненое стекло с выдавленным на донышке '0.4л. ц.05 коп.'.

И эта спина в светло-сером пиджаке необоримо притягивала взгляд Постникова.

- Он тебя ждет, - не оборачиваясь сообщил Коллега. - То есть не тебя, конечно. Но готов принять.

Левая рука Алекса легла на рукоять пистолета. Шесть пуль и несколько секунд, чтобы принять решение и начать действовать. Постников не испытывал иллюзий относительно своих кондиций и отчетливо понимал - сделать что-то 'мичуринцу' он может только сейчас, пока тот чуть расслабился и не смотрит на позднего визитера.

Шесть пуль... Коллега очень редко надевал дополнительную защиту и даже если у него не простой пиджак, кинетическая энергия 'актиний' по крайней мере собьет с ног и обездвижит на несколько мгновений. А можно рискнуть и сразу стрелять в голову.

Вода льется прерывистой струйкой... капли падают в стакан. Они утекают, как и мгновения, отведенные на решение и

действие. Необратимо, словно ход самого времени и быстро, как пуля в стволе. Если он не сделает что-то сейчас, то после проще самому застрелиться. Постников достал пистолет, рукоять обжигала руку и даже пористая оболочка не успевала впитать весь пот с мокрой ладони. Предохранителя модель не имела, достаточно лишь выжать спуск и ...

Щелкнул краник фильтра, журчание прервалось. Коллега невнятно чертыхнулся и стукнул костяшками пальцев по темному синему цилиндру. Видимо что-то случилось с механизмом. Постников сжал зубы так, что челюсть свело острой судорожной болью и прицелился в голову Коллеги. В его собственном - Алекса - черепе не осталось ни единой мысли. Только жаркое, оглушительное биение крови, острая тупая боль в правой глазнице и опаляющее яростью желание, чтобы все это наконец закончилось. Затылок жертвы замер 'в стакане' простого - без всяких наворотов -прицела. Оставалось выжать даже не миллиметр, а считанные его доли. Никогда еще Постников не чувствовал так зримо и воплощенно смерть в собственной руке.

Коллега стоял. Просто стоял в спокойной, все такой же ненапряжной позе, спиной к своему убийце, так и не выпустив стакан из руки.

Глава 22

Алекс опустил пистолет. Рука двигалась медленно, рывками, как старый манипулятор, проржавевший и заклинивший от многолетнего бездействия. Закостеневшие от напряжения связки разве что не скрипели, перемещая конечность в иное положение. Палец сползал со спускового крючка нехотя, буквально сопротивляясь воле хозяина. Казалось, что ствол вопиет, умоляя выстрелить, но Постников крепко ухватил пистолет правой рукой и вытянул его из левой ладони. Оружие брякнулось на пол, глухо стукнув об упругий пластик. Алекс медленно, с трудом переставляя ватные ноги, добрел до ближайшего стула и рухнул на него.

- Это было разумно, - почти мягко заметил Коллега, по-прежнему не оборачиваясь и делая характерное движение рукой. Похоже он сам отпил из стакана.

- К черту, - выдохнул Алекс. Все напряжение, скручивающееся за последние часы, как тугая пружина, развернулось одним махом. - К черту... Пошло оно все огнем...

Слова толпились и вылетали из уст без всякой связи смысла. Постников глухо бормотал себе под нос, выплевывая бессвязные ругательства вперемешку с еще более бессвязными мольбами непонятно кому и зачем.

- Интересно... - протянул вкрадчивый голос Коллеги почти над самым ухом. Постников не заметил, как телохранитель Доктора подошел вплотную, но пренебрег этим. Душевных сил не осталось ни на что, кроме отчаянной и бессмысленной брани в пустоту.

- Хорошо тебя накрыло, - заметил Коллега, втягивая воздух расширенными ноздрями. - Чем зарядился?

- По выбору, - с трудом выговорил Постников.

- Выбору? - не понял человек в пиджаке и очках.

- По выбору, - повторил Алекс. - 'Разгонщик' или 'морозильник', как сам решу.

- А, понятно, - кивнул Коллега. - И что взял?

- 'Морозильника', - почти шепотом отозвался Постников.

- Интересный выбор, - вот теперь Коллега совершенно искренне и явственно удивился. - А почему именно его?

- Я подумал... - Алекс яростно потер лицо, замерзающее, словно обложенное льдом. - Подумал, что в скорости мне с тобой ... вами ... тобой ... все равно не тягаться. Хоть под фармой, хоть

без, все едино. 'Разгоняться' пилюлями нет смысла.

- И решил 'подморозиться', - понимающе кивнул Коллега. - Принял таблетку 'от страха'?

- Да. Они ... обещали, что это снимет все проявления страха и стресса. Даст полное спокойствие и все такое.

- Ясно.

Коллега снова вдохнул всей грудью, чуть закинув голову и прикрыв глаза. Он словно пил воздух, наполненный запахом страха и пота Алекса.

- Думаю, не обманули, - соратник Доктора выдохнул как ни в чем не бывало, поправил чуть сбившийся галстук-бабочку. - У тебя, похоже, что-то с биохимией. С ходу я бы сказал, что твоя кровь не дружит с некоторыми препаратами. Иногда такое бывает с людьми, которые долгое время придерживаются специфических диет. Видимо там, в своем селе, ты нормальных продуктов годами не видел. Так что микстурка тебя не захолодила, а скорее кинула в легкую аллергию. Но по крайней мере ты набрался смелости, чтобы прицелиться в меня.

- Ты знал заранее... Ждал.

- Конечно нет. Но от тебя за версту несло эндорфинами. Кроме того, - Коллега махнул стаканом в сторону водофильтра. - Ты отражаешься в стекле. А щелчок бойка я бы услышал и успел уйти с линии выстрела. Кстати, воды?

Постников механически отпил. Стакан был теплый, нагретый рукой собеседника, а вода наоборот, умеренно холодная. Алекс пил, не чувствуя вкуса и не в силах напиться. Влага словно испарялась где-то на полпути к желудку.

- Что теперь? - спросил он, поставив пустой стакан прямо на пол. Глаз Постников не поднимал, уставившись себе под ноги. Пистолет все также сиротливо лежал на пластиковом покрытии в виде мелкоячеистой плоской сетки.

- Ты еще можешь попробовать, - участливо предложил Коллега, видимо угадав ход мыслей Постникова. Но тот не ответил, предпочитая отмолчаться.

- Все это конечно любопытно, - рассудил вслух человек в пиджаке, поправив очки на переносице. - Но признаться больше всего меня интересует - почему?

- Это лучше спросить у них, - криво усмехнулся Алекс. То ли фармацевтика подействовала наконец должным образом, то ли весь страх перегорел естественным путем, но теперь Постникову действительно стало все равно, и он говорил с Коллегой, как с равным.

- Почему тебя послали понятно, - терпеливо поправил Коллега. - И кто послал тоже очевидно. Интересно - почему ты не

выстрелил.

- Не знаю.

- Это плохой, негодный ответ, - сумрачно сказал Коллега.

- Других не завезли, - Постников попробовал развести руки в шутовском жесте, но получилось жалкое, суетливое дергание.

- Но ты все же попробуй, - вот теперь в голосе пиджачного убийцы проступила отчетливая угроза.

Алекс вздохнул, стараясь собрать мысли и как-то реанимировать думательный процесс.

Пауза затянулась. Незадачливый убивец отстраненно подумал, что возможно 'кураторы' устанут ждать и попробуют вломиться силой. Впрочем, ему это все равно не поможет.

- Наверное, - начал Постников и сбился.

- Наверное...

Коллега терпеливо ждал. Внешне терпеливо, однако при этом он сдвинулся еще ближе к Постникову. Плавным и одновременно тягучим движением, с неотвратимостью голема.

- Смелее, - подбодрил подручный Доктора, и в его голосе Постникову почудилась неотвратимость злой судьбы.

- Наверное я просто устал, - сказал Алекс, криво ухмыляясь левой половиной губ. - Я устал, что жизнь меня пинает из одного угла в другой. Только все устаканивается и снова - кто-то все решает за меня и остается надеяться, что опять повезет.

- И ты думал, что теперь что-то изменится? - с легким сарказмом вопросил Коллега.

Это не моя жизнь! - яростно бросил Постников. Он резко встал и едва не упал - от неожиданного и быстрого перемещения кровь отлила от головы, в глазу помутилось. Живот пронзила вспышка боли, но пациенту было уже все равно.

- Да неужели? - ядовитого сарказма в голосе Коллеги только прибавилось.

- Не моя! - воскликнул Алексей. - Это не мой мир, не моя жизнь, не мое будущее! Не мой выбор, и я никогда не просил об этом!

Яростная вспышка отняла у него последние силы. Постников сгорбился, руки безвольно повисли вдоль тела.

- Делай, что хотел, - глухо вымолвил Алексей. - И закончим.

Коллега смотрел на него молча и без единого слова, очень внимательно. Из-за стекол казалось, что зрачки 'мичуринца' сведены в точку, словно тот страдал косоглазием. Руки убийцы были свободны от оружия, но Постников не питал иллюзий насчет кондиций своего собеседника. Благо у пришельца не единожды была возможность убедиться в способностях Коллеги.

- Ступай за мной, - неожиданно сказал 'мичуринец'.

Доктор с одной стороны категорически приветствовал прогресс. С другой же - в глубине души оставался консерватором, приверженным старым проверенным методам и вещам. Поэтому его манера обращения с техникой иногда оказывалась очень своеобразна. Доктор любил и ценил ЭВМ со всеми возможностями, которые предоставляла электроника. Но при этом не любил возиться с 'плитками', то есть цифровым рабочим столом и каскадной документацией. Поэтому он действовал по принципу 'новая задача - новый экран'. Солидные мониторы на могучих стальных подвесках спускались с потолка, как отсеченные головы механических динозавров на длинных шеях. Было их десятка полтора, не меньше, расположенных в виде неправильной окружности. А в условном центре кругами же бродил сам Доктор, шевеля пальцами в специальных 'варежках', сделанных на заказ под его нестандартные числом и формой пальцы.

- Привел? - не оборачиваясь в сторону вошедших бросил трансплантолог.

- Пришел, - как будто невпопад ответил Коллега. Постников счел за лучшее промолчать и вообще спрятаться за плечом 'мичуринца', насколько это получалось.

Доктор помолчал, затем стащил управляющие элементы и небрежно бросил их в угол, на широкий стол. Обратил бессмысленные, ничего не выражающие зеленые окуляры в сторону Коллеги и уточнил:

- Пришел?

- Да.

Алекс бывал в кабинете Эла только один раз, обычно так далеко его не пускали. И потому, несмотря на довольно-таки страшные обстоятельства с любопытством озирал кабинет. Обычная большая комната, почти без признаков индивидуальности владельца, за исключением разве что леса мониторов на потолке. Как и все остальное в конторе - помесь лаборатории и стильного усредненного номера в хорошей гостинице.

- Говори, - коротко попросил Доктор. Что удивило Алекса - именно попросил.

И Коллега не заставил ждать.

- Нам прислали черную метку, - сообщил он. - Мытари.

- Метку?

- Это чучело пришло с пистолетом в кармане. И не по зову сердца.

- Ну так убей его, - с холодной жесткой целеустремленностью потребовал Доктор. - И закончим на том.

- Ты не понял, - вздохнул Коллега. - Ты всегда занимался медициной, ты не понимаешь уличных правил... а я понимаю.

- Он тебя убить не мог... - Эл начал понимать и задвигал головой, переводя прицел зеленых линз то на помощника, то на Постникова. - 'Черная метка' ...

- Да. Ненавязчивое предложение. Демонстрация того, что в следующий раз прийти может кто угодно. И что мытари могут все или очень многое, например, вывести из-под следствия заведомого гопника, вооружить и выпустить на улицу.

- Арбитры, - в голосе Доктора Постникову почудилась тоскливая безнадежность. - Я думал, вопрос улажен...

- Я ведь предупреждал тебя, - сказал Коллега, и Постников вздрогнул. Впервые на его памяти телохранитель и помощник обращался к патрону на 'ты'.

- Я предупреждал. И прочие, из коалиции - тоже предупреждали, - с тихим, каким-то безнадежным отчаянием выговорил 'мичуринец'. - Теперь уже нельзя работать в одиночку, одному на крыше. Нельзя...

- Мы выкрутимся! Ты их наверняка неточно понял, - возвестил Доктор, быстро жестикулируя механическими многосуставчатыми пальцами. - Мы вывернемся, я уверен! Все еще поправимо.

- Ничего уже не исправить, - печально отрезал Коллега. - Ты работал наособицу, как бы с коллективом, но сам по себе. И все закончилось той резней. От нас отвернулись, и арбитры хотят вычеркнуть тебя из дела. Насовсем.

- Коллектив все равно встанет за меня!

- Никто за нас не встанет. Им нравится защита, которую предоставляют арбитры. А мытарям нравятся деньги, которые можно с этого стричь. Фининспекция прет к статусу самостоятельного треста вроде американской морской разведки, она сует пальцы во все двери и во все дела. Арбитры нужны всем и все к ним прислушиваются. Тебе уже не выкрутиться.

- Мне? - вскинул голову Доктор.

- Тебе.

И Доктор понял. Постников тоже понял.

- Арбитры не будут выступать против тебя открыто, - говорил меж тем Коллега. - То есть не хотели бы выступать, чтобы не привлекать внимания. Но видеть тебя в деле они не хотят. И коалиция с ними согласна. Особенно теперь, после того, как 'краснодорожников' полоскали в новостях, как грязную тряпку. Ведь это из-за твоего груза все закрутилось.

- Да ты знаешь сколько башмалы я отвалил, чтобы притушить скандал! - возопил Доктор. - Доход за три года вчистую! Все

выплаты семьям покойников, все компенсации и страховки! И только чтобы разойтись со всеми мирно, чтобы у коалиции не было лишних проблем!

- Знаю. И я надеялся, что все уймется... Но... - Коллега дернул головой в сторону притихшего за его плечом Постникова. - Не унялось.

- Выедем из страны, перевяжем заново связи, засядем в Корее, у меня там есть наколки. Не пропадем!

- Нет, - сказал Эл. - Ты не можешь... После всего...

Алекс никогда не думал, что лицо, на котором технически отсутствует минимум треть от отведенного природой, может быть столь выразительным. И все же гримаса Доктора поразила его. Страх, отчаяние, понимание неизбежности будущего - все это разом отразилось в горестном изгибе дрожащих губ. А еще - надежда. Тень надежды на чудо.

- Я предупреждал тебя, - снова повторил Коллега, почти прошептал.

- Ты обязан мне, - столь же негромко отозвался Эл, срывающимся голосом. - Ты мне обязан.

- Я помню. Без тебя я был бы лабораторным материалом.

- Утилизированным материалом, - быстро уточнил Доктор, чтобы помощник не дай бог не забыл. - Я ведь списал тебя, укрыл и помог выжить. Ты жив благодаря мне!

- И я всегда это помнил. Всегда был с тобой, за тебя.

Постников закрыл глаза. Голова кружилась, каждый глаз болел по-своему, но больше всего терзало ощущение безумия происходящего. Все происходило слишком быстро, слишком странно. Алекс чувствовал себя как человек, который разом выхлебал бутылку водки - злой хмель еще не свалил с ног, но организму уже очень плохо. А хуже всего голове - от осознания грядущего ужаса.

Зачем его сюда привели? Оставят ли его в живых после таких откровенностей? Наверняка нет.

- Ты помнишь, я прикрывал тебя в любой ситуации, - жестко говорил Коллега. - Я убивал за тебя и был готов умереть. Но теперь...

- Ты предупреждал, - потерянно склонил голову Доктор, продолжая невысказанное. Но почти сразу вздернул ее, сверля 'мичуринца' линзами окуляров. - Отпусти меня!

Теперь он по-настоящему умолял.

- Отпусти. Я исчезну, уйду из дела, сверну практику, никто меня не найдет!

Коллега покачал головой.

- Или я сам сдамся арбитрам, передам им все контакты, я

останусь обычным управляющим или уйду в подручные, снова буду хирургом!

Постников думал, что в таких случаях обычно должны быть какие-то колебания, раздумья. Но спокойный человек в очках, наверное, все продумал заранее. С поправкой на его обычное непробиваемое хладнокровие можно было бы даже сказать, что Коллеге очень плохо - не телесно, а в душе. Но вот на его решимость душевный раздрай никак не повлиял. Постников отчетливо - как и Эл - понял, что один человек из этого кабинета живым точно не выйдет.

- Ты мне обязан, - повторил Доктор с тоскливой безнадежностью.

Коллега достал из кармана шок-пистолет, хорошо памятный Алексу. Такой же или может тот же самый, которым 'мичуринец' пользовался в их первую встречу.

- Мытари хотят убрать тебя из дела, - вымолвил Коллега, словно оправдываясь, почти извиняющимся тоном, но только 'почти'. - От тебя отступились все. Но я по крайней мере сделаю быстро и мягко.

Он поднял оружие, зеленый луч скользнул по белому халату Эла.

- Быстро... - Доктор засмеялся, будто залаял, срываясь на всхлип. - Мягко... Надо же, меня самого пустят по конвейеру. Забавно... забавно.

Он отсмеялся и полез в карман. Рука Коллеги с шок-пистолетом не сдвинулась ни на миллиметр. Доктор достал большой носовой платок и тщательно протер обе линзы.

- Что ж, - Эл наконец закончил свое занятие, аккуратно свернул платок и убрал обратно. - Коли так уж все развернулось, закончим без истерик.

Постникова била дрожь. Он поневоле примерил ситуацию на себя. Доктор был мерзавцем. Убийцей, садистом не по зову черной души, а по холодному коммерческому расчету. И все же... Алекс невольно подумал - а сам он смог бы так переломить себя? Смог бы, убедившись в неизбежности грядущего, принять его с достоинством?

Ох, вряд ли...

- Сначала будет немного больно? - спросил Доктор, и Коллега коротко усмехнулся, оценив зловещую шутку Эла. Постников тоже вспомнил и оценил, хотя без капли юмора.

- Нет. Я тебе обязан, - твердо сказал Коллега. - Ты уйдешь красиво и мягко. Я обещаю.

Глава 23

- Значит он тебя оставил в живых. - протянула Рита, постукивая носком высокого сапога. - Как интересно... А почему - не объяснил?

- Объяснил. Он сказал - 'нет смысла'. - вяло ответил Алекс. Он развалился на диване, наплевав на все. Ноги по-прежнему не держали, к тому же Постников счел, что заслужил немного комфорта напоследок.

Арбитресса посмотрела в сторону кабинета Эла. Дверь была приоткрыта, два хмурых мужика в безликих серых костюмах перетаскивали штуки, похожие на плоские чемоданы. Через дверную щель была видна безвольно лежащая на полу рука с семью длинными пальцами. Передвинуть мертвого Доктора никто не удосужился. Вообще люди фининспекции действовали быстро, но чисто и аккуратно, оставляя минимум следов. Они изымали часть имущества Доктора, отбирая нужное по только им ведомым критериям.

- Я ведь не должен был выйти отсюда, верно? - с прямотой обреченного спросил Постников.

- Скажем так, - Рита внимательно посмотрела на апатичного пришельца. - По всем прогнозам выходило, что шансов у тебя немного. Но в конце концов ты действительно мог уработать Матвея... При очень большой удаче, исподтишка.

- Матвея? - непонимающе спросил Алекс, глядя снизу-вверх.

- Ты его звал Коллегой, - пояснила девушка. - На самом деле его имя - Матвей. Точнее такое имя дал ему Леонид.

- Коллега... то есть Матвей ушел, - любезно сообщил Постников.

- И ты конечно же не знаешь, куда? - без особого интереса, скорее по обязанности уточнила арбитресса.

- Нет, - пожал плечами Алекс, насколько это было возможно в полулежащем положении. - Если бы вам это было интересно, проследили бы. Но вам ведь это не нужно, правда?

Рыжая молча прищурилась, и взгляд у нее был очень нехорошим. Недобрым и оценивающим. Очень специфически оценивающим, как у покупателя, приценивающегося к мясу - на сколько кусков разделить лопатку. Но Постников только мрачно ухмыльнулся. Он уже перешел черту за которой имеет смысл бояться и опасаться.

- Все получилось наилучшим образом, - рассуждал он вслух. -

Доктор больше не в коалиции, без шума и пыли, - Алекс на мгновение запнулся, пытаясь вспомнить, откуда всплыли в памяти эти слова, но так и не вспомнил. - Его ближайший помощник тоже вышел из дела. Он разумный человек и проблем не составит. Коммерция продолжится, у коалиции наверняка найдется замена. Все довольны. Да. Я все хотел спросить...

- Спрашивай.

- Мне вот подумалось, - Постников двинул ногой, устраиваясь удобнее. - Доктор не хочет работать в общей упряжке, он хочет тянуть лямку как прежде - вроде с братвой, но в то же время сам по себе. Это никому не нравится. Доктор организует передачу некоего товара, кругом начинается шум и бардак, рядом совершенно случайно оказываются два арбитра при полном снаряжении...

Постников снова улыбнулся, точнее раздвинул губы в некрасивой кривой ухмылке.

- Это ведь все чистая случайность, верно?

- Ну конечно же нет, - Рита вернула улыбку, не в пример более любезную и привлекательную. - Но никто не ждал, что конкуренты закажут себе 'лолит', да еще первого класса, напрямую из Нумадзу.

- Конечно нет, - повторил эхом Алекс. - И что теперь?

- Теперь... - Рита немного помолчала. - Теперь поднимайся. Пора.

- Пора. Наверное, и в самом деле пора.

Перейти из полугоризонтального положения в вертикальное оказалось непросто, нога болела, однако Алекс справился. Не оглядываясь на арбитрессу дохромал до серого окна - рассвет наступит часа через три, не меньше. Прижался лбом к гладкой прозрачной панели и закрыл глаза. Странное, почти умиротворенное спокойствие наполнило его душу. Постников слабо улыбнулся в такт своим мыслям.

Пора. Действительно пора... Это не его мир, не его жизнь. Это просто затянувшийся кошмар, которому пора закончиться. Как там было во 'Вспомнить все'... Бред, ставший реальностью и реальность, которая утонула в океане безумия. Сейчас все закончится. Пуля пронзит черепную коробку, раскрываясь внутри поражающими элементами, будет ослепительная вспышка - и все. Может быть в той вспышке, в ярчайшем сполохе сверхновой исчезнет этот странный, уродливый мир. И Алексей вернется домой...

Домой.

- Нам пора.

Поначалу он не понял, о чем идет речь. Веки открывались

тяжело, уставший глаз просил покоя и не хотел видеть окружающее непотребство. Постников медленно повернул голову, не отрывая ее от бронестекла. Рита стояла рядом, без оружия, скрестив руки на груди.

- Пойдем.

- Куда? - спросил Постников,

- Домой.

Шел дождь. Где-то вдали сверкали молнии на пол-неба, соперничавшие по яркости с рекламными огнями, но сюда гроза не докатилась. Только дождь - даже не ливень. Капли стучали по стеклам, сливались в узкие потоки, которые скользили длинными извилистыми шнурами, пересекаясь и разбегаясь ежесекундно. Шум дождя успокаивал, глушил городской шум мягкой периной.

Отсюда, сверху, город казался игрушечным. Огромным, грандиозным, подавляющим воображение и сознание. И все равно - игрушечным. Не страшным чудовищем, не пожирающим человеков Левиафаном, но мирным градом на многих холмах. Дождь не только глушил шум, он размывал сверхконтрастные краски, растворял ультрамарин и огненно-алый свет. Так вода смягчает яркий акварельный рисунок, смазывает границы и превращает жесткие рубленые линии ультрамодерна в мягкую теплую классику.

- Как красиво, - потрясенно прошептал Алекс.

Большой балкон, скорее даже здоровенная лоджия - размером больше, чем вся здешняя квартира Постникова - была открыта. Прозрачные стеклопанели сложились гармошкой по стыкам и ушли вверх, к 'базальтовому' козырьку. Дождь проникал на лоджию сотнями, тысячами капель, омывая разгоряченное лицо Постникова теплой влагой.

- Боже, как красиво, - повторил Алекс, потрясенно схватившись обеими руками - живой и протезированной - за ограждение с полированным деревянным поручнем.

Внизу текли сияющие реки - автострады, которые никогда не спали, перекатывая волны миллионов машин. Чуть ниже волновалось море желтого солнечного огня - нулевой уровень. Из океана электрического света поднимались величественные скалы громадных комплексов, сверкающих отраженным светом и длинными контурными линиями безопасности - для ориентации воздушного транспорта. Здания не сияли мириадами окон, как небоскребы мира Постникова, но тем ярче казалось все вокруг них - действовал эффект контраста. Блистающими жемчужинами сновали подвесные трамваи и монорельсы, уцепившиеся за нити трасс, как крошечные трудолюбивые паучки на паутине.

Взмывали летательные аппараты - обычные вертолеты и 'летадлы', изредка проносились только-только появившиеся в продаже аэромобили, сверхмодная игрушка для богатеев.

- Никогда не видел город сверху? - Рита подошла неслышно и положила руку на плечо Алексу. Постников вздрогнул и вспомнил, что он грязен, в пропотевшей насквозь одежде, нечищеных ботинках. А еще - со щетиной на физиономии, болезненно исхудавший после ран и вообще ходячий эталон деклассированного элемента.

- Видел, но не так, - он снова посмотрел вдаль. На посадку как раз заходило очередное 'летадло'. Этим нелепым на взгляд Алекса словом в просторечии именовались вертолеты, построенные по принципу Мухамедова - с винтом в кольце импеллера, вписанном прямо в корпус. Их производили главным образом чехи, называя соответствующим словом. Бешено вращающиеся лопасти дрожали в мерцании капель дождя, искрясь, словно вибрирующее зеркало.

- Я никогда не смотрел с такой высоты. И почти не был в этой части... Я как-то привык, что весь город...

Постников умолк, так и не сумев в точности выразить мысль. Но Рита поняла его.

- Ты привык, что трущобы и прочие окраины это и есть весь Город, - сказала она, отчетливо выделив 'Город' большой буквой. И Алекс поневоле задумался - какие демоны скрываются в собственном прошлом рыжей девушки. И сколько ей на самом деле лет...

- Да, - согласился Постников. Слова Риты оказались буквально сняты с его губ.

- Да. Но он такой... Большой. И разный.

И он снова замолк.

- Ты все-таки селянин, - рассмеялась девушка, тряхнув головой. Капли дождя сорвались с рыжих кудрей алмазной пылью, рассыпались вокруг. Глядя на нее Постников улыбнулся и понял, что впервые за много месяцев у него получается настоящая, добрая усмешка, а не злая гримаса, готовая перейти в злобный оскал.

- Лекс, мир трестов и синдикатов невозможен без потребителей. Сотен миллионов, миллиардов потребителей.

'Мир трестов'. Постников склонил голову и крепче ухватился - почти вцепился пальцами - за ограждение. Ее слова... Так мог бы сказать лектор, отстраненно описывающий разницу меж двумя мирами. Крупная дождевая капля скользнула по реснице и попала прямо в глаз, водяная линза закрыла зрачок и все вокруг на мгновение стало нереальным, зыбким. Как туман.

Как призрачное видение...

- Этим пугали в восьмидесятые, девяностые, - то ли Рита не заметила замешательства Алекса, то ли просто не обратила на него внимания. - Как там писали американские уличные таблоиды... Господство корпораций, 'высокая техника - низкая жизнь', нищие и голодные бунтари у подножия сверкающих небоскребов.

- Но я все это видел, - прошептал Постников. - Я сам в этом жил. Мир нищеты, 'красной дороги', Доктора Эла, гопоты и тюльников...

- Да, но это - пена. Опилки, оставшиеся после строительства. Есть и другой мир, в котором трестам выгодно платить работникам, потому что они больше покупают, а покупки - это развитие экономики и прирост богатства. Мир множества людей, которые вполне довольны своей жизнью и дорожат ею.

Она подошла еще ближе.

- Сейчас ты смотришь на него.

- Город света, - сказал Алекс, поднимая голову. - Света и дождя...

- Что?

- Когда я только попал ... пришел сюда, тоже шел дождь, и на улицах было светло. Как днем. Но тогда город показался мне погружённым в самый настоящий мрак. Город тьмы и дождя. А теперь он светлый. Город света.

Он повернулся к ней.

- Мир достойных людей с достойными деньгами? А тот, кто не совсем достоин, отправляется дальше, на улицы, вымаливать подаяние и умирать из-за отторжения хрома?

- Лекс. Нельзя получить все, ничем не пожертвовав, - она смотрела на него снизу-вверх, но Постникову казалось, что все наоборот - с ним говорит мудрый наставник, глядя сверху, с неброским, но очевидным превосходством. - Я думала, ты это понимаешь, как никто. Ты многим пожертвовал, многое пережил. Цена была высока, но теперь этот мир может стать и твоим. Если захочешь. Если наберешься смелости протянуть руку.

Он посмотрел на свою правую руку. После всех приключений протез уже не казался ни новым, ни исправным. Защитные пластины кое-где разболтались, и под ними тихонько жужжали приводы, а суставы пощелкивали при каждом движении. Только теперь Алекс обратил внимание, что отсутствующий глаз больше не болит. Совсем не болит, словно дождь остудил, погасил угли в пустой глазнице.

- Я Алексей. Алекс.

- Мне не нравится. Лекс - звучит гораздо лучше. Lex - 'закон'.

- Лекс... - Постников попробовал новое слово на вкус, прокатил по небу, как округлый камушек. Звучало приятно, солидно.

- Я смогу стать ... "оруженосцем"?

- Да. Это будет нелегко, но ты сможешь.

- Что мне нужно будет делать?

- Исполнять любой приказ.

Алекс провел рукой по деревянному поручню.

- Я смогу поселиться в такой же?.. - он указал рукой в сторону полуприкрытой двери, ведущей в квартиру. Постников не знал. Как следует в точности называть жилище арбитрессы - квартирой, апартаментами или как-то еще.

- Вряд ли, - честно и прямо ответила арбитресса. - Но возможно. И далеко не сразу. Я работала на эту квартиру семь лет.

'Сколько же тебе на самом деле?' - подумал он опять, но промолчал, оставив мысль при себе.

'Исполнять любой приказ'

Он посмотрел на город света. Подумал, что это могут быть за приказы. Вспомнил, как валились окровавленными трупами те, кого очаровательная Рита расстреливала в клубе. Просто потому, что они оказались на линии огня.

'Не я такой, жизнь такая'

Нет. Это звучало слишком ... плебейски. Можно сказать, даже мужицки.

'Следует играть теми картами, что раздала судьба'

Все равно не то.

Но в конце концов, так ли нужны слова и определения?.. ему все равно не перед кем оправдываться кроме самого себя. А надо ли казаться лучше, чем есть, перед зеркалом?

- Почему ты столько ... со мной? - слово 'возишься' показалось неприятным, грубым, Постников его пропустил. Но Рита снова все поняла.

- Ты мне понравился, - просто ответила она. - Кроме того ты выжил... И все равно через три дня отправишься в лагерь.

- Лагерь?! - вздернулся Постников, сжимая кулаки.

- Конечно, - она даже не поняла, что его так поразило. - Базовый тренировочный лагерь. Там же тебе заменят хром. С этим... - она красноречиво посмотрела на его правую кисть. - Много не наработаешь.

Ее губы обжигали, как расплавленный металл, а пальцы были холодными, как сталь на морозе. Рита так и не сняла перчатку с левой руки, и Постникову казалось, что в этом есть какой-то

высший смысл, настоящая гармония. Левая и правая рука. Его недорогая 'лапа' и ее высокотехнологичный протез по индивидуальному заказу с полной анатомической подгонкой.

Было странно и непривычно целовать девушку зная, что она может свернуть тебе шею одним движением. Или убить любым из многих иных способов. Но, пожалуй, это лишь прибавляло пряной остроты ощущениям, горячило кровь и чувства. Последним сколь-нибудь осмысленным, что пришло на ум Постникову стало:

'Мой город. Мой мир. Неужели все-таки мой?..'.

* * *

- Его вообще можно убить?.. - тоскливо пробормотал человек в серо-синем костюме, в редкую и очень тонкую полоску. Голос его буквально сочился отчаянием и почти суеверным ужасом. Так говорят не о живом существе, а о нежити, которую бесполезно разить обычным оружием.

- Эта тварь хоть смертна? - буквально провыл 'полосатый', сжимая кулаки. Длинные холеные ногти, покрытые прозрачным лаком, впились в ладони мало не до крови.

- Конечно он смертен, - с видимой меланхолией ответил человек лет шестидесяти, похожий на католического монаха. Он подошел к самому краю платформы и посмотрел вниз, на длинные ряды автоматиков-сборщиков, похожих на восьмиугольные тумбы высотой по грудь человеку.

Их разговор и так было очень трудно прослушать, но для полной гарантии собеседники спустились в подземный комплекс штаб-квартиры 'Правителя'. Здесь помимо множества иных служб располагались цеха для производства и сборки особо важной продукции, охраняемые лучше, чем фабрики Гознака или американский Форт-Нокс. Нервный и спокойный собеседники выбрали самую важную и самую закрытую, работающую над проектом 'ГосСтат'. Они прошли внутрь под видом инспекции, и могли обсуждать все, что угодно, без опаски. С тем же успехом пара могла вести разговор на обратной стороне Луны. Ведомственные системы безопасности предоставляют большие возможности тем, кто осведомлен об их структуре и обладает соответствующими допусками.

- Он всего лишь человек, и он конечно же смертен, - с отсутствующим видом констатировал старик, поглаживая лысину. Слишком длинные штанины свисали на каблуки стоптанных туфель, едва ли не волочась по решетке пола платформы. Закончив полировать полулысый череп, старый советник сунул руки в карманы, от чего мешковатый пиджак обвис на его плечах,

как мешок на чучеле.

- Он выжил на улице! - возопил 'полосатый'. - Он выжил под ножом роспиловщиков! Он выжил у 'краснодорожников'! Черт подери, он даже бойню в 'Искре' пережил! А теперь...

Он поперхнулся и закашлялся. Старик бросил неодобрительный взгляд на молодого коллегу и скривился, не сделав даже попытки помочь.

- С-сволочь... - полузадушенно прошипел нервный, непонятно, в чей адрес.

- А теперь его прибрали арбитры, хотя по уму должны были отправить в расход, - все также меланхолично закончил невысказанную мысль лысый. - Наш друг весьма везуч, этого не отнять. Хотя надо признать, он очень хотел выжить, так что одним везением дело не обошлось.

- А теперь то что?!

- А теперь... - пожилой советник вынул руки из карманов и посмотрел прямо в глаза собеседнику. И тот как обычно вздрогнул, отведя взгляд.

- Мальчик мой, дорогой племянник, - тихо вымолвил зловещий старик. - Я уже не раз говорил, что у тебя проблема. Одна, но большая. Ты отлично ориентируешься в знакомых и привычных вещах. Однако нестандартное - по-настоящему необычное - тебя ломает на раз-два. Ты начинаешь нервничать, отступаешь в поисках твердой почвы, упускаешь время и пропускаешь удары. Я прикрываю тебя по мере сил, но я не вечен.

- Извини... - молодой склонил голову, признавая безоговорочную правоту старика. - Но это же действительно мистика какая-то...

Внизу загудела сирена - закончился новый сборочный цикл плат для 'ГосСтата'. Манипуляторы автоматиков замерли в готовности, словно лес голосующих рук на партсобрании. Проект был настолько важен, что строился исключительно на собственных ресурсах и производственной базе 'Правителя', а сверхсовременная электроника, идущая далеко впереди передовой линии мировых разработок - увы - не была сильной стороной мега-треста. Поэтому процент брака достигал пятидесяти процентов, и база проекта требовала постоянного обновления. Однако при удаче 'Правитель' должен был стать лидером уже не национального и континентального, но планетарного масштаба.

- Ты многого добился, ты член коллегии и почти 'ферзь', ты даже смог проскочить через этот проклятый кризис с 'Почтой', почти без потерь. Еще несколько лет, и ты войдешь в состав генерального директората нашего треста. В особенности если наш

маленький проект в сотрудничестве с 'НеоНетом' пройдет успешно, а он должен принести успех и тонны денег. Но...

'Священник' подошел ближе к нервному спутнику и без всяких экивоков крепко ухватил того за галстук, накрутив полосатую ленту ручной вязки на крепкий кулак.

- Но тебя может свалить любая внеплановая хрень, простой неуместный срыв, - тихо, почти шепотом выговорил старый волк. - А это недопустимо. Я пожертвовал всем, чтобы ты мог подниматься выше. Я остался вечным визирем и советником за чужим плечом, чтобы ты мог достичь всего. Твой провал станет моим провалом, а мне это очень не понравится, поскольку это будет значить, что все мои жертвы оказались напрасными.

Он навернул на кулак еще один оборот галстука, и нервный человек был вынужден опустить голову, словно кающийся грешник.

- Я не хочу, чтобы двадцать лет моей жизни прошли даром, - с явственной угрозой сообщил старик. - И тебе придется мне в этом помочь. Больше сдержанности и больше оборотистости!

Он отпустил, почти оттолкнул протеже, тот отшатнулся, тяжело дыша и утирая покрасневшее лицо.

- Мы - 'шахматисты' и 'коммэрсы', - жестко, однако с ноткой примирения сказал пожилой человек. - Мы не истеричные девчонки из техподдержки, которые даже отказать клиенту толком не могут.

- Но он теперь у арбитров, - почти простонал молодой. - Нам его там уже не достать! Инспекторы его цереброскопируют, все всплывет!

- Мозгопросветка? - старик досадливо поморщился при виде тугодумия спутника. - Ты все еще не понял? Этот парень не дурак. Он явно понял, что трясти своим иномировым происхождением нет смысла и попытался найти место в новой жизни. Можно сказать, нашел. Если этот ... Постников ... не раскололся раньше, то тем более будет молчать теперь, когда у него наконец-то все более-менее складывается. А насчет цереброскопирования... Кому он нужен, это же обычный колхозник, что приехал в большой город за длинным рублем. Рядовая пехота. Какой смысл просвечивать и перебирать ему мозги? До полноценного инспектора все равно не дорастет, а обычная шестерка при арбитраже - это расходный материал, пешка, которую не допускают до сколь-нибудь серьезных секретов. Восемь из десяти гибнут в первые три года службы.

- Он уже столько раз разминулся со смертью, - покачал головой 'полосатый', который буквально помолодел на пару десятилетий. Глядя на него старый зубр вспомнил юношу, почти

мальчишку, который заканчивал выпускной класс и впервые встретился со своим дальним родственником. Бывшим военным летчиком, а затем - малозначительным чинушей из службы госстата. Давно это было...

- Да, это так, - скромно согласился старик. - Но проблемы надо решать по мере их возникновения. А сейчас Постников - не проблема. Со временем он либо попадет в те самые восемьдесят процентов естественного отбора, либо нет.

- Его надо будет убрать! - советник сжал кулак и потряс им с яростной решимостью.

- Возможно, - осадил его пожилой мудрец. - А может быть и нет.

- ?

- Зачем убивать людей без лишней надобности? Кто знает, как повернется к тому времени жизнь. Он даже не знает о нашем существовании, я говорил с Постниковым только через 'куклу'. Он нашел свое место в нашем мире и определенно не собирается возвещать всем о своем происхождении. Если не погибнет в обычном порядке, почему бы нам не поработать с ним? В конце концов какая разница, откуда человек пришел в большой город. Главное, какое место он смог выгрызть себе в общей системе.

- Слишком рискованно, - покачал головой советник после добросовестного раздумья. - Слишком.

- Сейчас мы вообще бессильны, - напомнил зубр. - Придется хорошо и вдумчиво поработать. Но со временем... Мы не станем, - старик ожег родственника строгим взглядом. - Не станем скандалить и кричать, что все пропало. Мы будем очень терпеливы и расчетливы. Запомни, как говорил один древний китаец, двигаются тогда, когда это соответствует выгоде, а если это не соответствует выгоде, остаются на месте. Мы поступим также. И лишь когда наступит удобный момент - аккуратно и предусмотрительно сделаем то, что сочтем нужным.

Эпилог

Три года спустя

Лекс любил работать со снайперами. Это оплачивалось по куда меньшему тарифу, с другой стороны оказывалось значительно безопаснее. Впрочем, суть была не в деньгах - 'оруженосцу' нравилась механическая упорядоченность, спокойная несуетливая целеустремленность снайперской работы. В действиях стрелков гармонично уживались технологический расчет и то, что можно было бы назвать 'рукой судьбы'. Интеллектуальные силы многих людей и новейшие достижения

прогресса сливались воедино, чтобы маленький кусочек металла отправился в первый и последний полет.

Именно работая третьим номером в снайперском расчете Лекс в полной мере наслаждался своей работой. Не чувством власти над жизнью и смертью - это было бы слишком просто - но причастностью к этому великому сплаву воли и техники, человеческого гения и холодного металла. Тем более, что прикрывающий стрелка назывался 'третьим номером' скорее по традиции. 'Вторым' давно уже выступал не человек с биноклем, а электроника, сопряженная с оптикой и просчитывающая одновременно до полутора десятков параметров, включая фиксацию момента выстрела по встроенными атомным часам.

Не открывая глаз Постников прижался затылком к теплому борту, чувствуя слабую вибрацию. Обычно легкая дрожь свидетельствовала о слаженной работе многих механизмов и успокаивала, но не в этот раз. Перед делом все мандражат - нет бесстрашных людей, есть лишь те, кто успешно скрывают страх. Ну и психопаты, но таких на службе не держат - работа по 'одностороннему урегулированию деловых разногласий' требует холодного ума и тщательного расчета. Так что нервы - это нормально. Но в этот раз было что-то еще... Какая-то неправильность, тень скверного предчувствия на задворках сознания.

Что-то неправильно, не так, как должно было быть...

Постников открыл глаза и посмотрел на своего напарника, номера первого, с которым должен был сработать уже третий раз. Звали того Гюнтером, он был выходцем из ГДР и управлялся с пятнадцатимиллиметровым 'Гепардом', как с собственной рукой. Впрочем, среди инспекторов и "оруженосцев" немец был фигурой довольно популярной и даже знаменитой. Прежде всего тем, что неоднократно обкладывал отборной нецензурной бранью аппараты по продаже газировки, требуя от примитивных автоматиков ответа. Лексу приходило в голову, что снайпер подозревал в простых автоматах наличие искусственного интеллекта, причём маскирующегося и ему, Гюнтеру, по каким-то скрытым мотивам перманентно враждебного - но Постников не стремился проверять эту гипотезу.

Больше третий номер ничего о стрелке не знал, да и не должен был. Снайпер сидел неподвижно, закованный в доспехи от пяток до шеи, только шлем снят и закреплен в специальном кронштейне. Впрочем, шлем стрелку все равно не понадобится - Гюнтер пользовался штучной ЭВМ - "калькулятором", который походил на прибор ночного видения с тремя окулярами. Аппарат подключался напрямую к хромовой оптике в голове стрелка, а

затем, специальным кабелем, к собственно оружию. Соответственно у винтовки не имелось ничего похожего на традиционный прицел, зато ребристый ствол скрывался в толстом кожухе с шестью 'тоннельными' видеокамерами, лазерным дальномером и хитрыми анализаторами.

Гюнтер уже надел и подключил 'кальку', поэтому сейчас походил на футуристического пехотинца или космического завоевателя. Винтовка располагалась вертикально в держателе, вместе с коробчатым магазином и механизированным станком в отдельном ложементе. Лексу мимоходом подумалось - каким видит теперь своего напарника снайпер? Сам Постников давно взирал на окружающий мир с помощью отличного хрома 'Зенит-Цейсс' со множеством гибко адаптируемых и настраиваемых функций. Но левый глаз заменять не спешил. Хотя теперь, скорее всего, придется... Если обещанное повышение все же состоится.

Лексу было чем гордиться - за три года (даже за два, если исключить базовую подготовку и 'пробные' миссии на которых в основном и гибли новички) он добился того, к чему другие шли лет десять и более. Конечно отчасти благодаря покровительству свыше - Рита не забывала своего протеже даже когда нашла себе другого любовника. Но только отчасти.

Казалось бы, все хорошо. Все хорошо... Но почему ощущение неправильности засело, как тонкая заноса толщиной с волос - чувствуешь, а не ухватишь?

Постников быстро прогнал экспресс-диагностику на портативной ЭВМ - весь его хром работал как часы от 'Полета'. Проверил оружие - тоже в порядке. Поразмыслил над выбором - сорокамиллиметровый гранатомет с барабаном на двадцать 'веерных' снарядов - все правильно и одобрено командой подготовки. Если что-то пойдет не так, третьему номеру следует не пытаться убить всех врагов, а как можно быстрее задавить противника максимально "тяжелым" и плотным огнем, после чего вместе со снайпером делать ноги. Для этого портативный гранатомет лучше автомата. Так что пистолет, с которым Лекс не расставался, был скорее данью личным тараканам в голове. Память о давних временах и Сергее Глинском.

Но что же все-таки не так?..

До цели оставалось еще полчаса полета. Целых полчаса или всего лишь тридцать минут - как посмотреть. Маленькие самолетики серии 'Стрекоза' и зарубежные эпигоны вошли в моду среди агентов пару лет назад, как раз с началом полноценной службы Лекса. В рейдах против 'красных' зон (да и наоборот - тоже) они зачастую оказывались удобнее обычного транспорта, поскольку давали возможность перебрасывать малые группы с

оружием, минуя всевозможный контроль и не привязываясь к местной агентуре. 'Стрекозы' летали на вполне приличную дальность и могли взлетать и садиться буквально на пятачке. А систему ПВО против небольших низколетящих целей пока что не мог себе позволить ни один трест.

Итак, самолет летит, напарник как обычно - спокоен и собран. С основным оружием норма. Лекс подергал ремни, крепко прихватывавшие его к сиденью-ложементу, хлопнул ладонью по кобуре, где ждал своего часа Mauser-2000/exc. - подарок Глинского. Забавно... а ведь они могли бы встретиться - прежний хозяин пистолета, новый хозяин и сам ствол. Наверняка бежавший к 'красным' инструктор занимается не выращиванием цветов, а государственные пенсии по факту отменили еще в две тысячи восьмом. Жестко, но по-своему разумно, на опережение возможного демографического кризиса.

Черт возьми, что же его так беспокоит?!

Постников еще раз оглядел утробу 'Стрекозы' - тесную бочку без окон с двумя ложементами у бортов и стойками-фиксаторами для тяжелого вооружения. Свет происходит от единственного узкого плафона, тянущегося по всей длине бочки на потолке. В корме задраенный круглый люк на петлях и штурвальном запоре. Напротив - овальный люк в кабину пилота, открытый и зафиксированный в положении 'на четверть'. Через узкий проем виден зеленоватый свет приборной панели и танец ломаной инфографики, проецируемой прямо на стекло кабины.

Все так, как и должно быть.

Лекс вновь прикрыл глаза - живым, настоящим веком и искусственной имитацией, шедшей в комплекте с новым протезом. Имитация была односторонне прозрачной, так что хромовый глаз видел все даже с опущенным веком. Но так было проще сосредоточиться. Постников начал вспоминать, выстраивая события в стройном хронологическом порядке.

Итак, сначала была обязательная суточная 'выдержка', как обычно перед ответственными миссиями - чтобы исполнитель не смог подать сигнал конкурентам и противникам. Процент дезертиров и 'двойных' среди бойцов Арбитража было очень мал, но все же случалось и такое. Затем короткий брифинг или как это здесь называли - 'постанова'. Раньше их проводили перед 'выдержкой', но затем психологи сочли, что более выгодно сначала мариновать бойцов неизвестностью, а затем уже сообщать о грядущей работе. Предполагалось, что эффект контраста добавит воодушевления и исполнительности.

Задача предстояла не сказать, чтобы рядовая, но и не экстра-класс. Минимально необходимое, предельно усеченное

разъяснение, только для дополнительной мотивации. Трест-ассоциат, заключивший договор с фининспекторами, трест-конкурент, важный проект, необходимость быстрых действий. Традиционные методы не сработали, добраться до исполнителей невозможно, точнее невозможно сделать это достаточно оперативно. Соответственно остается лишь быстрый и жесткий удар по ключевым административным звеньям. Маршрут цели, десятисекундное 'окно' поражения мишени, доставка и отход воздушным 'подскоком'.

Ну и весьма важный момент - оплата. Максимальные тарифы плюс премия 'за сложность' плюс премия от треста-ассоциата. Плюс повышение лично Постникова, как исполнителя с отменным послужным списком - одиннадцать безупречных акций, три неудачных, однако по чужой вине.

Здесь все нормально, как бывало не раз до сего часа и наверняка будет после. А что происходило потом?

'Прогон' с тактическим инструктором будущей задачи, в том числе и на симуляторе. Планы, действия, возможные проблемы, шаблонные действия. Симулятор Постников немного 'зажевал', замешкавшись с последовательностью 'встречный десант - отход', но в целом уложился в стандарт. Затем сборы. Сначала 'механик' и подробнейшая диагностика всего хрома, от аппаратуры до 'пробивки'. После - медицинский осмотр, накачка соответствующими препаратами и сбор 'аптечки', перезарядка внутренних капсул обезболивающим и несколькими 'боевыми' препаратами.

Затем снаряжение, непосредственно перед вылетом. Вся амуниция и оружие были доставлены заранее на закрытую 'палубу' - терминология 'стрекозных' операций многое позаимствовала из морской авиации. Пилот обычно уже находился в кабине, однако в этот раз решил лично посмотреть на боевую группу. И даже напутствовал первый и третий номера добродушным пожеланием. Летун конечно необычный - дядька в годах, похожий на черепаху Тортиллу обстоятельностью и рассудительностью, но почему бы и нет?.. К особо ответственным задачам временами привлекались даже ветераны с опытом Великой Войны. Это обычный боевик должен быть относительно молод или хромирован по самое никуда. А пилоту важно общее здоровье и главное - опыт. Скорее всего и этот из тех же, зубр, помнящий битву за Францию, Испанскую мясорубку и 'бег к Ла-Маншу'.

Постников чуть склонился вперед, насколько позволяли ремни, покрутил головой. И тут мысль ввинтилась в череп, как бронебойная малокалиберная 'игла'. Вонзилась и застряла в

голове, как заершенный рыболовный крючок. Еще не понимание, но его падающая тень. Открытая дверь, через которую готово пройти ключевое воспоминание.

Пилот... в годах... напутствие...

Что он сказал? В самом конце короткой - на три-четыре фразы - речи.

'Такая вот экзистенция, парни. Прорвемся через превратности бытия.'

Где-то он, Постников, это уже слышал. Но где?

'Экзистенция... превратности бытия.'

Экзистенция. Бытие. Кто же это говорил?.. Те же слова, тот же тон.

И он вспомнил.

Вы просто оказались в иной реальности. Навсегда. Такая вот экзистенция, то есть превратности бытия...

О, господи...

Лекс уже знал, что такая методика называется 'марионеткой', она давала возможность использовать другого человека, как видеокамеру и живой телефон. Ею пользовались редко - для этого требовался специальный хром, да и область применения оказывалась довольно узкой. Но все же пользовались. В тот день, когда чиновник 'Правителя' встретился с пришельцем, несколько минут его устами говорил некто посторонний. Кто-то могущественный, желавший 'лично' посмотреть и поговорить с Алексеем, пусть чужими глазами и устами.

Кто-то, кто воспользовался специфическим словесным оборотом, а теперь повторил его вновь. Летчикам никогда не ставили хром 'марионетки' - учитывая специфику работы, вмешиваться в мозг было бы слишком опасно. А значит, сегодня Постников встретился с 'кем-то' лично. И сейчас 'кто-то' сидел за тонкой переборкой, в кабине пилота.

Зачем!?

Ладонь Лекса легла на кобуру Маузера сама собой, повинуясь рефлексам и инстинкту, который вопил в уши хозяина, сообщая о смертельной опасности. И через прозрачное веко протезированного глаза Постников увидел, как металлические пальцы Гюнтера зеркально повторили его жест, коснувшись рукояти безгильзового пистолета Герасименко.

В это мгновение Лекс понял, что через слепые окуляры электронной приставки Гюнтера на него глядит собственная смерть.

И наступила тишина.

Оба 'напарника' слишком хорошо знали и понимали друг друга. Им не нужно было подсчитывать сильные и слабые стороны для подведения окончательного баланса возможной удачи. Тяжелая пехотная броня неуязвима для легкого огнестрела вроде "герасима", но мало кто ее надевает - слишком тяжело и неудобно в стремительных городских схватках. Полевая защита Постникова в общем то неплохо защищала от пистолетных пуль, но не от стрельбы в упор... А дуэлянтов разделял от силы метр. Гюнтер был закован в 'скелет', приспособленный специально для стрельбы из дальнобойного оружия, по сути это был самоходный станок для винтовки в виде скафандра-каркаса. Защита еще слабее, чем у обычных армейских бронежилетов, однако снайпер очень далеко продвинулся по пути хромирования.

Что окажется сильнее - относительно слабый, но тридцатизарядный "герасим" против полного бронированного облачения или мощный, но всего лишь восьмизарядный маузер против кибернетика в облегченном скафандре?.. Одна пуля из 'Гепарда' или один выстрел из гранатомета могли бы сразу поставить точку, однако дотянуться до основного вооружения противники не успевали в любом случае. Да и не лучшая идея - палить из тяжелого вооружения в тесном отсеке 'Стрекозы'.

Выбора не было. Альтернатив не оставалось. И все же пальцы бойцов замерли на оружии в немыслимо длинной паузе, на узкой грани, что отделяет жизнь и неминуемую смерть. Одного легчайшего движения было достаточно, чтобы перейти границу, за которой уже ничего нельзя отыграть назад. И именно поэтому снайпер и 'оруженосец' медлили.

Лицо Гюнтера не выражало ничего, да и лица то собственно не оставалось - лишь тонкие, плотно сомкнутые губы, буквально зажатые между высоким жестким воротом бронекаркаса и краем калькулятора, скрывшим оптику глаз. Что отражалось на лице у самого Постникова, Лекс не представлял, полностью сосредоточившись на противнике и собственном оружии. Впрочем, сторонний наблюдатель отметил бы мертвый взгляд - с удивительным сходством живого и искусственного глаз, одинаково остекленевших и неподвижных. И бледное лицо, неподвижное, как у японской актрисы.

Кто выстрелил первым, можно было бы определить лишь при очень тщательной экспертизе, с видеозаписью и покадровым просмотром. Но даже в этом случае пришлось бы обрабатывать отдельные кадры на ЭВМ, раскладывая их на точную последовательность мельчайших движений. Пауза, длившаяся от силы пять-шесть секунд, зарядила боевиков немыслимым

напряжением, как атомный взрыв, скованный фантастическими силовыми полями. И взорвалось в сокрушительной вспышке действия.

Они выхватили пистолеты одновременно и одновременно же выстрелили. Пистолеты были без глушителей и пламегасителей, поэтому сдвоенный звук бахнул, словно взрыв акустической бомбы. Обычные люди оглохли бы, но бойцы Арбитража таковыми давно не являлись. Датчики, выведенные в ушные раковины, автоматически измерили уровень шумовой угрозы и соответствующим образом отфильтровали поток сигналов, бегущих стремительным путем от внешних микрофонов до височных долей мозга. Выстрелы шли слитными, почти нераздельными парами, одна за другой.

Первую пулю Постников почти не заметил - просто сильный удар в нагрудную пластину, от которого перехватило дыхание, но сразу отпустило. Сработал кислородный патрон за грудной костью, точнее сложная система аврального насыщения крови. Теперь примерно на минуту боец вообще не нуждался ни в дыхании, ни в легких как таковых. Собственный выстрел Лекса прошил Гюнтера насквозь, отозвавшись стоном обшивки самолета.

Еще выстрел, и еще.

Достаточно слабые пули "герасима" были собраны по "ртутному" принципу, они не пробивали защиту, но крушили динамическими ударами оказавшиеся за броней плоть, кости и чувствительный хром. Мощные заряды маузера проходили через тело и скафандр снайпера, вырывая из спины куски ячеистой арматуры с тонкими прямоугольниками жесткой брони, но пули пока что не задели жизненно важных узлов. Перенос огня в голову мог бы помочь, но это заняло бы лишнюю долю секунды и украло малую толику от темпа стрельбы. Дуэлянты не сговариваясь высаживали пулю за пулей в корпус соперника в бешеном темпе, надеясь на удачу и убойность пистолетов.

На третьей паре выстрелов красные лампы полоснули яркими отблесками в кабине самолета, завыла сирена - пули маузера застревали в гелевом наполнителе двойного корпуса легкого самолетика, но его устойчивость уже была на пределе. Еще одно-два попадания и разгерметизация неизбежна. Вопли предупредительной сирены застряли в ушах стрелков вязкой, тягучей ватой, замедлившись во времени, перегорая в токе адреналина, щедро разбавленного химией - автоматика кибернетизированных бойцов оценивала не антураж, но состояние организмов, и соответствующим образом действовала.

Четвертый двойной. Если бы Лекс дышал и чувствовал боль

как обычный солдат, он уже давно провалился бы в беспробудный шок. Герасименко считался оружием слабаков - "для галочки" - все-таки снайперам тоже нужно какое-то оружие "на всякий случай", бесполезное в настоящем деле. Однако, похоже немец знал свое дело. Безгильзовая 'безделушка' уже нафаршировала легкие Постникова осколками ребер и замедлила темп стрельбы. Впрочем, снайперу приходилось не лучше, держался он только на глубоком хромировании и внутренних ЭВМ, принявших управление приводами и искусственными мышцами. Облачка темных капель покрыли борт самолета за спиной Гюнтера, словно выпущенные из пульверизатора - смешались кровь, а также схожий с ней по цвету красный гель, обильно выступающий из пробоин во внутреннем корпусе 'Стрекозы'.

Пять, шесть.

Боли не было, только невыносимый зуд во всем теле растекающийся, как стремительный лесной пожар - кассеты с обезболивающим отработали полностью, гася тяжелейшую контузию организма. Передовая фармацевтика от 'КосмоМеда' и платиновые щупальца кибернетических имплантатов гасили болевые импульсы, принимали на себя часть функций сбоящей нервной системы, позволяли драться тем, кто по сути был уже мертв. В каждой капле чудодейственного эликсира, в каждом импульсе разогнанного до предела хрома сгорали недели и месяцы жизни дуэлянтов, отмеренные им природой.

Седьмая пара.

Не было и страха. Только понимание, что для перезарядки Лексу понадобятся секунды, а у Гюнтера останется еще два десятка пуль.

Восемь.

Вошедший в безумный ритм стрельбы Лекс еще трижды нажал на спуск и только потом услышал щелканье 'пустого' бойка. Гюнтер заваливался на бок, его губы покраснели, словно губка, сквозь мельчайшие поры которой выдавливают сок. Рука с Герасименко выписывала кривые восьмерки - похоже, снайпер просто не видел, куда целиться. Постников протянул руку к накладному карману с подпружиненным 'стаканом' и запасным магазином. Мысли выстраивались в ледяную, кристально ясную последовательность - еще две пули в голову снайпера, затем в пилота, через тонкую преграду люка. Четыре секунды на все, включая перезарядку. Нет - шесть секунд, с поправкой на состояние и травмы. А дальше - надеяться на автоматику самолета и экстренную связь с ...

Об этом Постников подумать не успел.

Он был быстр даже сейчас - паладин электроники и

фармацевтики. Однако все же недостаточно быстр. Лекс успел вогнать магазин в шахту и передернуть затвор, а затем невидимый пилот нажал кнопку своей страховки, прибереженной на самый крайний случай.

* * *

Огонь... Белый огонь затопил весь мир. А что касается боли... Помню, читал я какую-то книгу про вампиров в начале девяностых, на удивление хорошую. В памяти засела одна фраза - ее произнес упырь, описывая свои впечатления от давнего знакомства с солнцем.

'А такой боли я и живым не испытывал'.

Засело в голове, не забылось. Такой боли я не испытывал даже под ножом у Доктора Леонида. Во мне немало металла и казалось, каждый миллиметр приращений раскалился добела в одно мгновение. Боли от пуль и сломанных ребер я не чувствовал, а вот все остальное - еще как ощущал.

"Даже живым не испытывал..."

Редкая штука, сложная и собираемая практически вручную. Электромагнитная мина каскадного воздействия, самое эффективное средство против ЭВМ, роботов и кибернетиков вроде меня. Применяют ее нечасто - все равно, что взрывать бомбу-'блокбастер' в жилом квартале, чтобы запугать одного лавочника. Да и сложное это дело. Мой неведомый доброжелатель оказался запаслив и предусмотрителен. А еще, надо думать, он очень сильно меня боялся. Настолько, что рискнул отрубить всю электронику вообще, включая бортовые системы.

Я не умер, хотя мог бы. Все-таки некоторые системы в хроме не только дублируются, но и защищаются разными хитрыми способами. Так что у меня не остановилось сердце и не случилось прочих неприятностей, которые обычно происходят при сбоях электроники, соединенной с парасимпатической нервной системой. Но от смерти меня отделяло... вряд ли это можно как-то измерить. Немного, в общем, отделяло.

Не знаю, что было дальше, я на время оглох и ослеп. То есть знаю, но чисто теоретически - летчик перехватил управление и начал выравнивать самолет. Похоже - выровнял. А затем включилась вторичная система-дубль, и электроника просто отсекла пилота, уйдя на аварийную посадку. Люки закрылись автоматически, летное кресло спеленало хозяина, уберегая от перегрузок. Для нас, "пассажиров", такой роскоши не предусмотрено - иногда бойцам приходится покидать машину в

воздухе, так что кто не пристегнулся, сам себе виноват.

Самолет спикировал на самую близкую площадку, которую ЭВМ сочла подходящей для посадки - то есть на крышу громадного дома. Здание было старым и ветхим, а в 'Стрекозе' все-таки почти пять тонн веса. Крыше этого хватило, и самолет затормозил, только не горизонтально, а вертикально, проломив несколько перекрытий. И я начал выбираться... Получилось немного быстрее, чем у пилота, которому пришлось сначала побороться с системой безопасности 'Стрекозы'. Совсем чуть-чуть разминулись, но я успел.

Он начал стрелять, еще не заглянув толком в пассажирский отсек. Пиропатрон экстренной эвакуации вышиб сразу секцию борта, так что было куда палить. Летчик, похоже, не очень верил в чудесные свойства электромины и слишком верил в мои возможности. Единственный светлый момент во всем этом - представлять, что он почувствовал, когда увидел внутри только Гюнтера, то ли полумертвого, то ли совсем мертвого.

Аварийного запаса моего хрома и продублированных систем хватило только на то, чтобы кое-как двигаться, а пистолет куда-то улетел в процессе болтанки при посадке, которая добавила мне самое меньшее - сотрясение черепа. Именно, что 'кое-как', так что перестрелку я, наверное, не рискнул бы завязать, даже окажись маузер в руках. Наверное, хорошо, что я все делал в частичной эйфории от обезболивающих и 'разгонщиков'. Когда в крови веселой химии едва ли не больше, чем самой крови, то даже полная безнадега не пугает и не давит, все кажется удивительным приключением.

Но как бы я ко всему этому не относился, похоже, пришло время умирать...

Палец на спусковом крючке держат одни идиоты. Глинский - мой первый стрелковый наставник - часто повторял эти простые, но мудрые слова. Но мой безликий враг не идиот, он просто не очень хороший стрелок. Старый пилот перезаряжает револьвер, и в щелчках барабана я слышу свою судьбу. У меня не хватило сил отползти далеко, я затаился за полуобваленной опорной колонной из крупного кирпича. Кругом не смолкает шорох, скрежет стук - дом дышит, словно огромное животное, тяжело раненное 'копьем' упавшего самолета. Где-то осыпается старая штукатурка, доламываются ослабленные ударом перекрытия и фальш-стены. Сверху, через огромную пробоину, редким градом осыпаются битые кирпичи темно-красного, странно-вишневого цвета. Очень старые, наверное...

А плохой стрелок, который твердо намерен меня убить, заряжает по одному одиннадцатимиллиметровые патроны. У

девятой модели ствол соосен с нижней каморой, а не верхней, как у нормального ливольверта. А еще он автоматический, поэтому более склонен к разного рода осечкам и неисправностям. Можно помечтать, что именно в этот раз случится осечка. А еще лучше - пистоль взорвется прямо в руках у стрелка. Было бы славно...

Но не будет.

- Это печально, если посмотреть на вещи объективно, - сообщает стрелок с пижонским автоматическим револьвером. - При других обстоятельствах все могло сложиться иначе.

Он говорит не для меня, а скорее самому себе, негромко и зло. Пилот по-прежнему в шлеме, я не вижу его лица, но отчетливо слышу голос - он гулко отдается под высокими потолками атриума или куда мы там свалились... Большой зал, похожий на бальный, с несколькими рядами колонн. Когда-то здесь, наверное, было очень красиво.

У револьверщика голос пожилого человека, но речь поставлена хорошо, даже сейчас он говорит четко и разборчиво. А меня все больше отпускает, боевая химия заканчивает свое действие. Мне уже не весело, все происходящее совсем не приключение, и скорее всего в течение ближайших пяти минут я умру. Сейчас он двинется и неминуемо увидит меня. Но даже если не двинется - я вряд ли смогу нормально дышать, когда боль в порванных ребрах станет по-настоящему невыносимой.

Боже, как легко меня сейчас убить... Или, если придерживаться трестового жаргона, перевести в разряд списанного, отработанного материала. Одной, может двумя пулями из гнусного пистоля, который оскорбляет саму природу огнестрельного оружия. И если минуту назад это казалось почти забавным, то теперь мне страшно. Очень страшно.

Господи, помоги, забери меня отсюда. Я хочу обратно, к 'ведроидным' планшетам, 'многополярному миру' и ю-тубу.

Я хочу домой...

- Жаль, - тихо говорит пожилой летчик, взводя курок - протяжный скрежет механизма отдается у меня в ушах погребальным звоном.

Он как будто не уверен, однако шаги вполне тверды. Все ближе и ближе. Хрустят под подошвами кирпичная крошка и хлопья отвалившейся краски. Я закрываю глаза. Нет смысла видеть лицо своего убийцы, тем более, если у него нет лица - почти как у Гюнтера, только вместо электронной приставки шлем с непрозрачным забралом. Кто он? Почему моей смерти так желает обычный пилот? Или это не обычный пилот?

Кто уже теперь скажет... Никто.

И он прошел мимо меня. Это невозможно, так просто не

бывает! Даже в самом притянутом и сказочном кино так не получилось бы! И все-таки - случилось. Я только сейчас понял, что у него обычные глаза обычного человека, без фотоумножения, усиления сигнала и фильтрации помех. Я в густой тени, вся кровь, что все-таки пролилась из меня, осталась под броней, не оставив следов. И он прошел мимо, не заметив меня, двинулся дальше, крепко сжимая оружие в напряженных руках.

Удаляется хруст мусора под ногами пилота. Идут секунды, которые судьба в насмешку подарила мне. Даже если он меня не отыщет, если мне удастся куда-то уползти - что потом? Я не просто ранен, я изувечен. Хром отрубился по меньшей мере наполовину, а остальное скоро тоже поотключается, когда дорогостоящие параллель-элементы выработают свой короткий ресурс. Ведь подразумевается, что их можно быстро заменить в трестовой лаборатории.

Это конец, просто немного отсроченный.

Конец?

Мне невероятно больно, и все же боль странным образом оттачивает мои мысли, очищает все стороннее. Мой разум - как ампутационный нож Доктора Эла, сияющий клинок в море совершенной, невыносимой боли.

Переворачиваюсь, медленно, стараясь шуметь как можно меньше. Правая рука совсем не действует, но левая еще кое-как работает. С ногами не лучше, но я могу, по крайней мере, ползти на четвереньках. Хорошо, что я так и не собрался заменить левый глаз, он снова меня спасает. А вот видеть правым, похоже, не судьба. Боль режет каждую мышцу, обжигает нервы, ввинчивается в позвоночник раскаленными саморезами. Грудная клетка словно рассыпается на куски, кажется, что каждое ребро расщепилось, превратилось в пучок острейших костяных игл, накалывающих все новые и новые пузырьки в легких. Я слышу этот хруст, хлопки лопающихся альвеол.

Мне больно, однако боль я уже испытывал. Сейчас больнее, чем под ножом доброго доктора, однако, признаться, ненамного. Мое положение безнадежно, но и это уже было - когда я оказался на улицах агломерации, один во всей вселенной. И потом, дважды - в клубе и в лаборатории Доктора. Меня швыряли в полную безнадегу, меня пытались убить, меня резали на части. Я вынес все, я выжил.

Боль можно перетерпеть. Увечье можно пережить. Мне нужны иммуноблокаторы, но их можно достать. Скорее всего, во мне есть маячки, но тут уж ничего не поделать. Вероятно они вообще сожжены электроминой, а кроме того мы на чужой территории, в 'красной' зоне.

Все дальше и дальше от проклятого самолета, во тьму брошенного дома. Пусть я там и сдохну, но это будет мой выбор, я не стану ждать пули от доброго пилота. Больно, безумно больно, но болью меня не удивить. Этой вселенной вообще нечем удивить меня. Я видел мир со всех сторон, от трущоб мегаполисов до сияющих вершин. Я дорого заплатил за то, чтобы стать его частью, научиться жить по его правилам. Этот мир может меня убить, но я умру, не валяясь на куче мусора, а схватив его за глотку, сжимая до последнего вздоха.

Ищи меня, броди с револьвером в руках по старому дому, среди призраков и пыли.

Я выживу.

Я вернусь.

Я найду тебя.

Конец